

зала 20 47
шкафъ
полка 6
№ 13

М. С. Сковронская.

Быль и думы.

МОСКВА.

Первая женская типографія Е. К. Гербекъ, 2-я Мѣщанская, 26.

1900.

М. С. Сковронская.

Быль и думы.

МОСКВА.

Первая женская типографія Е. К. Гербекъ, 2-я Мѣщанская, 26.
1900.

Меблированные комнаты.

(Картинки).

Хотя Валерьянъ Владиміровичъ Шаховъ и виду никому не показываетъ, что тяготится жить въ маленькой комнатѣ, рядомъ съ которою съ утра до ночи стирають прачки и разливають вокругъ корытъ по полу мыльную грязную воду, но каждый, знавшій прежде, какъ роскошно онъ жилъ, гремѣлъ своимъ гостепріимствомъ и хлѣбосольствомъ по всей губерніи,—каждый увѣренъ, что престарѣлому Валерьяну Владиміровичу теперь должно быть крайне тяжело.

Вѣдь, помимо его воли, можетъ-же ему присниться сонъ, будто его любимый рысакъ взялъ призъ на бѣгахъ, или, что для своего крѣпостнаго оркестра онъ намѣренъ заказать новые фраки, или, наконецъ, будто передъ дворянскими выборами онъ готовится произнести рѣчь къ избирателямъ, а, проснувшись, видитъ вокругъ себя убогую обстановку: дешевая деревянная кровать съ одной тощей подушкой, на которой не особенно удобно покоиться его сѣдой головѣ, а онъ самъ прикрытъ старымъ ватнымъ одѣяломъ. Вдоль противоположной стѣны стоятъ только столъ и два стула; но за то стѣна увѣшана его портретами раз-

ныхъ возрастовъ, писанными масляными красками и притомъ хорошими художниками.

Можетъ-ли быть, чтобы эти портреты не напоминали ему счастливыя вре мена безпечной, широко-роскошной жизни?

На первомъ полотнѣ изображенъ пятнадцатилѣтній юноша. Зиму онъ проводитъ въ московскомъ дворянскомъ институтѣ. Какъ живые стоятъ и теперь передъ его воображеніемъ любимые товарищи: князь Михайлъ В., графъ Аркадій К., Вырапаевъ, братья Зазнобишины и много другихъ. Весною послѣ экзаменовъ за нимъ пріѣзжаетъ тетка въ деревенскомъ экипажѣ, а съ нею цѣлая свита. Его везутъ въ деревню. Отецъ, мать, братья, сестры радостно его встрѣчаютъ. Какое дома приволье! Какое раздолье!

Вотъ онъ двадцатипятилѣтній молодой человѣкъ. Какъ пріятно проводилъ онъ тогда время въ заграничныхъ путешествіяхъ! Парижъ, Лондонъ, Баденъ, Флоренція, Римъ! Именно въ вѣчномъ-то городѣ и снятъ съ него этотъ портретъ. Чудная природа, дивная погода, синее южное небо! Онъ ясно помнитъ того смуглаго, кудряваго художника, передъ которымъ онъ тогда позировалъ.

Слѣдующій портретъ изображаетъ его тридцатилѣтнимъ, счастливымъ мужемъ и отцомъ. Рядомъ съ этимъ полотномъ виситъ изображеніе молодой женщины, очень изящной, въ темно-красномъ бархатномъ платьѣ. За нею слѣдуютъ два портрета: мальчика въ черномъ костюмѣ и дѣвочки въ розовомъ платьѣ, отдѣланномъ бѣлыми кружевами.

Послѣдній портретъ писанъ далеко не такою искусною рукою, какъ всѣ прежніе; на немъ онъ изобраа-

женъ сорокасемилѣтнимъ; тогда онъ овдовѣлъ. Дѣла его уже начали пошатываться: смоленское имѣніе перешло къ другому владѣльцу; тверское было заложено; но Валерьянъ Владиміровичъ еще не унывалъ, потому что ему и въ голову не могло придти, что когда-нибудь у него не будетъ ни земли, ни денегъ, ни движимаго имущества.

Онъ былъ тогда въ губернскомъ городѣ; дворяне приготовлялись къ выборамъ. Обѣды слѣдовали за обѣдами, рѣчи за рѣчами. Въ это же время туда пріѣхалъ бѣдный художникъ изъ тамошнихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, и крупные (или уже мнимо крупные) дворяне рѣшили великодушно его поддержать. Шаховъ явился, конечно, однимъ изъ главныхъ его покровителей, и тогда написанъ былъ этотъ послѣдній портретъ.

Лѣтъ черезъ шесть воспитаніе и образованіе дѣтей было окончено. Сынъ вышелъ инженеромъ и немедленно получилъ хорошее мѣсто. Къ дочери присва-тался сановникъ, занимавшій важный постъ въ Западномъ краѣ.

Валерьянъ Владиміровичъ сначала оказался одинокъ, а затѣмъ и безземеленъ. Отъ продажи послѣдней деревни осталась небольшая сумма. Шаховъ по природѣ былъ человѣкъ энергичный и предприимчивый; онъ все-таки еще не унывалъ и съ маленькимъ капиталцемъ отправился въ Москву, рассчитывая начать на эти послѣднія деньги какое-нибудь предпріятіе.

Въ силу прежнихъ привычекъ онъ остановился въ первоклассной гостинницѣ, но вскорѣ спохватился и, скрѣпя сердце, перебрался въ меблированныя комнаты. Тутъ онъ усердно принялся разыскивать подходящее ему дѣло, но судьба сыграла надъ нимъ шут-

ку: ему крѣпко полюбилась молоденькая дѣвушка Малаша, которая разносила по номерамъ бѣлье отъ своей хозяйки прачки. На самомъ дѣлѣ Малаша была миловидная семнадцатилѣтняя блондинка, съ кроткимъ выраженіемъ голубыхъ глазъ. То-ли, что Шаховъ, не смотря на свои пятьдесятъ четыре года, былъ еще видный мужчина, то-ли, что дѣвушка считала его за богатаго барина, но и она не осталась къ нему равнодушною.

Тогда Валерьянъ Владиміровичъ нанялъ небольшую квартиру и перевезъ туда Малашу. Подходящее предпріятіе все не подвертывалось, а ему хотѣлось, чтобы его Малаша одѣта была прилично и жила въ достаткѣ. Черезъ десять мѣсяцевъ у нихъ родился сынъ. И, удивительное дѣло! Въ богатствѣ, въ роскоши у него не было къ своимъ законнымъ дѣтямъ такой сильной привязанности, какую онъ почувствовалъ теперь къ маленькому Борѣ. Тѣ дѣти росли на другой половинѣ дома, и онъ видалъ ихъ только въ столовой и залѣ, а этотъ лежалъ въ своей качкѣ возлѣ его кровати; при немъ молодая мать кормила ребенка, и онъ чувствовалъ тѣсную связь съ этими двумя существами, тѣмъ болѣе, что не былъ уже отвлеченъ отъ семьи ни обязанностями общественными, ни обязанностями владѣльца большихъ имѣній и хозяина большаго дома. Все „его“ заключалось теперь въ маленькой квартирѣ, и жизнь его наполняли заботы о ребенкѣ.

А деньги все утекали, да утекали. Необходимо стало взять квартиру еще поменьше, а затѣмъ разрѣшить Малашѣ брать въ стирку бѣлье и нанять двухъ помощницъ.

Пуще всего Шаховъ боялся, чтобы его дѣти не узна-

ли, въ какой обстановкѣ онъ живетъ; но, какъ на грѣхъ, сыну пришлось по дѣламъ службы проѣзжать черезъ Москву. Адресъ отца по перепискѣ былъ ему извѣстенъ и потому прямо съ Николаевского вокзала онъ нанялъ извозчика къ нему. Дѣло было утромъ. Наткнувшись на корыто, сынъ подумалъ сначала, что онъ не туда попалъ, но дверь въ залу была отворена, а тамъ за самоваромъ сидѣла Малаша; противъ нея Валерьянъ Владиміровичъ; онъ держалъ на рукахъ ребенка и поилъ его съ ложечки чаемъ.

Эта картина разомъ все объяснила пріѣхавшему. Малаша убѣждала, а между сыномъ и отцомъ произошли крупныя объясненія. Молодой человѣкъ вскорѣ уѣхалъ, и съ того времени ни отъ него, ни отъ дочери Шаховъ писемъ уже не получалъ.

Начало этого разсказа застаётъ его 66 лѣтъ. Онъ занимается сомнительнымъ и неблагодарнымъ ремесломъ комиссіонера. Малашѣ 29 лѣтъ; она располнѣла и частенько бываетъ на-веселѣ. Борѣ одиннадцать лѣтъ; онъ очень хорошо читаетъ, пишетъ и считаетъ. Ежедневно онъ прочитываетъ отцу газету и записываетъ адреса нужныхъ ему по дѣламъ людей.

Валерьянъ Владиміровичъ проснулся утромъ озабоченный, разсѣяннo поцѣловалъ въ лобъ вѣбжавшаго къ нему Борю и задумчиво отхлебывалъ глотки чаю.

— Кабы удалось мнѣ это дѣло! Да ничего подходящаго не предвидится, — сказалъ онъ.

— Какое дѣло? — спросила Малаша.

— Антипьевна просила меня найти ей доходный домъ съ доплатою въ пять тысячъ; общала куртажу чetyреста рублей, — отвѣтилъ Шаховъ.

— Не подойдетъ-ли ей розовый домъ на углу на-

шей Рогатки? Давеча лавочникъ говорилъ мнѣ, что его будутъ продавать за долги,—сказала Малаша.

Валерьянъ Владиміровичъ просіялъ отъ радости; второпяхъ дохлебнулъ послѣдній глотокъ чаю, надѣлъ свое поношенное пальто и вышелъ.

Вдова Дарья Антиповна была замужемъ за сыномъ его бывшаго крѣпостнаго приказчика, и маленькою торговлею и бережливостью скопила капиталецъ. Ея свекоръ былъ живъ и частенько навѣщалъ своего бывшего помѣщика, при чемъ Валерьянъ Владиміровичъ дружески усаживалъ его съ собой пить чай; но бывший крѣпостной все-таки велъ себя сдержанно въ его присутствіи, хотя разговоры ихъ и воспоминанія были неистощимы.

Когда Шаховъ вошелъ въ квартиру Щукиныхъ, старикъ Ѳеодоръ Ефимовичъ, какъ всегда, почтительно его встрѣтилъ и снялъ съ него пальто.

— Ну, здравствуй, старина, — сказалъ Валерьянъ Владиміровичъ съ добродушной улыбкой. — А вѣдь я нашелъ домъ, подходящій для Дарьи Антиповны.

— Очень вамъ благодарны за ваши хлопоты и заботы объ насъ, отвѣтилъ старикъ Щукинъ, въ глазахъ котораго виднѣлось сожалѣніе къ Шахову.

Онъ провелъ своего бывшего барина въ залу, а самъ пошелъ позвать сноху. Дарья Антиповна, полная и довольно высокая сорокалѣтняя женщина, очень бойкая и предприимчивая, была природная московская мѣщанка и относилась къ Шахову не только не подобострастно, но почти за панибрата. И теперь заставила его немножко подождать себя.

— Здравствуйте, Ливерьянъ Владиміровичъ, — сказала она, входя и протягивая ему съ сознаниемъ собствен-

наго достоинства толстую, жесткую руку.— Никакъ домъ для меня нашли?

И она усѣлась на диванѣ, сложивъ руки на объемистомъ животѣ.

— Нашель, Дарья Антиповна, и мнѣ кажется, что онъ будетъ для васъ подходящий: именно продается съ приплатою пяти тысячъ, каменный, двухъ-этажный. Внизу лавки, а во второмъ этажѣ трактиръ. Только, если вы его купите, я посовѣтоваль бы вамъ трактиръ уничтожить, а устроить на мѣсто его меблированныя комнаты, недорогія. Рогатка какъ будто далека отъ середины города, а вѣдь, на самомъ дѣлѣ, только пройти Гусарскій переулокъ и окажешься въ центрѣ. Недорогіе номера всегда будутъ заняты.

— Ну, поѣдемъ, посмотримъ,—сказала Дарья Антиповна.

Она пошла одѣваться, а старикъ сталъ подавать пальто Шахову, продолжая благодарить его за вниманіе къ нимъ.

Розовый домъ на Рогаткѣ былъ выстроенъ, дѣйствительно, прочно и хорошо, но владѣлецъ его сильно запутался въ долгахъ, не исправлялъ его, и снаружи строеніе приняло видъ крайняго запустѣнія, а трактиръ прославился въ окрестности дебошами, скандалами и, конечно, протоколами.

Купля, наконецъ, совершилась, и мечта Дарьи Антиповны осуществилась: она сдѣлалась московскою домовладѣлицею.

Снаружи домъ перекрасили въ свѣтло-сѣрую краску. На мѣсто трактира принялись устраивать меблированныя комнаты. Всю эту передѣлку домовладѣлица поручила Шахову, заплативъ ему двѣсти рублей за ком-

миссію, а остальные двѣсти обѣщалась отдать послѣ устройства номеровъ, и предложила ему занять мѣсто управляющаго. Между скупой Дарьей Антиповною и Шаховымъ начались ежедневныя препирательства, и домовладѣлица стала уже третировать своего конторщика.

— Ты, Ливерьянъ Владиміровичъ, ужь очень за-
лѣзаешь въ мой карманъ,—выговаривала она ему. —
Ну, къ чему для номеровъ обои въ 30 копѣекъ? Не
Богъ знаетъ, кто тутъ будетъ жить; хороши обои и
по гривеннику, или по 12 копѣекъ? А къ чему въ ко-
лidorъ коверъ? Постелемъ просто половичекъ.

Плиту съ кубомъ ей стало жалко ломать, и номера
ея оказались съ кухнею. На домъ Щукиной повѣше-
на была большая вывѣска: „Новгородскія мебелирован-
ныя комнаты“, а на боковомъ крыльцѣ болѣе мелкими
буквами написано: „Новгородскіе номера“.

Самый маленькій номеръ домовладѣлица назначила
своему управляющему, а окно въ корридорѣ отгоро-
дила стеклянною дверью и устроила въ этомъ уголкѣ
контору для него. Всего оказалось тридцать номеровъ.
Шаховъ нанялъ швейцара, корридорнаго, горничную
и самоварщика, или кухоннаго мужика.

Когда все было готово и права выправлены, Дарья
Антиповна отдала Шахову и послѣдніе двѣсти рублей.
Валерьянъ Владиміровичъ почувствовалъ на душѣ
облегченіе: его давно уже тяготило сознаніе обязан-
ности пристроить Машу замужъ, но все никакъ не
могла набраться такая сумма, на которую можно бы-
ло бы справить небольшое приданое и свадьбу. Те-
перь это было возможно. Женихъ у него уже былъ
на примѣтѣ, торговецъ изъ города Клина. Шахову

именно хотѣлось, чтобы Малаша вышла замужъ не въ Москвѣ.

Свадьба происходила въ прежней квартирѣ. Валерьянъ Владиміровичъ снялъ со стѣны прадѣдовскую икону Владимірской Божіей Матери, единственную оставшуюся въ дорогомъ серебряномъ окладѣ; велѣлъ вычистить на ней ризу и на задней сторонѣ кипарисной доски написалъ крупными буквами: „благословеніе рабѣ Божіей Меланіи отъ грѣшнаго старца Валерьяна“.

Малаша тоже была рада, что выходитъ замужъ, хотя искренно жалѣла Валерьяна Владиміровича и громко всхлипывала, когда онъ ее благословлялъ. Послѣ этого обряда она начала его называть „папашей“.

Прачечное заведеніе было продано; вырученные за него тридцать рублей отданы Малашѣ на дорогу, а самъ Шаховъ, проводивъ молодыхъ, перебрался съ Борей въ назначенный ему хозяйкой номеръ, украсивъ его опять только своими портретами. Носильное же платье его и сына перенесено было въ двухъ корзинкахъ.

Уже четыре дня швейцаръ сидѣлъ у стеклянной двери, готовый сейчасъ-же броситься отворять ее первому прохожему, который только взглянулъ бы въ его сторону, но народъ безпрестанно шмыгалъ мимо, даже не глядя на его дверь. Корридорный аккуратно зажигалъ лампы въ ожиданіи квартирантовъ и отъ нечего дѣлать тоскливо уходилъ въ буфетъ, отворялъ тамъ посудный шкафъ и смотрѣлъ, какъ разставлены у него на полкахъ чайники, полоскательныя чашки и прочее, а потомъ шелъ въ кухню поболтать съ самоварщикомъ, который подтапливалъ плиту и на всякій

случай ставилъ самоваръ. Горничная въ своей коморкѣ рылась въ сундукѣ или шила. Управляющій мѣрными шагами ходилъ по корридору съ сигарою во рту и съ тоскливымъ ожиданіемъ глядѣлъ на стеклянную дверь. Боря сидѣлъ въ номерѣ и рисовалъ, или высказивалъ въ корридоръ, пробѣгалъ по немъ въ прыжку и опять скрывался въ своей комнатѣ.

Наконецъ, на пятый день къ вечеру стеклянная дверь съ улицы отворилась. Швейцаръ бросился распахнуть вторую дверь. Въ корридорѣ поднялась суматоха. Шаховъ кричалъ: „Зажигайте скорѣе лампы!“ Корридорный засуетился.

— Есть свободный номеръ?—спросила съ нѣмецкимъ акцентомъ вошедшая пожилая женщина, покрытая сверхъ шляпы большимъ платкомъ.

— Есть; пожалуйста посмотрѣть,—отвѣтилъ швейцаръ, указывая рукою наверхъ, гдѣ въ ожиданіи ея стоялъ уже управляющій.

У всѣхъ сразу на душѣ стало легче. Ей предупредительно показывали всѣ номера. Она сильно торговалась, сбавляя до нельзя цѣну и наконецъ выбрала себѣ маленькій номеръ недалеко отъ кухни. Въ задатокъ она дала рубль и обѣщала на слѣдующее утро переѣхать. Провожали ее опять всѣмъ штатомъ, съ Шаховымъ во главѣ.

— Легкая ли у васъ рука, сударыня?—спросилъ онъ ее на прощанье.

— Очень легкая,—отвѣтила она, тоже улыбаясь и желая имъ успѣха.

Сейчасъ же этотъ первый рубль былъ вписанъ въ приходную книгу.

Ободренные начавшимся дѣломъ, всѣ ждали, что

вотъ-вотъ сейчасъ уличная дверь снова отворится; но больше въ этотъ день уже никто не приходилъ.

Въ 9 часовъ слѣдующаго утра къ крыльцу подъѣхалъ возъ съ вещами первой квартирантки. Швейцаръ, корридорный и самоварщикъ бросились ихъ вносить, но имущества оказалось немного: небольшой старенькій сундукъ, узелъ съ подушками, швейная машина и манекень.

Вслѣдъ за вещами вошла сама квартирантка съ собачкою на рукахъ.

Валерьянъ Владиміровичъ привѣтливо протянулъ ей руку; но собачка сильно его тянула и залилась звонкимъ раздражающимъ нервы лаемъ.

— „Ты хочешь, чтобы и отсюда твою маму изъ-за тебя выгнали“, сказала жилица по нѣмецки собаку.

„Вотъ неприятность-то,—подумалъ Шаховъ. Въдь другіе жильцы будутъ обижаться на собаку. Впрочемъ,—рѣшилъ онъ,—слава Богу, что хоть такая квартирантка явилась, а то тоска, да и Антипьевна тревожится.“

Жилица отправилась въ свой номеръ, разставила тамъ вещи и оправила постель, на которую тотчасъ же прыгнула собака и улеглась на подушкахъ. Развѣсивъ по стѣнѣ иконы, жилица понесла въ контору остальные деньги и паспортъ. Изъ послѣдняго выяснилось, что она рижская гражданка, дѣвица, 59 лѣтъ; зовутъ ее Каролиной Ивановной Лемешевской, католическаго исповѣданія.

Пока она рассказывала Шахову, что мать ея была нѣмка, а отецъ—полякъ, наружная дверь шумно распахнулась, и молодой женскій голосъ звонко закричалъ:

— Покажите свободный номеръ!

Вошедшая быстро вбѣжала по лѣстницѣ и встрѣтилась лицомъ къ лицу съ управляющимъ, который оставилъ разговоръ съ Каролиной Ивановной и поспѣшилъ на крикъ второй жилицы. Эта была свѣженькая дѣвушка, лѣтъ двадцати трехъ, модно и довольно красиво одѣтая. Она веселыми глазами взглянула на него и пошла съ нимъ осматривать номера.

— Что это они у васъ всѣ пусты? Должно быть неудобно или неприятно у васъ жить?—развязно спрашивала она у Шахова.

— Совсѣмъ новые; только что еще открыты,—отвѣтилъ онъ.

Вторая жилица выбрала себѣ самый большой номеръ, но задатку дала только 3 р., сказавъ, что къ вечеру переѣдетъ. Это была портниха Пелагея Васильевна Никифорова. Она разсорилась съ „мадамой“, у которой жила въ ученьи, а потомъ мастерицей. Ей захотѣлось сдѣлаться тоже хозяйкой, взять двухъ мастерицъ и отбить у своей мадамъ заказчицъ, съ примѣркою къ которымъ ѣздила обыкновенно она. Съ этою-то цѣлью и, по легкомыслию молодости увѣренная въ успѣхъ, она и заняла большой номеръ. Квартиру она не могла снять, такъ какъ еще не имѣла обстановки.

Съ легкой руки этихъ двухъ первыхъ квартирантокъ въ двѣ недѣли всѣ „Новгородскія меблированныя комнаты“ были заняты постояльцами. Приѣздъ новыхъ квартирантовъ происходилъ совершенно незамѣтно, такъ какъ имущество большинства изъ нихъ заключалось въ сундучкѣ и узлѣ, или даже въ ручныхъ чемоданчикахъ и сакъ-вояжахъ. Пока квартиранты заняты чѣмъ нибудь въ своихъ номерахъ, швейцаръ

быстро пронесетъ по корридору корзинку и узелъ, и въ пустовавшемъ номерѣ слышится уже передвижаніе мебели и пѣніе.

Съ нѣкоторымъ шумомъ вѣхалъ въ номеръ только старый полякъ Бениславскій съ пожилою женою. Швейцаръ и корридорный долго вносили ихъ сундуки, корзины и узлы. Эти обстоятельные квартиранты имѣли даже свои кровати и посудный шкафъ. Бениславскій всю жизнь занимался управленіемъ имѣніями или домами, а жена его, русская, долгое время жила въ домахъ въ качествѣ гувернантки. Ему было уже 59, а ей 39 лѣтъ, когда они поженились. Проживши всю жизнь въ одиночку, они оба были довольны, что наконецъ оказались вдвоемъ. Общими силами они скопили пять тысячъ, проценты съ которыхъ обезпечивали имъ помѣщеніе, а на пищу и прочее они зарабатывали исподволь: онъ небольшими комиссіями, она двумя уроками. Люди они были радушные, прямые, отзывчивые и вскорѣ, благодаря своей общительности, оказались первенствующими въ „Новгородскихъ номерахъ“.

Большинство квартирантовъ погналось за кухнею, устроенною хозяйкою въ томъ-же этажѣ. Сначала въ этой кухнѣ властно распоряжались двѣ первыя квартирантки: Каролина Ивановна и Пелагея Васильевна. Онѣ и стряпали, и утюги грѣли, и стирали, и поло-скали. Затѣмъ въ кухнѣ появилась со стряпней разсудительная и экономная Луиза Карловна Шлиппе, жена гравера нѣмца, который пріѣхалъ въ Москву изъ Прибалтійской губерніи и черезъ три дня прекрасно устроился въ какой-то литографіи.

Вслѣдъ за Луизой Карловной вступила въ кухню

съ привѣтливою улыбкою и всегда прилично одѣтая Бениславская. Нерѣдко заглядывалъ сюда и мужъ ея, любившій хорошо поѣсть.

Наконецъ въ кухнѣ начала происходить толкотня; появились въ ней беззаботныя молодая дѣвушки, занявшія нѣсколько номеровъ. Онѣ обыкновенно показывались въ кухнѣ тогда, когда печка почти уже истопилась, и просили самоварщика сбѣгать за провизіей и накинута дровъ; онѣ жарили ту часть говядины, которая употребляется только для бульона, и варили супъ изъ мяса, годнаго на жаркое. Сначала онѣ чуждались пожилыхъ замужнихъ женщинъ, предполагая, что тѣ будутъ ими пренебрегать, но всѣ эти опытныя дамы столько видали видовъ въ своей жизни, что уже никого не осуждали и даже любезно объясняли имъ, какъ готовить кушанье.

Въ заключеніе въ кухнѣ появились высокій полный итальянецъ Фортунати, лѣтъ сорока, гладко обстриженный, съ красными отъ кутежей глазами, и старый раздражительный бельгіецъ, m-г Дююи; впрочемъ всѣ называли его французомъ.

У Фортунати опредѣленной профессіи не было; вскользь онъ говорилъ, будто занимается торговлею, но на вопросъ: чѣмъ и гдѣ? съ неудовольствіемъ отвѣчалъ:

— Это до васъ не касатся. Каждый зарабатываетъ какъ можетъ.

Французъ говорилъ, что въ прежнее время давалъ во многихъ домахъ уроки, а теперь имѣетъ только одинъ урокъ; но тутъ-же впослѣдствіи нашли люди, которые припомнили, что видали его камердинеромъ въ одномъ помѣщицьемъ семействѣ.

Фортунаи иногда въ разныхъ видахъ приготавлилъ большое количество говядины; становился въ дверяхъ своего номера и всѣхъ проходившихъ мимо него квартирантовъ приглашалъ къ себѣ закусить. Съ нимъ знались всѣ; иногда у него сидѣли мужчины, закусывали, выпивали и играли въ карты; въ другое время его окружали веселыя дѣвицы и тоже закусывали и выпивали. Въ такихъ случаяхъ Фортунаи любилъ пѣть, и притомъ все повышая голосъ: „Оль рѣди Наполи! Оль рѣди Наполи!“ А дамъ научилъ припѣвать: „ма пи! ма по!“ Но какъ бы ни былъ великъ шумъ въ его номерѣ, по правиламъ меблированныхъ комнатъ, въ 11 часовъ вечера у него водворялась тишина, и онъ ложился спать. А если гдѣ нибудь въ это время продолжался шумъ, онъ подходилъ къ двери Шахова и кричалъ:

— Гаспадинъ управляющъ! Я хочеть спать, а ихны шумить.

Въ такіе дни, когда у Фортунаи денегъ было мало, онъ варилъ тоненькія макароны, обливалъ ихъ прованскимъ масломъ и посыпалъ мелко нарубленнымъ чеснокомъ. Гостей уже не зазывалъ къ себѣ, а сидѣлъ передъ небольшою бутылкою краснаго вина одинъ и чувствительно пѣлъ: „Venezia, Venezia la bella!“ Иногда въ глазахъ у него бывали даже слезы. Очевидно, онъ тосковалъ по родинѣ; но говорилъ, что ему туда не къ кому, да и нельзя возвращаться.

Французъ былъ скупъ: къ себѣ никого никогда не звалъ и въ дни, въ которые не обѣдалъ на урокъ, варилъ нѣсколько облупленныхъ картошекъ и тѣ нарочилъ не купить, а у кого нибудь выпросить и говорилъ, что варить картофель „à la milanaise“. Любез-

но онъ относился къ одной только Бениславской, умѣвшей говорить по-французски. Въ противоположность всѣмъ французамъ, онъ былъ грубъ и иногда являлся въ кухню безъ сюртука, прикрытый большимъ старымъ платкомъ, и когда онъ поднималъ руки, чтобы переставить кастрюльку, замѣтно было, что онъ въ одномъ только бѣльѣ. Задорная Пелагея Васильевна не утерпѣла и рѣзко замѣтила ему:

— Какъ вы смѣете приходить сюда въ такомъ видѣ, когда тутъ много дамъ?

— Отстань! — огрызнулся раздражительный бельгеецъ.

— Дуракъ! — крикнула портниха.

— Ты сама дуракъ! — отвѣтилъ м-г Дюпюи.

Присутствовавшіе расхохотались. Французъ съ гнѣвомъ отодвинулъ ея кастрюлю съ середины плиты; она толкнула его котелокъ, и дѣло, быть можетъ, зашло бы далеко, но въ это время въ кухню вошелъ Бениславскій и укоризненно замѣтилъ расходившемуся бельгійцу:

— Какъ вамъ не стыдно, господинъ, такъ дерзко поступать съ дамой? Конечно, въ такомъ видѣ вы не должны сюда являться, а если такъ будете продолжать, то мы попросимъ, чтобы васъ въ кухню не допускали. И зачѣмъ ссориться?

Столкновеніе на этомъ прекратилось.

Небольшой номеръ занималъ сгорбленный старикъ съ двумя дѣтьми, десятилѣтнею дѣвочкою и одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Фамилія его была Макаручукъ; онъ рассказывалъ, будто онъ имѣетъ чинъ полковника и получаетъ 60 руб. въ мѣсяцъ пенсіи, а между тѣмъ зимою ходилъ въ лѣтней изношенной

крылаткѣ, и дѣти были тоже очень плохо одѣты. Въ день полученія пенсіи, онъ покупалъ имъ всевозможныя закуски и множество лакомствъ; дѣти ѣли послѣ селедки конфекты, послѣ колбасы пастилу. Онъ игралъ имъ тогда на гитарѣ и старческимъ голосомъ подпѣвалъ, а они плясали. Когда-же денегъ оставалось мало, онъ варилъ картофель въ мундирѣ и дѣти ѣли его съ шелухою. Гитара висѣла на стѣнѣ; дѣти уже не плясали, а часто дрались между собою. Въ такіе трудные дни онъ самъ стиралъ и каталъ бѣлье для нихъ. Много времени, а можетъ быть и денегъ уходило у него на писанье, переписыванье и подачу жалобъ на разныхъ лицъ. Очевидно, по природѣ онъ былъ сутяга.

Въ кухню не показывались только офицеръ Умновъ, исключенный изъ службы за пьянство, и ученый нѣмѣцъ изъ Берлина херръ Фолльрехтъ.

Офицеръ, лѣтъ тридцати двухъ, изъ порядочнаго семейства, почему-то такъ запьянствовалъ, что почти два года не былъ трезвъ. Лицо у него распухло; глаза блуждали. Переселившись въ „Новгородскія меблированныя комнаты“, онъ пропилъ даже шапку и башлыкъ и, оставшись въ одной только австрійской курткѣ, бродилъ по корридору и приставалъ къ проходившимъ съ вопросомъ:

— Не правда-ли, если она есмь, то и я еси?

— Правильнѣе нужно сказать: „если она еси, то и я есмь“,—взялся разъяснить ему одинъ молодой квартирантъ.

— Ну да, я про то и говорю,—продолжалъ бредить Умновъ,—если я еси, то и она есмь.

Квартирантамъ, наконецъ, такъ надоѣлъ этотъ му-

чившій его вопросъ, что они старались проходить мимо этого чудака скорѣе, чтобы онъ не успѣлъ ихъ остановить.

Нѣмецъ изъ Берлина херръ Фолльрехтъ былъ настоящий ученый филологъ. Хотя очень бѣдный, онъ пріѣхалъ въ Россію только для основательнаго изученія русскаго языка; обзавелся словарями, учебниками и до глубокой ночи просиживалъ надъ русскими книжками, роясь въ словаряхъ. Это былъ высокій, стройный сорокалѣтній мужчина, съ красивыми чертами лица, съ выраженіемъ глазъ умнымъ и вдумчивымъ. Хотя сверхъ лба у него была уже порядочная лысина, но ее обрамляли густыя каштановыя кудри. Фолльрехтъ былъ строгій вегетаріанецъ и питался только фруктами и овощами; ходилъ онъ быстро, легкою походкою, въ короткомъ пальто и кастановой шляпѣ; несмотря на морозъ, на бульварѣ садился читать газету и, изучивъ довольно хорошо русскій языкъ, съ трудомъ понималъ русскіе нравы и обычаи. Имѣя право получать въ день два самовара, онъ ихъ не требовалъ, потому что не могъ понять, какъ заварить чай; но напиться горячаго ему иногда хотѣлось, и онъ покупалъ у корридорнаго за 10 копѣекъ стаканъ чаю, который тотъ наливалъ ему изъ вынесеннаго уже отъ кого нибудь изъ квартирантовъ чайника. Про него рассказывали анекдотъ, будто бы, пришедши въ первый разъ въ сосѣдній трактиръ, онъ спросилъ себѣ чаю, и когда ему подали два чайника, стаканъ и полоскательную чашку, онъ вылилъ изъ маленькаго чайника весь чай въ полоскательницу и началъ изъ нея пить, непонимая, для чего ему подали горячей воды.

Очень небольшой номеръ возлѣ уборныхъ комнатъ

заниалъ старикъ, лѣтъ шестидесяти слишкомъ, съ молододою еще женою и двумя маленькими дочерьми. Онъ оказался бывшимъ очень богатымъ симбирскимъ помѣщикомъ Сверчковымъ. Онъ такъ же, какъ и Шаховъ, никогда не предполагалъ, что очутится въ бѣдности; онъ именно „очутился“ въ нуждѣ вдругъ, а не такъ постепенно, какъ Шаховъ. Свое большое имѣніе Дѣдово онъ заложилъ богатому купцу, вполне надеясь выкупить, увѣренный, что кредиторъ съ нимъ круто не поступитъ, но разомъ случились неурожай, падежъ, градобитіе и еще что-то, и въ назначенный срокъ купецъ попросилъ его немедленно очистить барскій домъ и выѣхать. Со сверчковымъ случился легкій параличъ. Его вторая молодая жена, воспитанная дома, и въ богатствѣ, не знала ни хозяйства, ни какого ремесла, и они быстро прожили всю движимость. Оставаться бѣднякомъ въ своемъ губернскомъ городѣ онъ нашелъ неудобнымъ и перебрался съ семьею въ Москву, гдѣ они перебивались со дня на день пособіемъ благотворителей въ ожиданіи устройства дома Казакова для бывшихъ офицеровъ, такъ какъ въ молодости Сверчковъ участвовалъ въ севастопольской войнѣ. Тогда онъ былъ блестящимъ офицеромъ, а теперь, несмотря на легкій параличъ, онъ имѣлъ наружность благообразнаго старца, одѣтаго почти въ рубище: и въ домѣ, и на улицѣ одежда его состояла изъ изношеннаго до послѣдней стѣпени ватнаго пальто безъ пуговицъ и шапки неопредѣленнаго фасона изъ непонятнаго матеріала. Жена его высокая брюнетка, имѣла только одно платье, изъ дорогой заграничной матеріи, когда-то роскошную, а теперь уже изношенную блузу. Чрезвычайно миленькія кудрева-

тыя дочки ихъ бѣгали въ заплатанныхъ ситцевыхъ платицахъ. На всѣхъ четверыхъ была одна подушка и одно одѣяло. Семейство это безропотно покорилось своей участи. Нерѣдко они питались только чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ, но на лицахъ ихъ не было озлобленной тоски. Квартиранты относились къ нимъ съ сочувствіемъ и дѣтей часто зазывали къ себѣ и кормили; веселыя дѣвушки брали ихъ съ собою кататься, а дѣти ласкались къ нимъ и называли ихъ: „тетя Соня, тетя Саша, тетя Аня“. Самые положительные и достаточные обитатели этихъ меблированныхъ комнатъ, Бениславскіе принимали въ нихъ большое участіе, особенно жена, такъ какъ въ сосѣднемъ со Сверчковымъ имѣніи она познакомилась со своимъ Казимиромъ, который былъ тамъ управляющимъ, а она—гувернанткою. Бениславскій для развлеченія Сверčkova игралъ съ нимъ по вечерамъ въ шахматы, а жена его вела неистощимые разговоры о прошломъ, вспоминая сосѣдей и вообще симбирскихъ дворянъ: кто на комъ женатъ, кто какое имѣніе взялъ въ приданое. Бениславская часто видала его у своихъ хозяевъ, но въ бывалое время Сверчковъ не обращалъ никакого вниманія на гувернантку и не зналъ ее, а теперь воспоминанія съ нею доставляли ему величайшее удовольствіе. Отъ недостаточности ли питанія или отъ потрясенія Сверчковъ пристрастился къ водкѣ, увѣряя, что она поддерживаетъ его силы; но сколько бы онъ ни пилъ, онъ не переставалъ держать себя вѣжливо; только языкъ его иногда путался болѣе обыкновеннаго, а лицо оставалось чрезвычайно благообразнымъ. Эта благообразность внушила жившему съ нимъ рядомъ ученику изъ училища живописи написать для учени-

ческой выставки картину—этюдь „русскій бояринъ“. Сверчковъ съ удовольствіемъ и какъ бы великодушно исполнялъ роль натурщика, а художникъ послѣ сеанса угощалъ его водочкой.

Въ самомъ маленькомъ номерѣ, возлѣ кухни, поселилось семейство, состоявшее изъ молодого еще мужа, молодой жены и годовалой дочери. Имущества у нихъ не было ровно никакого. Всѣ трое были очень блѣдны и крайне малокровны. Неизвѣстно, чѣмъ занимался мужъ; но каждое утро, въ легкомъ поношенномъ пальто онъ робко и быстро проскальзывалъ мимо швейцара и назадъ прошмыгивалъ тогда, когда въ корридорѣ уже становилось темно, а лампы еще не зажигали. Жена его норовила сварить что-нибудь, пока въ кухню еще никто не приходилъ, или когда всѣ отстрепались. Кто-то зналъ ихъ по другимъ меблированнымъ комнатамъ и рассказывали, что они жили во всѣхъ окрестныхъ номерахъ и отовсюду ихъ выпроваживали за неплатежъ денегъ; каждый годъ у нихъ рождался такой худосочный ребенокъ, что черезъ годъ или полгода умиралъ. Кухонный мужикъ, онъ же и самоварщикъ, жилъ съ ними въ большой дружбѣ. Когда молодая женщина уходила куда-нибудь по дѣлу, то сажала свою дѣвочку на его постели, и иногда въ кухнѣ можно было наблюдать такую картину: кухонный мужикъ нянчится Вѣрочку и припѣваетъ, а корридорный вертитъ передъ ея носомъ руками и приплясываетъ; при этомъ оба они катаются со смѣху, воображая, что дѣвочка выдѣлываетъ что-то забавное; но блѣдненькій номерной ребенокъ только апатично махалъ ручками.

Ходя по корридору съ неизбѣжною сигарою во рту,

Шаховъ часто размышлялъ: „много я живаль въ гостинницахъ и въ меблированныхъ комнатахъ, но такой разношерстной публики въ нихъ не видываль,— тутъ вышла какая-то кунсткамера“.

Шаховъ былъ правъ, когда предположилъ, что изъ-за собаки у Каролины Ивановны будутъ непріятности съ жильцами; выходили не только непріятности; но даже крупная брань и вражда. Ея „Мимика“ была такъ зла, что въ корридоръ не пропускала ни одного человѣка, чтобы не броситься кусать ноги проходившихъ. Если же кто оттолкнетъ собаку ногою, Каролина Ивановна приходила въ ярость и, дрожа всѣмъ тѣломъ, начинала кричать и ругаться. Чуть кто пріотворитъ дверь ея номера, сейчасъ же „Мимика“, залетѣвъ непріятнѣйшимъ звонкимъ лаемъ и бросается къ ногамъ вошедшаго. Всѣ возненавидѣли эту собаку; но Лемешевская души въ ней не чаяла. Каждый день она покупала кусокъ лучшаго сорта говядины и поджаривала его на сливочномъ маслѣ. Въ кухнѣ сначала предполагали, что она это приготавливаетъ для себя; но потомъ оказалось, что мясо, хорошо поджареное и наръзанное мелкими кусочками, она клала на фарфоровую тарелочку, стоявшую на полу возлѣ ея кровати. Для себя-же жарила только картофель на выръзанномъ изъ этой говядины жирѣ. Вода для питья собаки наливалась въ дорогое, настоящее хрустальное блюдо. Черезъ легкую перегородку или пріотворенную дверь сосѣди слышали, какъ Каролина Ивановна вела разговоры со своею собачкою: „Ахъ „Мимика“, „Мимика“, какъ ты не жалѣешь свою маму. Я устала, а ты просишься гулять. Ну, сейчасъ, сейчасъ!“ Или такъ: „Мамуся твоя должна спѣшить кончить работу, а ты

просишься поддержать тебя на рукахъ. Вѣдь, если я все время буду тебя нянчить, то не скоро кончу работу и долго не получу денегъ, а тебѣ говядины купить вѣдь надо; ты не станешь ѣсть супъ или молоко, какъ другія собаки“.

Въ сильную гололедицу Лемешевская повела свою собачку гулять; но „Мимика“ увлеклась другой собакой и побѣжала за ней. Каролиной Ивановной охватилъ настоящій ужасъ: собака, за которой побѣжала „Мимика“, была очень большая. Въ отчаяніи бѣдная старуха пустилась изо всѣхъ силъ догонять свою любимицу; но поскользнулась и упала. Сгоряча она вскочила, и чувствуя страшную боль, опять побѣжала громко призывая „Мимику“. Собаченка словно сжалилась надъ ней и вернулась. Лемешевская судорожно схватила ее, прижала къ груди и хотѣла идти; но нога ей не повиновалась; она вынуждена была взять извозчика. Прохожіе стали помогать ей сѣсть въ сани, но собака лаяла и бросалась на нихъ. Каролина Ивановна зажала ей морду, хотя внутренно боялась, чтобы любимица ея не задохлась. Извозчикъ позвонилъ швейцара и опять старуху вывели изъ саней при звонкомъ лаѣ собаки, довели до ея номера, а тутъ жильцы — несмотря на свое нерасположеніе къ сердитой Лемешевской, любящей только собаку, раздѣли ее и уложили въ постель.

Сосѣдки стали прикладывать компрессы, не обращая уже вниманія на то, что собака хватала ихъ за руки и за ноги.

— Что ты со мною сдѣлала, „Мимика“? — говорила Каролина Ивановна, укоризненно глядя на свою любимицу. — Если я умру, кто будетъ тебя кормить? Ты

неблагодарная! Я всю жизнь свою тебѣ отдавала и изъ-за тебя же гибну. Неужели тебѣ не жаль твою мамусю?

Голосъ Лемешевской задрожалъ, и она горько заплакала. Собака лизала ей лицо.

— Теперь поздно просить у меня прощенія. Дѣточка! дѣточка! я умираю изъ-за тебя,—жалостно говорила старуха, утирая слезы.

Въ ночь нога у нея распухла. Послали за участковымъ докторомъ. При входѣ его въ номеръ, собака начала оглушительно лаять и кидаться кусать ему ноги. Докторъ съ негодованіемъ оттолкнулъ ее ногою. Собака завизжала и спряталась подъ кровать. Каролина Ивановна со злобой взглянула на обидѣвшаго ея „Мимику“. Докторъ нашелъ переломъ костей и совѣтовалъ лечь въ больницу; больная умоляла его лѣчить ее на дому, обѣщая быть ему благодарной. По уходѣ врача на совѣты Луизы Карловны Шлиппе и другихъ лечь въ больницу, Лемешевская кричала:

— Какъ вы можете давать мнѣ такіе совѣты? Я могла-бы лечь въ больницу, если бы я была одна. Кто же тутъ будетъ „Мимику“ кормить, мыть и гулять водить?

Сколько съ нею ни бились, она наотрѣзъ отказалась ложиться въ больницу; потомъ вынула изъ висѣвшаго у нея на груди мѣшечка деньги и послала швейцара за хирургомъ. Черезъ часъ онъ пріѣхалъ, встрѣченный, конечно, злымъ лаемъ собаки, хватавшей его за ноги. Не обращая на нее вниманія, хирургъ приступилъ въ присутствіи Луизы Карловны и Бениславской къ вправленію ноги и наложенію гипсовой повязки. Когда онъ захлороформировалъ больную, она

старческимъ, но звонкимъ голосомъ запѣла нѣмецкую пѣсню: „Я ищу любящее сердце и нахожу его только у тебя“.

И докторъ, и присутствовавшія дамы невольно улыбнулись, услыхавъ такую любовную пѣснь изъ устъ сѣдой и беззубой старухи. А, быть можетъ, въ этой пѣснѣ вылилась завѣтная мечта всей жизни одинокой пожилой дѣвушки.

Въ рождественскій вечеръ двери всѣхъ номеровъ были открыты. По корридору пробѣгали разодѣтыя дѣвицы, собираясь въ Салонъ-де-Варіете. Пелагея Васильевна со своимъ близкимъ знакомымъ куда-то уѣхала; къ ея мастерицамъ пришли подружки со своими друзьями. На столѣ у нихъ кипѣлъ самоваръ; стояли бутылка рябиновки, не дорогія закуски и дешевыя лакомства. Эта компанія страстными голосами пѣла: „Успокой меня, неспокойную; осчастливь меня, несчастливую.“

Изъ номера Фортунати неслось громкое пѣніе басомъ: „Оль рэди Наполи!“ и хоръ тоненькихъ голосовъ: „мапи! мапо!“

Ученый нѣмецъ Фолльрехтъ усѣлся, было, писать въ одну берлинскую газету корреспонденцію подъ заглавіемъ „Москва при 22 градусномъ морозѣ“. Но прогулявшій граверь Шлиппе вошелъ къ нему и уговорилъ оставить писанье и идти въ ихъ компанію. У Шлиппе сидѣло нѣсколько нѣмцевъ и нѣмокъ. На столѣ стояли бутылки пива, ветчина и сыръ. Вскорѣ изъ его номера послышалось громкое хоровое пѣніе: „Wein, Weib und Gesang“.

Полковникъ Макарчукъ въ мундирѣ на распахку съ растегнутымъ у рубашки воротомъ сидѣлъ у себя, развалившись въ креслѣ; брэнчалъ на гитарѣ и под-

пѣвалъ: „Дарья, Марья, Акулина, а другая Катерина“, а дѣти его кружились и подплясывали съ конфетками въ рукахъ.

У Бениславскихъ играли въ преферансъ сами хозяева номера, управляющій Шаховъ и бывший помѣщикъ Сверчковъ, который только что получилъ какое-то пособіе. На столикѣ у стѣны разставлены были вина и закуски.

Бельгіецъ Дюпюи расхаживалъ по корридору въ своемъ обычномъ неряшливомъ костюмѣ, зашпиливъ весь передъ грязнаго пиджака ассигнаціями. Онъ останавливался въ дверяхъ номеровъ и, указывая на увѣшанную бумажками грудь, говорилъ: „я нараженный“. Ему подносили рюмку водки и давали что нибудь закусить.

Когда онъ вышелъ отъ Бениславскихъ, Сверчковъ сказалъ:

— Этоть...фран...цузъ былъ камер...динеромъ у моего дяди Фют...Тюф...яева.

Ассигнаціи на французѣ напомнили Бениславской объ ея деньгахъ и она озабоченно сказала мужу:

— Не забудь, пожалуйста, Казиміръ, застраховать наши билеты.

— Не безпокойся, моя пани, отвѣчалъ Бениславскій, сдавая карты, ни твои билеты, ни твой мужъ въ тиражъ погашенія никогда не попадутъ.

— Въ какой это тиражъ погашенія вы не попадете? спросилъ Шаховъ.

— Въ какой? а въ тотъ, въ какой попали вы и Иванъ Петровичъ, отвѣтилъ Бениславскій.

— То-есть, какъ это мы съ Иванъ Петровичемъ по-

пали въ тиражъ погашенія? спросилъ насмѣшливо и гордо Шаховъ.

Сверчковъ пристально смотрѣлъ на Бениславскаго съ выраженіемъ снисходительности и великодушія въ ясныхъ голубыхъ глазахъ.

— Ливерьянъ Владиміровичъ! слышался въ дверяхъ голосъ Дарьи Антиповны.

Шаховъ всталъ изъ-за стола и подошелъ къ ней.

— Получилъ сегодня съ жильцовъ деньги? спросила она.

— Нѣтъ, просили до Новаго года подождать, отвѣтилъ онъ.

— Конечно жильцы тебя слушаться не будутъ, когда ты по номерамъ ходишь только пить, да въ карты, играть, рѣзко и грубо замѣтила хозяйка.

— Послѣ этого прошу уволить меня отъ управленія вашими номерами, проговорилъ съ волненіемъ Шаховъ и возвратился къ карточному столу съ нѣкоторымъ смущеніемъ на лицѣ.

— На твое мѣсто много найдется, ворчала Дарья Антиповна, удаляясь къ крыльцу.

Продолжая играть въ карты, Шаховъ старался казаться спокойнымъ; но дѣлалъ большіе промахи и одинъ проигралъ всѣмъ остальнымъ партнерамъ 5 р., не смотря на то, что играли по двадцатой.

На другое утро онъ такъ рано выбрался изъ меблированныхъ комнатъ, что никто и не видалъ его отъѣзда.

Онъ нанялъ небольшую комнату и опять занялся коммиссіонерствомъ; но сколько онъ ни ходилъ по Москвѣ — удачи не было. Пальто его истрепалось до невозможности; галоши разорвались. Лицо обрюзгло

частью отъ недостаточно питательной пищи, частью отъ того, что онъ началъ гораздо больше прежняго пить водку,—такъ что въ щекахъ замѣтно стало зараженіе крови алкоголемъ, и руки слегка тряслись. Такая наружность уже не способна внушать довѣріе кліентамъ, и черезъ полгода онъ вынужденъ былъ перебраться въ коечную квартиру.

Сынъ его давно уже былъ семьяниномъ. За десятилѣтній слишкомъ промежутокъ времени онъ встрѣчалъ въ жизни не мало такихъ случаевъ, какой оттолкнулъ его отъ отца, и примирился со многимъ, что въ юности и ранней молодости его непріятно поражало. Уже много разъ у него появлялось желаніе повидаться съ отцомъ; но жизнь, бѣжавшая въ карьеръ, заставляла его откладывать это свиданіе.

Въ послѣднее время почему-то отецъ часто снился ему во снѣ, или на улицѣ онъ встрѣчалъ похожаго на него старика, и онъ рѣшилъ поѣхать въ Москву и розыскать отца.

Въ свѣтломъ углу коечной квартиры на нарахъ сидѣлъ Валерьянъ Владиміровичъ и въ клочекъ газетной бумажки накладывалъ табакъ. Возлѣ него Боря читалъ ему что-то вслухъ. На старикѣ и на мальчикѣ одежда была прямо нищенская. На койкѣ постланно было рваное пальто, а въ головахъ лежалъ небольшой узелокъ.

Въ это время слышался громкій разговоръ содержательницы квартиры съ какимъ-то мужчиной.

Она сначала испугалась, когда увидала приличнаго человѣка, и не сразу отвѣтила ему на вопросъ: живетъ-ли тутъ Валерьянъ Владиміровичъ Шаховъ? Потомъ, убѣдившись, что это не изъ полиціи, она про-

вела его въ свѣтлый уголь обширной комнаты и, указавъ рукою на сидѣвшаго на койкѣ старика, сказала:

— Вотъ Валерьянъ Владиміровичъ Шаховъ.

Пришедшій отступилъ шагъ назадъ; потомъ взглянулъ пристально и почти прошепталъ:

— Отецъ, отчего-же ты мнѣ ничего не писалъ о своемъ положеніи?

Шаховъ смотрѣлъ на него апатичнымъ и спокойнымъ отъ безнадёжности взглядомъ.

— Отчего ты мнѣ не писалъ о своей нуждѣ?—взволнованно говорилъ молодой человѣкъ.

Старикъ молчалъ; лицо его передернулось; изъ мутныхъ глазъ медленно покатила слеза; рука дрогнула и бумажка съ табакомъ упала на полъ. Боря бросился подбирать табакъ. Сынъ вынулъ изъ бокового кармана пальто серебряный портъ-сигаръ, взялъ оттуда сигару и подаль отцу. Шаховъ молча оторвалъ острый кончикъ сигары и закурилъ ее отъ поданной Борей зажженной спички.

Сынъ съ безгловымъ выраженіемъ на лицѣ окинулъ глазами сидѣвшихъ и лежавшихъ на нарахъ подозрительныхъ оборванцевъ, а тѣ, не стѣсняясь, громко между собою говорили:

— Вотъ такъ сынъ! До чего допустилъ отца!

— То-то старикъ и скрывалъ, что у него есть сынъ-богачъ.

— Пойдемъ скорѣе отсюда,—сказалъ сынъ.

Шаховъ вопросительно на него посмотрѣлъ и потомъ перевелъ глаза на Борю.

— А его куда?—проговорилъ онъ въ первый разъ.

— И его возьму съ собою,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

У мальчика глаза заблестали радостью. Валерьянъ Владиміровичъ медленно всталъ, снялъ пальто съ койки и сталъ его надѣвать. Коченники одинъ за другимъ начали къ нимъ подходить.

— Валерьянъ Владиміровичъ,—сказалъ ближе всѣхъ подошедшій,—какъ же насчетъ табаку-то, что вы у меня занимали?

Старикъ смущенно молчалъ.

— А у меня полъ-листа газеты, — сказалъ другой.

Сынъ вынулъ рублевую бумажку и далъ имъ, сказавъ:

— Раздѣлите между собою.

— Маловато,—послышалось въ толпѣ.

Молодой человѣкъ далъ имъ нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ, и они начали понемногу отходить.

Когда старикъ и Боря одѣлись, Валерьянъ Владиміровичъ сказалъ смущенно сыну, показывая на подошедшую хозяйку.

— За квартиру три рубля.

Сынъ поспѣшно вынулъ трехрублевую бумажку и подалъ ей. Хозяйка поклонилась и пожелала счастливаго пути. Боря взялъ узелокъ.

— Что тутъ?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Его рубашонки,—отвѣтилъ старикъ.

— Оставьте тутъ,—съ безгливостью сказалъ сынъ.

— Подъ койкой кулекъ,—замѣтилъ Валерьянъ Владиміровичъ.

Боря вытащилъ кулекъ, крѣпко увязанный веревкою; въ немъ было что-то тяжелое, четырехъ-угольное.

— Нужно-ли это брать? спросилъ сынъ.

— Это картины,—сказалъ Боря.

— Портреты, — глухимъ голосомъ поправилъ его отецъ.

Да, это были его портреты, но уже безъ рамъ.

Молодой человѣкъ, старикъ и мальчикъ начали пробираться между наръ къ выходу среди изумленныхъ коечниковъ, желавшихъ имъ всякаго счастія. И не успѣли они дойти до двери, какъ узелокъ съ койки Шахова исчезъ и изъ-за него поднялась брань.

Вечеромъ того-же дня и старикъ, и мальчикъ сидѣли въ хорошемъ номерѣ гостинницы Дюссо въ чистомъ бѣльѣ, которое они перемѣнили послѣ ванны; на Борѣ былъ приличный сѣрый костюмъ, а на отцѣ такая пиджачная пара, какой онъ давно уже не носилъ.

Мальчикъ вскорѣ разцвѣлъ: на щекахъ появился румянецъ; глаза блестѣли весельемъ и радостью; онъ старался изо всѣхъ силъ угодить инженеру; на лету ловилъ сказанныя имъ мимоходомъ желанія и спѣшилъ ихъ исполнить, причемъ удивлялъ того своею опытностью при покупкахъ и знаніемъ цѣнъ товаровъ.

Со старикомъ-же вышло совершенно наоборотъ: еще недавно, въ смрадѣ коечной квартиры, несмотря на душившій его иногда кашель, онъ имѣлъ въ себѣ больше жизни: голова его работала; онъ напрягалъ мысли, придумывая, чѣмъ имъ пропитаться на слѣдующій день. И не смотря на свою убогую одежду, онъ выходилъ по небольшимъ комиссіоннымъ дѣламъ, воодушевляемый надеждою, что нибудь заработать.

Теперь-же въ хорошей обстановкѣ, въ чистотѣ, спокойный насчетъ дневнаго пропитанія, онъ вдругъ такъ рухнулъ, что никакія средства не помогали возстановить его силы. Въ такомъ разслабленномъ состояніи везти его въ Петербургъ было невозможно, и черезъ двѣ недѣли онъ навѣки заснулъ въ креслѣ.

Устроенныя имъ меблированныя комнаты продолжа-

ють существовать и до днесь. Дарья Антиповна перемѣнила уже нѣсколько конторщиковъ, постепенно уменьшая ихъ жалованье. Каждый вечеръ аккуратно приходитъ она въ контору и забираетъ въ свой карманъ всю дневную выручку. Есть надежда, что въ непродолжительномъ времени домъ ея будетъ совсѣмъ чистъ отъ долговъ. Расходы по номерамъ она довела до минимума и даже обои нашла въ какой-то лавочкѣ по 7 копѣекъ за кусокъ...

Находка.

(Разсказъ).

„О, женщины! ничтожество вамъ имя!“ — сказалъ Гамлетъ, — а вонъ Николай Ивановичъ, сидя подъ туфелькой своей жены, тихонько твердитъ: — „О, женщины! вы — крокодилы!“ И то, и другое — правда: есть женщины ничтожныя, есть женщины крокодилы; но вѣдь есть-же женщины — хорошія подруги мужчинамъ, серьезныя, но не педантичныя, бережливыя, но не скупыя, а главное — любящія, которыя не отравляютъ жизнь мужчинъ капризами и мелочными дразгами, не требуютъ того, что выше средствъ, и умѣютъ находить развлеченіе, утѣшеніе и дѣятельность у своего домашняго очага. И я видалъ такихъ женщинъ; это, по большей части, жены самыхъ легкомысленныхъ, самыхъ недостойныхъ людей, и наоборотъ, судьба связываетъ серьезныхъ, разумныхъ, способныхъ любить мужчинъ съ легкомысленными и пустыми женщинами, которыя только отравляютъ имъ жизнь. Съ такими-то сталкивался и я всегда. А что, если-бы мнѣ удалось, наконецъ, встрѣтить хорошую женщину! Теперь я не сидѣлъ-бы въ тоскливомъ одиночествѣ. Мы читали-бы, обмѣнивались-бы мыслями о прочитанномъ

и не замѣчали-бы этой скверной погоды, которая наводитъ человѣка на самыя мрачныя думы“.

Такъ разсуждалъ я, сидя прошедшимъ лѣтомъ въ маленькой избушкѣ на концѣ деревни Пикуновой, а дождь лить, какъ изъ ведра, и затемнять и безъ того слабый свѣтъ въ оконцахъ моей дачи. Я пытался лечь и уснуть, но сонъ не шелъ ко мнѣ. Я начиналъ шагать по комнатѣ, но выходило, что я кружился, какъ левъ въ клѣткѣ. Чтобы, наконецъ, заняться чѣмъ-нибудь, я затѣялъ переставлять мебель. Когда я переносилъ столъ, который моя хозяйка просила оставить въ моей комнатѣ, говоря, что онъ стоялъ и у „лѣтошней“ жилицы здѣсь, изъ него выпалъ ящикъ и по полу разсыпались лежавшія въ немъ бумажки. Подбирая ихъ, я увидалъ цѣлое письмо безъ конверта. Порядочный человѣкъ не можетъ читать чужихъ писемъ, и я кладу его на столъ, но невольно попадаю глазами на нѣкоторыя слова, заинтересовываюсь ими, разгибаю письмо и гляжу подпись. Только двѣ буквы „Е. Н.“ Пишетъ женщина къ женщинѣ, почеркомъ ровнымъ, отчетливымъ, безъ всякихъ завитковъ и росчерковъ. Любопытно пробѣжать отъ скуки. „Порядочный человѣкъ чужихъ писемъ не читаетъ“, — шепчетъ кто-то внутри меня. — „Такъ, но если-бы это письмо имѣло для кого-нибудь значеніе, то не было-бы брошено безъ вниманія получившимъ его лицомъ, — успокоиваю я свою совѣсть; — да и подписано оно только буквами“. Совѣсть успокоилась; я читаю: Наконецъ я урвала отъ своихъ занятій нѣсколько минутъ, чтобы отвѣтить тебѣ, хотя сомнѣваюсь, что письмо мое принесетъ тебѣ какую-либо пользу. Ты спрашиваешь: какъ-бы поступала я на твоёмъ мѣстѣ? Я поступала-бы со-

вершенно иначе, потому что у насъ характеры противуположныя, хотя въ морѣ житейскомъ мы идемъ съ тобою въ одной грядѣ волнъ, то есть, когда тебѣ везетъ счастье, то и мнѣ не дурно живется; когда на меня обрушивается ударъ, тогда и тебя постигаетъ бѣда, съ тою только разницею, что мое счастье слабѣе твоего, а удары судьбы сильнѣе. Ты не могла-бы довольствоваться тѣмъ, чѣмъ довольствуюсь я, а я не стала-бы выходить изъ себя отъ того, отъ чего выходишь ты. Напримѣръ, ты говоришь, что тебя бѣситъ, когда И. *А., при своей прозаической наружности, начинаетъ изливать передъ тобою свои чувства. Если у человѣка прозаическая наружность, то по твоему, у него непременно „чувствія“, а не чувства. Или у тебя нѣтъ въ характерѣ внимательности къ людямъ, или ты не выработала въ себѣ той наблюдательности, при которой ты замѣтила-бы, что иногда человѣкъ, не имѣющій ни хорошаго общественнаго положенія, ни красивой и поэтической наружности, ни свѣтскаго воспитанія, обладаетъ широкимъ развитіемъ ума, добрымъ сердцемъ и такимъ запасомъ человѣколюбія, что, узнавши его ближе, невольно полюбишь его. Сердиться на человѣка, когда онъ высказываетъ искренно, какъ умѣетъ, расположеніе! Я этого не понимаю. Въ прошедшемъ году одинъ, уже именно Квазимодо, признался мнѣ въ любви, и какъ признался: застѣнчиво, запинаясь. Быть можетъ, со стороны, другимъ онъ показался-бы смѣшонъ, но мнѣ онъ смѣшонъ не былъ; даже доброе чувство зашевелилось у меня къ нему. Нѣтъ, я не могу смѣяться надъ искренностью. Ты говоришь, что тебѣ какъ-то неловко являться съ нимъ въ общество. Такъ оставь выѣзды и общество; оно

едва-ли замѣтитъ твое отсутствіе. А съ такимъ человекомъ, какъ И. А., можно не скучать и дома. Ты, право, еще не оцѣнила его; но я надѣюсь, что придетъ время, когда ты поймешь, оцѣнишь и полюбишь его. Мнѣ всегда чувствовалось, а теперь и того больше, что дороже всего на свѣтѣ искренній и добрый другъ. Ты пишешь, что тебѣ даже досадно бываетъ, когда онъ зоветъ тебя въ теплый вечеръ прогуляться по дорожѣ въ поле, что тебѣ это напоминаетъ нашихъ бабушекъ и матерей, которыя были охотницы до такихъ прогулокъ при лунномъ свѣтѣ. Тебѣ, какъ видно, кажется, что гулять при лунномъ свѣтѣ несовременно и сентиментально. Ошибаешься; посмотри, какъ всѣ всегда въ такіе вечера выползаютъ изъ домовъ; въ Москвѣ—на бульвары и въ сады; за городомъ—въ рощи и въ поле. И даже, замѣть, какъ всегда дѣйствуютъ на людей такіе вечера, что у гуляющихъ является въ это время потребность пѣть и отовсюду слышатся пѣсни. Наши бабушки и матери пѣли: „Луна, къ тебѣ я прибѣгаю“, а въ наше время поютъ „Спрятался мѣсяцъ за тучки“. Я увѣрена, что сколько-бы ни существовала земля съ людьми, всегда будутъ любовь, ошибки, увлеченія, желаніе прогуляться при лунномъ свѣтѣ и удовольствіе отъ этихъ прогулокъ. Вотъ тебѣ мой совѣтъ: будь довольна тѣмъ, что имѣешь возлѣ себя добраго, умнаго, искренно расположеннаго къ тебѣ человека. Вглядишься въ него хорошенько и оцѣни его, а тогда мелочи перестанутъ сердить тебя. Жизнь настолько избаловала тебя, что ты стала наконецъ требовательна. Что-же говорила бы ты на моемъ мѣстѣ? Между тѣмъ, я не менѣе другихъ и тебя имѣю право желать отъ жизни луч-

шаго, только не вполнѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты. Ну, до свиданія. Какъ нибудь соберусь навѣстить тебя.

Твоя Е. Н.“

Я перечиталъ это письмо нѣсколько разъ. Оно попало мнѣ именно въ такое время, когда я, не скажу, разбился, но былъ разстроенъ, вслѣдствіе того, что женщина, пользовавшаяся моимъ расположеніемъ, оказалась пустою и не вѣрною. Бывали даже минуты, когда я начиналъ сомнѣваться въ женщинахъ вообще и напѣвалъ средневѣковую французскую пѣсенку, въ которой говорится, что молодой рыцарь прошелъ всѣ страны свѣта, отыскивая себѣ вѣрную подругу; у всѣхъ спрашивалъ о такой женщинѣ и, наконецъ получилъ отъ стараго рыцаря такой отвѣтъ: „*Mon fils, votre sort, hélas! me fait de la peine, mais vous cherchez ce qui ne se trouve plus*“.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше, думалъ я о писавшей это письмо и мое, воображеніе рисовало ея фигуру, лицо, глаза, съ мельчайшими подробностями. И сколько я ни останавливалъ свою фантазію, она упорно создавала образъ красивой женщины. Но вѣдь сама эта неизвѣстная особа писала, что „часто душевною красотою обладаютъ люди, не имѣющіе красоты тѣлесной“, — разсуждалъ я, стараясь остановить кисть своего расхोлившагося воображенія. Однако уединеніе и одиночество сдѣлали со мною то, что они сдѣлали разъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, до безумія влюбившимся въ портретъ. И я влюбился въ свой идеалъ, влюбился горячо, страстно, до галлюцинацій, и велъ мысленно разговоръ съ этою неизвѣстною мнѣ женщиной. Потомъ вдругъ останавливался,

соображая, что вѣдь она существуетъ въ моемъ воображеніи; затѣмъ хватался за письмо, какъ за вещественное доказательство, что писавшая его живетъ на свѣтѣ. Я рѣшилъ во что-бы то ни стало встрѣтиться съ нею. А что, если она уродъ? Нѣтъ, нѣтъ, вѣдь она сама-же пишетъ: „Я не менѣе другихъ и тебя имѣю право желать отъ жизни лучшаго“. И опять фантазія начинала работать: передъ моими глазами являлся образъ милой мнѣ незнакомки, внутренній міръ которой былъ, однако, мнѣ извѣстенъ, и я снова съ нею бесѣдовалъ.

Мнѣ начинало приходиться въ голову: не сама-ли лѣтошняя барыня писала это письмо, но почему-либо не отправила его по назначенію. Я сталъ разспрашивать о ней у хозяйки. Оказалось, что прошлогодною жилищу звали Елизаветой Николаевной. Стало быть, по первоначальной буквѣ имени могла быть и она; но дальнѣшнія свѣдѣнія объ ней не совсѣмъ подходили. Хозяйка сказала, что барыня была веселая, много варила варенья и „ужъ очень хорошо одѣвалась“. Мужъ ея очень добрый баринъ, но она на него часто сердилась, что онъ нанялъ дачу въ пустынь и она сидитъ какъ въ поимѣ. Книжекъ не видно было, чтобы читала.

Въ Ильинъ день на нашемъ дворѣ появилось большое общество. Одна барыня громко звала хозяйку, и когда та прибѣжала на ея зовъ, то велѣла ей поставить самоваръ. Хозяйка прибѣжала ко мнѣ просить столъ и стулья и сообщила, что эта лѣтошняя жилища съ компаніей. Столъ поставили въ тѣни, почти подъ моими окнами. Когда вся компанія усѣлась, я сталъ наблюдать изъ окна за каждой сидѣвшей тутъ

барыней. Ни одна изъ нихъ, ни своею наружностью, ни разговоромъ, не соотвѣтствовала женщинѣ, нарисованной моимъ воображеніемъ. Между тѣмъ хозяйка давала громкимъ шепотомъ подробныя свѣдѣнія о моей личности одной изъ нихъ, которая и оказалась „лѣтошнею“.

Когда я вышелъ изъ дома и проходилъ мимо гуляющаго общества, барыня эта окинула меня взглядомъ отъ головы до ногъ и развязно спросила:

—Скажите, пожалуйста, скучаете вы въ этой мурѣ, гдѣ прошедшимъ лѣтомъ я чуть не умерла отъ скуки?

—Напротивъ, я очень доволенъ своимъ выборомъ дачи,—отвѣтилъ я.

Такимъ образомъ у насъ завязался разговоръ и я приглашенъ быть пить съ ними чай. Въ свою очередь, я вызвался проводить ихъ до станціи желѣзной дороги и подаль руку Елизаветѣ Николаевнѣ. Она оказалась такою общительною, что я вскорѣ почувствовалъ, какъ будто давно былъ съ нею знакомъ, и къ концу признался, что „нечаянно“ прочелъ письмо, вѣроятно, писанное къ ней, и очень заинтересовался личностью, писавшей его.

—А, это моя подруга по гимназіи, Эленъ,—сказала она.—Но ужъ если вы ея такъ заинтересовались, то я вамъ теперь ничего не скажу, а попрошу васъ пріѣхать ко мнѣ послѣ-завтра въ полдень, я позову ее.

„Послѣ завтра я ее увижу“!—воскликнулъ я, оставшись одинъ.—„Скоро-ли пройдетъ день? Какъ долго идутъ часы... Завтра идея воплотится въ идеаль!.. Сегодня, когда солнце будетъ стоять надъ этими деревьями, быть можетъ, въ жизни моей ударитъ рѣши-

тельный часъ! Да, если она еще свободна, я добьюсь того, что она будетъ моею“.

Я слышалъ, какъ сердце мое стучало, когда я позвонилъ у дверей квартиры Елизаветы Николаевны. Когда я снималъ пальто въ прихожей, изъ гостиной до меня долетали женскіе голоса. „Она тутъ“,—подумалъ я трепетно. Прислуга передала мою карточку. Говоръ умолкъ и въ дверяхъ залы появилась Елизавета Николаевна съ коварною улыбкою.

— Пожалуйста, пожалуйста къ намъ,—говорила она.

Я вошелъ и поклонился двумъ дамамъ, сидѣвшимъ на креслахъ по бокамъ стола.

— Mesdames,—сказала она,—позвольте вамъ представить г. Иванова, который живетъ въ моей прошлогодней дачѣ, находитъ тамъ какія-то прелести и даже сумѣлъ найти пищу для своего сердца. А это,—обратилась она ко мнѣ,—мои хорошія подруги, Елена Ивановна Новицкая и Елена Алексѣевна Ненарокова.

Я поклонился дамамъ, сѣлъ и подумалъ: „Которая же изъ двухъ?“ Елизавета Николаевна, очевидно, обрадовалась случаю устроить для своего развлечения новую забаву и нарочно пригласила двухъ подругъ съ одинаковымъ именемъ и инициаломъ фамиліи. Елена Новицкая была сильно напудрена, подвита, въ роскошномъ платьѣ со множествомъ лентъ. Это была хорошенькая женщина съ кукольнымъ выраженіемъ лица. Елена Ненарокова одѣта была просто; красотою не блистала и держала себя серьезно. Ея лицо показалось мнѣ знакомымъ.

— Лиза, а г. Ивановъ рассказалъ тебѣ, какую пищу для своего сердца онъ нашелъ въ этой избушкѣ?—спросила Новицкая шутливымъ тономъ.

— Разсказаль; но это нашъ съ нимъ секретъ,—отвѣтила Елизавета Николаевна.

— А мнѣ понравилась мѣстность этой дачи,—сказала Ненарокова.—Такъ уединенно и такъ просторно; тамъ воздухъ, вѣроятно, очень хорошъ.

Голосъ ея и выраженіе глазъ заставили меня убѣдиться, что это именно та, которую искало мое сердце, мой идеаль, близко подходящій къ нарисованному мной воображеніемъ. Но гдѣ я ее видалъ? И, видая, какъ я тогда не обратилъ на нее своего вниманія? Отчего тогда она не заставила биться мое сердце?

— Мнѣ кажется,—заговорила Ненарокова, пристально на меня посматрѣвъ, что я васъ встрѣчала года четыре назадъ въ домѣ моей замужней сестры Тумановой.

— Такъ! такъ! теперь я вспомнилъ,—сказаль я.

И дѣйствительно, я вспомнилъ, что четыре года назадъ я видѣлъ ее у своего знакомаго Туманова, который потомъ уѣхаль изъ Москвы. Я вспомнилъ даже, что жена Туманова нѣсколько разъ звала ее посидѣть вмѣстѣ съ нами, но она пробыла въ гостинѣй короткое время и ушла, а я подумаль про себя, что ее выставляютъ на видъ передъ холостыми молодыми людьми съ цѣлью пристроить поскорѣе замужъ. Этого соображенія было тогда достаточно, чтобы дѣвушка потеряла привлекательность въ моихъ глазахъ, и я не обратилъ на нее никакого вниманія. И сколько съ того времени я сдѣлаль ошибокъ! Страдаль, благодаря имъ, а счастье было и близко, и возможно.

Мое знакомство съ ея зятемъ дало мнѣ предлогъ продлить съ нею разговоръ. И чѣмъ дальше мы говорили, тѣмъ больше я убѣждался, что я нашель ту,

которую искалъ. Я возвратился къ себѣ, восхищенный уже не воображаемымъ идеаломъ, а существующей въ дѣйствительности женщиной.

Съ этого времени я искалъ всякаго случая съ нею видѣться, особенно помимо Елизаветы Николаевны. Мы подолгу и искренно бесѣдовали. Я узналъ, что къ ней уже сватался извѣстный мнѣ вѣтренникъ, клявшійся ей, что онъ исправится, если только она согласится быть его женою. Если-бъ онъ добился своей цѣли, то возможно, что число разумныхъ женъ и легкомысленныхъ мужей увеличилось-бы еще одною парой. А впрочемъ, спасибо легкомысленной Елизаветѣ Николаевнѣ: благодаря брошенному ею письму, я причисляю себя теперь къ счастливымъ мужьямъ. Въ воспоминаніе о своей находкѣ я нанялъ ту-же дачу, но живу въ ней не въ тоскливомъ одиночествѣ.

Неужели это она?

(Разсказъ).

Конецъ лѣта, но днемъ погода стоитъ еще совершенно лѣтняя: то-же безоблачное голубое небо и яркій свѣтъ солнца; та-же теплота и чистота въ воздухѣ. Даже деревья еще густо одѣты зеленью, которая только мѣстами начинаетъ желтѣть. Пестрые мотыльки въ своемъ легкомысліи и не думаютъ о важности быстрого прихода осени и безпечно перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ.

Въ такое время жаль разставаться съ загородною жизнью, и потому тѣ изъ столичныхъ обитателей, у которыхъ нѣтъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ, еще замедляютъ отъѣздомъ въ городъ, желая взять отъ лѣта и отъ села все, что они могутъ дать.

Полдень. На просторной террасѣ красивой дачи сидитъ въ вѣнскомъ креслѣ мужчина сорока двухъ лѣтъ и читаетъ газету. Солидный видъ господина съ газетою въ рукахъ заставляеть предполагать, что это важный общественный дѣятель, поглощенный дѣлами и сильно интересующійся политикою. Да, общественная дѣла и политика его интересуютъ, но въ настоя-

щую-то минуту онъ менѣ всего думаетъ о нихъ. И, дѣйствительно, не пробѣжавъ глазами и страницы газеты, онъ бросилъ ее на столикъ, лѣниво и мечтательно расположился въ креслѣ и думы его полетѣли далеко. „Минувшихъ дней очарованье, зачѣмъ опять воскресло ты?“—мысленно говорилъ онъ.

Какъ иногда теплый и ясный день конца лѣта напминаетъ собою весну, такъ и въ зрѣломъ возрастѣ бываютъ минуты, когда, помимо воли, неудержимо нахлынуть сладкія воспоминанія юности и заставляютъ человека мысленно переживать прошедшее.

И сидѣвшій на террасѣ мужчина унесся думами своими къ лучшей порѣ жизни, когда молодость бьетъ ключемъ, наука увлекаетъ умъ, а въ сердце стучится первая любовь.

Онъ—Михаилъ Ивановичъ Стефановскій, студентъ московскаго университета на третьемъ курсѣ юридическаго факультета, живетъ въ меблированныхъ комнатахъ на большой Никитской.

Разъ онъ встрѣчается въ швейцарской съ молоденькой и стройной брюнеткой, которая такъ поражаетъ его своею привлекательною наружностью, что у него невольно вырываются слова: „Ахъ, вотъ она!“ Весь этотъ день образъ дѣвушки неотступно стоитъ передъ его глазами; мѣшаетъ его мыслямъ сосредоточиваться на чемъ иномъ, а сердце подшептываетъ: „Это она, она!“

Михаилъ Ивановичъ разузнаетъ отъ корридорнаго, что она недавно пріѣхала изъ Уфы съ какою-то пожилою дамой; эта барыня наняла ей номеръ въ томъ же корридорѣ и уѣхала, а барышня начала каждый день ходить въ консерваторію.

Стефановскій горитъ нетерпѣніемъ заговорить съ ней, но она держитъ себя такъ скромно и неприступно, что не даетъ никакого повода къ знакомству.

А между тѣмъ ему чувствуется, что онъ какъ будто ее знаетъ давно, нетерпѣливо ждалъ и только теперь дождался. „И что это за странное выраженіе вырвалось у меня при первой встрѣчѣ съ ней?“—недоумѣвалъ онъ.

Случай является ему на помощь: разъ она возвращается домой;—ищетъ въ карманѣ ключъ отъ своей двери, но ключъ оказывается потеряннымъ. Въ это время онъ отпираетъ свой номеръ. Корридорный второпяхъ напрасно пробуетъ всѣ ключи къ ея двери и только его ключемъ дверь отпирается.

Она внимательно на него смотритъ и съ благодарностью киваетъ ему головою.

Два дня не могутъ дозваться слесаря подобрать ключъ и эти два дня молодая дѣвушка должна обзаваться Стефановскому. На третій день, улыбаясь, она говоритъ ему:

— Теперь я уже не буду беспокоить васъ своими просьбами отпереть или запереть мнѣ дверь.

— А я очень радъ былъ услужить вамъ,—отвѣчаетъ онъ.

Послѣ этого случая они начали кланяться при встрѣчѣ. Затѣмъ въ одно сентябрьское воскресенье они случайно одновременно вышли изъ своихъ комнатъ и стали спускаться по лѣстницѣ. Михаилъ Ивановичъ поклонился, она отвѣтила тоже молчаливымъ кивкомъ.

— Неужели вы и нынче идете въ консерваторію?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сегодня вѣдь праздникъ. Погода такая ясная и тихая, что мнѣ захотѣлось прогуляться и осмотрѣть Москву. Я ее еще не видала хорошо, потому что по прїѣздѣ прежде всего занята была своимъ поступленіемъ въ консерваторію и ознакомленіемъ съ ней.

— Позвольте быть вашимъ чичероне,—сказалъ Михаилъ Ивановичъ.

— А вы хорошо знакомы съ Москвой?

— Такъ-же, какъ со своею родною Полтавою; вѣдь я уже третій годъ живу здѣсь.

— Ну, такъ пройдемтесь.

Они направились къ Крѣмлю. Михаилъ Ивановичъ чувствовалъ себя невыразимо счастливо. Молодая дѣвушка, осматривая памятники московской старины, дѣлала замѣчанія, свидѣтельствовавшія, что она хорошо знакома съ исторіей.

Прогулка упрочила ихъ знакомство; онъ узналъ, что ее зовутъ Лидіей Николаевной Полозовой. Съ этого времени, встрѣтившись съ ней въ корридорѣ, онъ старался завести разговоръ, который давалъ-бы ему возможность задержать ее возлѣ себя хотя на нѣскольکو минутъ.

Разъ корридорный доложилъ ему, что барышня изъ девятаго номера захворала и не пошла въ консерваторію. Чувствуя себя почему-то въ правѣ заботиться о ней, Стефановскій тихонько постучался въ ея дверь и, получивъ приглашеніе, вошелъ. Она сидѣла на диванѣ, укутанная въ большомъ платкѣ.

— Простите, Лидія Никслаевна, что я осмѣлился войти къ вамъ, сказалъ онъ въ смущеніи,—но я услыхалъ, что вы больны, и не могъ не навѣстить васъ.

Если вамъ нужно въ аптеку или къ доктору, прошу васъ, распоряжайтесь мною.

— Очень вамъ благодарна за ваше вниманіе ко мнѣ,—отвѣтила она.—Садитесь пожалуйста. У меня лихорадка; я думаю, что она скоро пройдетъ. Жаль только, что я упускаю занятія въ консерваторіи.

— Позвольте, я сейчасъ сбѣгаю за хининомъ,—предложилъ Михаилъ Ивановичъ.

— Если у васъ есть на это время, то вы меня обяжете.

Онъ вернулся изъ аптеки чрезъ десять минутъ.

— Какого заботливаго брата я неожиданно пріобрѣла въ Москвѣ,—сказала, улыбаясь, Лидія Николаевна, когда онъ собирался уходить.

— Брата?—повторилъ онъ тихо и раздумчиво, взявшись уже за ручку двери.—Такого брата, который въ сердцѣ своемъ носитъ чувство сорока тысячи братьевъ.

Она не успѣла сообразить смысла этихъ словъ, какъ дверь за нимъ уже затворилась. Часто потомъ, когда она съ увлеченіемъ играла на роялѣ, онъ едва слышно входилъ въ ея комнату, садился тихонько въ кресло и сидѣлъ, не шевелясь, цѣлые часы. Она иногда оглядывалась и улыбалась ему.

Такъ шло время до Рождества. На святкахъ онъ нѣсколько разъ провожалъ ее въ оперу.

— Лидія Николаевна, позвольте мнѣ Новый годъ встрѣтить у васъ, вдвоемъ только съ вами,—сказалъ ей Стефановскій.

— Очень буду довольна,—отвѣтила она; вдвоемъ во всякомъ случаѣ веселѣе, нежели одной.

Скоро пробьетъ полночь. Въ комнатѣ Полозовой на столѣ весело кипитъ самоваръ, стоятъ корзинки съ

печеньями и фруктами. Она сидитъ на диванѣ и разливаетъ чай; Михаилъ Ивановичъ, сидя въ креслѣ, любитъ ея движеніями. Часы въ корридорѣ громко пробили двѣнадцать ударовъ. Во многихъ номерахъ, веселыя компаніи закричали „ура“! Стефановскій всталъ, протянулъ ей руку и сказалъ:

— Чтобы въ наступившемъ году исполнились наши самыя завѣтныя желанія.

— Мое самое сильное желаніе въ настоящее время — имѣть успѣхи въ консерваторіи, а ваше?

— Мое?—проговорилъ онъ, не выпуская ея руки, чтобы мнѣ отвѣтили тѣмъ же чувствомъ, какое питаю я.

— Кто?—спросила она не совсѣмъ твердымъ голосомъ и не глядя на него.

— Вы,—едва слышно прошепталь.

Она испуганно отдернула свою руку. Стефановскій направился къ двери.

— Покойной ночи!—сказалъ онъ съ грустью.

Она встала и протянула руку.

— Да?—тихо спросилъ онъ.

Она отвѣтила ему крѣпкимъ пожатіемъ руки; потомъ бросилась въ кресло, положила голову на столъ, и со слезами въ голосѣ проговорила:

— Боже мой, Боже мой! ѣхавши сюда, я имѣла одну цѣль—консерваторію, одну любовь—къ музыкѣ.

Михаилъ Ивановичъ хотѣлъ подойти къ ней.

— Нѣтъ,—сказала она, оставьте меня одну.

За короткимъ мясоѣдомъ незамѣтно пробѣжали маляница и великій постъ. Въ воздухѣ пахло весною. Учащаяся юность готовилась къ экзаменамъ. Не имѣя досуга днемъ, Михаилъ Ивановичъ и Лидія Никола-

евна выходили поздно вечеромъ подышать воздухомъ на бульварѣ.

Наконецъ миновали экзамены. Временнымъ столичнымъ жителямъ пришла пора разъѣзжаться по роднымъ провинціямъ. Наканунѣ отъѣзда Лидія Николаевна цѣлый день дѣлала закупки по порученію матери, а вечеромъ они пошли въ послѣдній разъ погулять по бульвару. Было очень поздно и вся гулявшая публика уже разошлась по домамъ. Стефановскій и Полозова сидѣли на скамейкѣ; онъ держалъ ея руку въ своихъ рукахъ. Нѣкоторое время они молчали и только чувствовали, какъ вмѣстѣ бьются ихъ сердца.

— Въ сущности,—началъ онъ, вѣдь мы расстаемся не на долго, но, конечно, этотъ промежутокъ времени покажется мнѣ цѣлой вѣчностью. Неужели совсѣмъ нельзя писать къ вамъ?

— Ни, ни. Вы не можете себѣ представить, до какой степени мама строгая и даже суровая женщина. Мнѣ стоило необыкновенныхъ усилій, и то съ помощью дяди, добиться, чтобы она рѣшилась отпустить меня въ консерваторію.

— А нельзя признаться ей, что у васъ есть женихъ? Вѣдь мои желанія самыя серьезныя. Я съ перваго раза почувствовалъ, что это у меня не легкомысленное увлеченіе. Мнѣ тогда показалось, что я васъ давно ждалъ, что мы предназначены другъ для друга.

— Да, странно. Помните этотъ случай съ моимъ ключемъ, который заставилъ насъ познакомиться.

— Ахъ, какъ я ему тогда обрадовался, — сказалъ Михаилъ Ивановичъ, цѣлуя ея руку.

И потомъ, поднявъ на нее полные любви глаза, онъ шепотомъ спросилъ:

— Когда же позволено мнѣ будетъ говорить: „Лидія, ты—моя“!

— Тогда, когда я благополучно возвращусь въ Москву въ началѣ августа.

Такъ ворковали они до разсвѣта, а вечеромъ онъ провожалъ ее на желѣзную дорогу. Третій звонокъ. Послѣднее пожатіе руки, послѣдній нѣжный взглядъ, и поѣздъ помчался. Черезъ минуту онъ уже казался Стефановскому змѣемъ Горынычемъ, похитившимъ его невѣсту.

Съ того времени Лидія Николаевна какъ канула въ воду. Прошло уже двадцать лѣтъ. И вотъ теперь ему, сорока двухъ лѣтнему вдовцу, ясно, со всѣми подробностями припоминалась эта первая любовь и навѣяла на него и сладкіе, и томительные грезы.

„Да, оттого воспоминаніе объ этой любви такъ пріятно, размышлялъ онъ, что она оборвалась въ полномъ разцвѣтѣ, ничѣмъ не запятнанная, какъ букетъ душистыхъ цвѣтовъ, которыхъ я не успѣлъ видѣть завядшими“.

Въ эту минуту на террасу впопыхахъ вбѣжали девятилѣтняя дѣвочка и осьмилѣтній мальчикъ.

— Папочка, папочка,—кричали они,—помнишь, мы тебѣ говорили, что по парку гуляетъ безумненькая съ тазомъ на головѣ. Она сидѣла сейчасъ на скамейкѣ возлѣ насъ; спросила няню, чьи мы дѣти. Няня сказала, что твои. Она говоритъ: „Ахъ, какъ я рада, что онъ живетъ здѣсь. Я его знаю“. Спросила, гдѣ наша дача, и пошла, а мы поскорѣе впередъ побѣжали. Вонъ она, папочка.

По дорожкѣ отъ парка къ террасѣ двигалась неровною походкой, то ускоряя, то замедляя шаги, безфор-

менная женская фигура. Стефановскій пристально въ нее вглядывался и когда она подошла ближе, онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и прошепталъ: „неужели это она?“

Женщина стала подниматься по ступенькамъ и, окинувъ его подозрительнымъ взглядомъ, спросила:

— Не узнаете меня, Михаилъ Ивановичъ?

— Лидія Николаевна!—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Да, я.

Дѣти съ любопытствомъ перебѣгали глазами съ отца на вошедшую.

— Няня!—крикнулъ Стефановскій,—погуляйте еще съ дѣтьми.

Нянька увела дѣтей, а онъ подставилъ Лидіи Николаевнѣ стулъ и попросилъ ее сѣсть. На головѣ у нее было надѣто что-то широкое, покрытое шелковымъ платкомъ. На спинѣ большой круглый горбъ, а подъ ротондою она что-то придерживала руками.

Черты лица ея мало измѣнились, но оно испещрено было морщинами.

— Давно вы въ Москвѣ?—спросилъ онъ.

—Скоро годъ. Братъ переведенъ сюда на службу и какъ только мать наша умерла, онъ взялъ меня къ себѣ.

— Занимаетесь по прежнему музыкой?

Она отрицательно покачала головою.

— Не до музыки и не до чего мнѣ теперь: я веду упорную, неустанную борьбу за существованіе.

— Кто-же ставитъ вамъ препятствія въ жизни?

— Кто? Громадное общество, дѣйствующее *по закону*. Это общество завладѣло всѣмъ и всѣми.

— Изъ кого-же оно состоитъ?

— Изъ электриковъ и румкорфаторовъ. Посредствомъ электричества и маленькаго инструмента, называемаго *румкорфъ*, они невидимо для людей прострѣливаютъ ихъ и подчиняютъ вполнѣ своему вліянію; но я-то все вижу; я все поняла и употреблю всѣ средства для ихъ гибели; я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, потому что изъ зависти они совсѣмъ меня изуродовали. Посмотрите на мои глаза.

И она приблизила къ нему свое лицо. Въ этихъ глазахъ, свѣтившихся когда-то нѣжною любовью, теперь блестѣлъ огонекъ безумія.

— Посмотрите, — говорила она съ грустью; — они всѣ прострѣлены; осталась только одна оболочка. Чтобы защитить отъ ихъ выстрѣловъ и отъ ихъ вліянія голову, я вынуждена прикрыть ее мѣднымъ тазомъ, а на спинѣ носить кожаную подушку. И отчего они на меня такъ напали? Изъ зависти, такъ какъ на моемъ тѣлѣ хорошія надписи. Чѣмъ же я виновата, что у меня такія надписи?

Она пристально посмотрѣла на его лобъ.

— У васъ тоже на лбу написано. Ахъ, Боже мой! У васъ глаза уже немного прострѣлены.

— Давно это съ вами случилось, то есть, давно это общество вредитъ вамъ? — спросилъ Михаилъ Ивановичъ.

— Со смерти матери. Она была такая сильная духомъ женщина, что умѣла оберегать меня отъ нихъ. Вѣдь это они уже въ другой разъ направляютъ противъ меня свои козни. Въ первый разъ давно, вскорѣ послѣ того, какъ мама не пустила меня въ Москву. Я ничего не понимала, но мама скоро догадалась и отвезли ме-

ня въ Петербургъ. Тамъ спрятали меня въ большомъ каменномъ домѣ и всю мою комнату обили войлокомъ. Туда эти злодѣи проникнуть не могли, такъ какъ они живутъ въ муранахъ, на чердакахъ, въ подземельяхъ, откуда посредствомъ *скальпа* высматриваютъ все.

— Что-же такое *скальпъ*?—спросилъ Стефановскій.

— А это такой прозрачный синій камушекъ, который они наводятъ на человѣка и черезъ него видятъ все даже внутри у людей.

Говоря это, она нечаянно взглянула на руку Михаила Ивановича и, увидавъ на пальцѣ перстень съ сапфиромъ, вскрикнула:

— Какъ! И у васъ тоже *скальпъ*!

Она въ ужасѣ вскочила со стула и изъ-подъ ротонды у нее выпалъ большой булыжный камень. Стефановскій поспѣшилъ поднять его и крѣпко зажалъ въ рукахъ. А Лидія Николаевна, спотыкаясь и путаясь въ платьѣ, опрометью бѣжала отъ него съ дикимъ крикомъ. Михаилъ Ивановичъ бросилъ камень въ кусты и какъ въ чадѣ какомъ опустился на то самое кресло, въ которомъ за часъ передъ тѣмъ съ любовью вспоминалъ эту женщину.

— Безумная!— повторялъ онъ. И какая своего рода логика въ этомъ безуміи. О, жизнь, жизнь, какъ ты ломаешь людей; какъ искажаешь въ нихъ образъ и подобіе Божіе!

Любимый поэтъ.

(Разсказъ.)

Она была высокая, стройная блондинка, съ красивымъ профилемъ лица, синими глазами, густыми волосами, а съ полныхъ и пріятныхъ губъ ея не сходила задумчивая полуулыбка. Часто взоръ молодой дѣвушки мечтательно устремлялся вдаль, и тогда казалось, будто она видитъ тамъ или чувствуетъ въ своей душѣ что-то безгранично-отрадное.

Многія изъ ея сверстницъ, учившіяся вмѣстѣ съ нею въ гимназіи, были, безспорно, красивѣе ея; но она выдѣлялась между ними своею величественною фигурою. Ея ближайшая подруга, Надинька, нерѣдко говорила ей:

— На твоёмъ мѣстѣ, Оля, по окончаніи гимназіи, я непремѣнно поступила-бы на сцену. По твоей фигурѣ ты была-бы очень эффектна въ роли „Орлеанской дѣвы“, и къ тому-же ты такъ хорошо и выразительно читаешь.

— Повторяю тебѣ, Надинька,—отвѣчала она,—что пока я желаю только быть преподавательницею русской словесности въ какомъ-нибудь женскомъ учебномъ заведеніи.

— Какъ это скромно, непоэтично и практично!

— Это для меня болѣе всего подходяще.

Дѣйствительно, Ольга Ивановская еще въ дѣтствѣ, едва выучившись читать, не разставалась съ хрестоматіей; играя въ куклы, она задавала имъ стихотворенія, которыя, конечно, сама за нихъ выучивала и отвѣчала, а ложась спать, клала эту книжку подъ подушку.

Въ гимназіи уроковъ русской словесности она ждала всегда, какъ праздника, и любимый предметъ давался ей очень легко, а за сочиненія она получала лучшія отмѣтки.

До поступленія въ ученіе, дома дѣвочка постоянно декламировала стихотворенія; но въ гимназіи она боялась оказаться изъ-за этой привычки смѣшною среди своихъ подругъ и произносила стихи уже про себя, находясь постоянно въ какомъ-то поэтическомъ настроеніи.

Если на возвратномъ пути изъ гимназіи домой ее застигала гроза, она не особенно отъ нея бѣжала, а шла, прислушиваясь къ внутреннему голосу, который въ это время выразительно говорилъ: „Надо мною буря выла, громъ на небѣ грохоталъ“... Когда завистливыя подружки старались рѣзнуть ее по сердцу какою-нибудь ядовитою насмѣшкою, она не успѣвала и поскорбѣть, какъ тотъ-же голосъ развлекалъ ее, съ грустью повторяя: „О, люди! страшно съ вами жить, когда не связанъ съ вами кровью“... Взглянетъ-ли она вечеромъ на усыянное звѣздами небо,—она невольно шепчетъ: „То не окна-ль храма вѣковѣчнаго, то не очи-ль ангеловъ святыхъ“.

Произнесеніе стихотвореній во время урока по вызову учителя доставляло ей всегда восторженную похвалу съ его стороны и восхищеніе наставницъ и по-

другъ. Любовь къ словесности не ограничивалась у Ивановской стихотвореніями и поэзіей: она любила этотъ предметъ, какъ родной, и даже по своей охотѣ внимательно прочитала грамматику Буслаева.

Желаніе ея исполнилось: по окончаніи курса она получила мѣсто преподавательницы русскаго языка въ младшихъ классахъ женской гимназіи. Теперь манили ее къ себѣ не балы, а засѣданія ученыхъ обществъ. Сидя тамъ, она чувствовала, что дышетъ тѣмъ именно воздухомъ, который необходимъ для ея легкихъ. вмѣсто пріобрѣтенія золотыхъ вещей и другихъ женскихъ украшеній, она покупала книги и подписывалась въ библіотекахъ. Весь свой досугъ молодая дѣвушка отдавала чтенію и съ любовью къ дѣлу слѣдила за текущею литературою.

Мысленно она раздѣлила новѣйшихъ писателей и писательницъ на четыре группы, приравнявъ ихъ къ живописи. Произведенія первой своей группы она называла картинами, писанными руками настоящихъ художниковъ по прочному полотну хорошими масляными красками; сочиненія второй группы носили у нея названіе олеографій; за ними слѣдовали фотографіи и, наконецъ, четвертая группа, — прозванная ею лубочною.

Все свое вниманіе она отдавала первой группѣ, а за остальными только слѣдила, какъ онѣ потакаютъ неразвитому или испорченному вкусу публики.

Разрѣзавъ разъ только-что полученный экземпляръ одного изъ петербургскихъ мѣсячныхъ журналовъ, она на первой-же страницѣ нашла небольшое стихотвореніе совсѣмъ неизвѣстнаго поэта К. Полѣскаго. Ивановская внимательно прочла это стихотвореніе;

перечитала его вторично; радостно улыбнулась, какъ найденному кладу; потомъ взяла свѣжую тетрадь и вписала его на первой страницѣ. „Какой чистый и академическій языкъ! Какая правильность размѣра! А сколько чувства, души, поэзіи! Пріятный, прекрасный сюрпризъ!“—восхищалась она. Черезъ нѣсколько минутъ свѣжая память молодой дѣвушки уже запечатлѣла въ себѣ это маленькое поэтическое произведеніе; она произнесла его вслухъ. „Что за прелесть! что за прелесть!“—твердила она.

Уже нетерпѣливо ждала она слѣдующаго номера этого журнала, и ждала его не напрасно: онъ тоже украшенъ былъ небольшимъ стихотвореніемъ того-же поэта. Затѣмъ имя К. Полѣскаго молодая дѣвушка увидала въ другомъ и въ третьемъ журналѣ. Всѣ его стихотворенія она вписывала въ тетрадь, разбираала ихъ со всѣхъ сторонъ и всегда въ заключеніе съ восторгомъ повторяла: „Чудно! дивно! истинно поэтично! Грустно только то, что скорбь и одна скорбь“.

Цѣлый годъ внимательно слѣдила она за произведеніями К. Полѣскаго; знала ихъ всѣ на память и часто сидя одна, произносила ихъ вслухъ. Она сама того не замѣтила, что слова молодого поэта не только влиялись къ ней въ душу, но зажигали кровь въ ея сердцѣ. Идея отождествлялась съ идеаломъ, нарисованнымъ ея воображеніемъ; любовь къ искусству сливалась съ любовью къ его жрецу, и она трепетно и горячо полюбила душу неизвѣстнаго ей лично человѣка.

Проходя мимо вывѣшенныхъ у Даціаро фотографическихъ карточекъ композиторовъ, художниковъ и писателей, она всякій разъ внимательно искала глазами

карточку съ именемъ своего любимаго поэта, но—увы! ея не оказывалось.

Перечитавъ въ безсчотный разъ его стихотворенія, подъ вліяніемъ сильнаго движенія сердца, она взяла перо и, не раздумывая долго, написала:

„Хотя рука, пишущая эти строки, никогда не жала вашу руку, но сердце, управляющее этою рукою, уже давно внимательно слѣдитъ издали за біеніемъ вашего сердца. Поэтому я рѣшаюсь писать къ вамъ.

Ваши стихотворенія дивно хороши и доставляютъ минуты истиннаго наслажденія,—но зачѣмъ въ нихъ преобладаетъ скорбь? Развѣ мало въ жизни отраднато? Развѣ всюду видны одни только слезы? Вѣдь встрѣчаются-же и улыбки. Развѣ ежечасно только одна смерть истребляетъ людей? Вѣдь тоже ежечасно люди и нарождаются. Яркій блескъ солнца и спокойный свѣтъ луны, озаряющіе Божій міръ, еще не померкли. А отнялъ-ли кто у людей возможные въ жизни радости, счастье, любовь? Оставьте свою скорбь. Взгляните веселѣе на Божій свѣтъ. Будьте поэтомъ жизнерадостнымъ и проливайте въ души вашихъ читателей и поклонниковъ цѣлебный бальзамъ утѣшеній и надеждъ“.

Набросавъ эти строки, молодая дѣвушка подписала ихъ своимъ именемъ и фамиліею, сопровождала полнымъ адресомъ и послала по почтѣ черезъ редакцію одного изъ журналовъ для передачи К. Полѣсскому.

Проснувшись утромъ и вспомнивъ объ опрометчиво написанномъ и уже отправленномъ на почту письмѣ, Ольга Александровна всплеснула руками и схватилась за голову.

— Что я надѣлала? Къ чему я все это написала —

и про любовь, и про надежды и про откликъ моего сердца его сердцу?“ повторяла она съ отчаяніемъ, но потомъ, махнувъ рукою, рѣшила:

„Впрочемъ, если мое письмо глупо и смѣшно, пусть его посмѣется. Мало-ли на свѣтѣ разныхъ Ивановскихъ“...

Прошло нѣсколько времени. Никакого отвѣта на ея письмо не получилось. „Ну, и прекрасно“, думала она; „значить, на него не обращено вниманія, а слѣдовательно, и все забудется“.

Однако, молодая дѣвушка съ особеннымъ волненіемъ разрѣзала новую книжку журнала, черезъ редакцію котораго было послано письмо поэту. Открывъ страницу, на которой напечатано было его произведеніе, она прежде всего увидала его подпись, гдѣ на этотъ разъ выставлено было полное имя „Константинъ Полѣсскій“. Стихотвореніе было значительно больше прежнихъ. Она его читаетъ; духъ у нея занимается; щеки пылаютъ; глаза блестятъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, это отвѣтъ на ея письмо, потому что начинается словами: „Хоть не померкнулъ яркій солнца блескъ и не угасъ спокойный свѣтъ луны“... Поэтъ говоритъ далѣе, что хотя есть и улыбки, есть любовь, но тотъ чье сердце полно любви ко всему человѣчеству, не можетъ не скорбѣть при видѣ людскихъ страданій, которыхъ больше, чѣмъ радостей, и т. д.

Весь вечеръ она не отрывалась отъ этого стихотворенія; ей казалось уже, что души ихъ сроднились, а имя его она чувствовала начертаннымъ огненными буквами на своемъ сердцѣ. Мечтательная дѣвушка ходила теперь, какъ въ туманѣ, нося постоянно въ душѣ свой идеаль.

Настали святки, а съ ними—свободное время и обязательные выѣзды; но Ольга Александровна, сдѣлавши утромъ необходимые визиты, съ удовольствіемъ возвращалась потомъ домой, чтобы вечеръ провести одной въ чтеніи и мечтахъ „о немъ.“

— Олечка,—говорила ей подруга,—новый годъ ты непременно должна встрѣтить со мною. У насъ будетъ и твой горячій поклонникъ—Федоровъ. Вѣдь онъ нетерпѣливо ждетъ твоего отвѣта. Въ прошломъ году ты ему сказала, что отвѣтишь на его предложеніе въ первый день будущаго новаго года. Рѣшилась?

Ольга Александровна отрицательно покачала головою.

— Еще не рѣшила,—сказала она,—а новый годъ буду сидѣть дома одна и даже отказалась встрѣчать его у дяди.

— Я замѣчаю, Оля, что съ тобою дѣлается что-то странное, особенно въ послѣднее время: отъ всѣхъ ты отдаляешься; постоянно молчишь и все о чемъ-то думаешь. Ну, скажи мнѣ откровенно: полюбила кого-нибудь?

Ивановская вся вспыхнула.

— Безнадежно, беззавѣтно и безотвѣтно,—тихо сказала она.

— Это очень печально; ты испортишь себѣ этимъ всю жизнь,—съ искреннимъ соболѣзнованіемъ говорила ей подруга.—А вѣдь Федоровъ тебя такъ любитъ, и онъ хорошій человѣкъ.

— Я знаю, что онъ человѣкъ прекрасный; но что-же дѣлать, если сердце мое всецѣло принадлежитъ другому?

— Вотъ ужъ я не ожидала, что тебѣ не будутъ

отвѣчать на любовь! Или, быть можетъ, предметъ твоей любви—уже слишкомъ высокаго полета?

Ольга Александровна слегка разсмѣялась надъ собою.

— Онъ меня лично не знаетъ и я его тоже... Это—мнѣ, мечта,

— А мечта, такъ она и разлетится, какъ дымъ,—весело сказала подруга.

Семь часовъ вечера наканунѣ новаго года. Ивановская рѣшилась таки эту ночь провести дома одна. Она украсила залу своего меблированного помѣщенія двумя елками; накурила духами и зажгла всѣ лампы, чтобы встрѣтить новый годъ въ мечтахъ, благоуханіи и свѣтѣ; въ самую же полночь она готовилась читать его стихотворенія. А чтобы чувствовать себя какъ можно свободнѣе, она надѣла бѣлый пеньюаръ и распустила косы. „Вотъ я и проведу новый годъ съ нимъ“ — мысленно говорила она, кладя на столъ тетрадь съ его произведеніями.

Позвонивъ, чтобы подавали самоваръ, она раскрыла тетрадь и углубилась невольно въ чтеніе и мечты.

Въ дверь ея комнаты раздался троекратный стукъ. „Это, должно быть, Надя хочетъ утащить меня къ себѣ“,—быстро промелькнуло въ ея головѣ.

— Войдите,—отозвалась она, не вставая.

Въ передней кто-то снялъ шубу и калоши. Послышались мужскіе шаги.

„Ужъ не Ѳедоровъ-ли откомандированъ за мной“,—подумала она, спѣша къ подзеркальнику за шпильками, чтобы подобрать косы. Не успѣла она это сдѣлать, какъ въ зеркалѣ отразилась фигура незнакомаго ей мужчины. Она съ испугомъ обернулась къ

нему. Передъ ней стоялъ господинъ средняго роста. Худое и блѣдное лицо его съ небольшими усами и широкою бородкою обрамлено было густыми и волнистыми каштановыми волосами. Въ кроткихъ глазахъ было какое-то деликатно-несмѣлое выраженіе. Онъ молча поклонился ей.

— Вы, вѣроятно, ошиблись комнатою. Я не имѣю удовольствія васъ знать...—заговорила молодая дѣвушка.

— Я—Полѣсскій Константинъ Петровичъ,—сказалъ онъ тихо.

— Вы!—радостно вскрикнула она, протягивая ему руку.—Садитесь, прошу васъ.

Онъ сѣлъ на кресло, а Ольга Александровна въ крайнемъ волненіи, схвативъ шпильки, удалилась въ спальню и тамъ второпяхъ кое-какъ подобрала волосы.

— Простите, пожалуйста,—заговорилъ онъ, когда она возвратилась въ залу,—что я явился къ вамъ въ такое неурочное для визитовъ время; но я здѣсь проездомъ; сегодня пріѣхалъ изъ Петербурга и завтра рано долженъ выѣхать въ Рязань. Ѣхать-же черезъ Москву и не посѣтить васъ—мнѣ казалось... невозможнымъ. Вы такъ внимательно относитесь къ моимъ произведеніямъ. Ваше письмо произвело на меня нѣкоторое впечатлѣніе.

Ольга Александровна сидѣла противъ него въ креслѣ. Въ первыя минуты невидная фигура Полѣскаго какъ-будто нѣсколько разочаровала ее, такъ какъ въ своемъ воображеніи она нарисовала его высокимъ и мужественнымъ, и теперь въ представленіи ея Полѣсскій точно раздвоился: одинъ, котораго она создала въ своей фантазіи, а другой, котораго она видѣла пе-

редъ собою. Но, пристально глядя на него и слушая его, она вернула себѣ прежнее впечатлѣніе, такъ какъ его выразительное, благородное лицо было гораздо красивѣе того, какое она себѣ воображала.

Принесли самоваръ. Пока Ольга Александровна заваривала чай, Полѣсскій заглянулъ въ лежавшую на столѣ раскрытую тетрадь и, узнавъ свои произведенія, улыбнулся. Возлѣ стихотворенія, начинавшагося словами: „Я чужой среди шумной толпы“,—приписано было: „Оттого и чужой, что выше и лучше всей этой толпы“...

Увидавъ, что онъ читаетъ ее приписку, молодая дѣвушка крайне смутилась и чуть не опрокинула стаканъ, подавая ему чай.

Полѣсскій отвелъ глаза отъ тетради и съ любовью глядѣлъ на Ольгу Александровну.

— На моемъ возвратномъ пути черезъ Москву, — заговорилъ онъ, — вы позволите мнѣ посѣтить васъ опять?

— Крайне буду рада.

— Я посмотрю тогда, зачеркнута будетъ эта приписка, или нѣтъ.

— Нѣтъ; она останется, — чуть слышно сказала Ольга Александровна, прячась отъ смущенія за самоваръ.

О чемъ бесѣдовали далеко за полночь молодой поэтъ и его поклонница, — про то знаютъ слушавшія ихъ зеленые ели, а до чего они договорились — объяснилось въ первый день новаго года.

Въ полдень къ Ивановской явился Ѳедоровъ, а вслѣдъ за нимъ ее подруга Надинька, очевидно желавшая содѣйствовать ему въ полученіи благопріятнаго отвѣта. Молодая дѣвушка встрѣтила ихъ, сіяя сча-

стіемъ. Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ фразъ Надинька тихонько замѣтила:

— Оля, а отвѣтъ Сергѣю Ивановичу?

— Я уже невѣста,—сказала Ольга Александровна, краснѣя.

— Чья? съ крайнимъ изумленіемъ спросила подруга.

— Того миѳа, о которомъ я тебѣ надняхъ говорила.

Батракъ.

(Разсказъ).

Каждый разъ, какъ у меня начинаются заботы о перемѣнѣ стараго паспорта на новый и тревога, что этотъ новый паспортъ мнѣ пожалуй не скоро вышлютъ, а я вслѣдствіе этого вдругъ окажусь на нѣкоторое время безпаспортною, всякій разъ тогда я вспоминаю нашего добраго Янка, служившаго у моего отца работникомъ.

Давно я не была въ Вильнѣ и не знаю, какъ теперь обстроился мой родной городъ. Въ старое же время въ немъ было много маленькихъ каменныхъ домиковъ, въ три-четыре комнаты; но каждый изъ такихъ домиковъ непременно былъ окруженъ большимъ тѣнистымъ садомъ, въ которомъ домовладѣльцы лѣтомъ дневали и ночевали; воздѣлывали тамъ огороды со всѣми необходимыми для ихъ хозяйства овощами, ягодами и фруктами, а также пасли своихъ козъ, овецъ и коровъ.

И если бы не эти сады, то многимъ горожанамъ приходилось-бы иногда очень круто. Какъ, напримѣръ, бились-бы въ нуждѣ мои родители безъ этого благодѣтельнаго сада въ то время, когда отецъ лишился

своей небольшой должности, кажется, писца въ судѣ, а дѣтей было у него четверо и все малолѣтнихъ.

Нашъ домикъ стоялъ крайнимъ къ полю; садъ обнесенъ былъ невысокимъ плетнемъ. Разъ весною отецъ копалъ въ огородѣ грядки. Мы бѣгали вокругъ него. Вдругъ старшій братъ замѣтилъ, что за плетнемъ стоитъ какой-то человѣкъ и указалъ отцу. Отецъ подошелъ къ плетню и спросилъ:

— Что тебѣ нужно, любезный?

— Егомость, робко и кротко сказалъ этотъ человѣкъ, — нѣтъ-ли у васъ работы для меня?

— Работа-то есть, другъ мой, отвѣтилъ отецъ, — да денегъ-то нѣтъ, чтобы платить за нее.

— А мнѣ денегъ и не нужно. Доволенъ буду, если егомость будетъ меня теперь кормить, а потомъ сошьетъ мнѣ новую волошку и новые сапоги.

Говорившій это былъ одѣтъ въ старый сермяжный кафтанъ, а на ногахъ у него были лапти; но выраженіе лица было такое честное и добродушное, что онъ сразу намъ всѣмъ понравился, и мы тихонько просили отца, чтобы онъ оставилъ его.

— Ну, войди на дворъ, сказалъ отецъ.

Мы всѣ окружили новаго работника и стали спрашивать, какъ его зовутъ.

— А Янкомъ, тихо отвѣтилъ онъ.

Маменька накормила его, а, поѣвши, онъ попросилъ позволенія отдохнуть отъ усталости. Ни отцу, ни матери и въ голову не пришло спросить у него паспортъ.

Нашъ домикъ состоялъ изъ двухъ комнатъ, кухни и просторныхъ сѣней съ маленькимъ окошечкомъ. Въ этихъ сѣняхъ Янкъ и поселился жить.

Поутру, на второй день его появленія у насъ, когда наша мать встала и отперла дверь въ сѣни, то увидала, что вся деревянная и глиняная посуда вымыта, а сѣни и дворъ чисто подметены; кадка полна воды и дрова наколоты.

Позавтракавши, Янэкъ пошелъ работать съ отцомъ въ садъ и дѣло у него закипѣло въ рукахъ. Маменька часто потомъ повторяла: „Самъ Господь прислалъ вамъ этого человѣка въ трудное для насъ время“.

Янэкъ работалъ не только во дворѣ и въ саду, онъ помогаль матери стирать и полоскать бѣлье; мыль полъ, пекъ хлѣбы, а когда родился пятый ребенокъ, онъ мыль его, нянчилъ и безпрестанно стираль и каталь его пеленки.

Осенью отецъ сшилъ ему длинный изъ толстаго коричневаго сукна сюртукъ и купилъ новые сапоги, а мать подарила ему нѣсколько бѣлыхъ коленкоровыхъ манишекъ, которыя онъ очень любилъ надѣвать по праздникамъ въ костель. Я живо помню высокіе воротнички этихъ манишекъ, упиравшіеся въ середину щекъ и накрахмаленные, какъ картонъ.

Несмотря на то, что Янэкъ забралъ въ свои руки всю работу въ домѣ, на дворѣ и въ саду, дѣло у него такъ спорилось, что вечеромъ еще оставалось свободное время. Онъ никогда не позволялъ себѣ присѣсть въ нашихъ комнатахъ, а сидѣлъ только у себя въ сѣняхъ, и вотъ въ зимніе долгіе вечера мы, дѣти, приходили къ нему туда, усаживались вокругъ него на скамейкахъ и табуретахъ, а онъ разказываль намъ такія волшебныя и занимательныя сказки, что мы слушали ихъ съ замираніемъ сердца и боялись проронить слово.

Когда Янэкъ уже пообжился у насъ, пополнѣлъ отъ

достаточной пищи и приодѣлся, то познакомился съ нѣкоторыми сосѣдями. Разъ онъ отпросился у отца на вечеринку къ ближайшимъ изъ этихъ сосѣдей и вѣроятно захотѣлъ щегольнуть: надѣлъ свой длинный сюртукъ, самый высокій воротничекъ, а волосы на лбу вздумалъ завить.

Онъ сильно накалилъ щипцы и попросилъ меня подвить ему на лбу два локона. Желая угодить ему, я захватила щипцами прядь волосъ, круто подвила локонъ и прижала щипцы ко лбу, совсѣмъ не думая, что голова эта принадлежитъ живому человѣку, а не манекену. Янэкъ, какъ ужаленный, подпрыгнулъ на стулѣ; я въ испугѣ отскочила отъ него и щипцы повисли вдоль лица, а потомъ вмѣстѣ съ навитою на нихъ прядкою волосъ упали на полъ. Янэкъ бросился примачивать холодной водою обожженное на лбу мѣсто и потомъ, глядя въ осколокъ зеркала, съ грустью говорилъ:

— Какъ же быть, Эльжбетка, съ однимъ локономъ идти въ гости нельзя, а меня вѣдь пригласили на вечеръ. А что подумаютъ объ этомъ красномъ пятнѣ?

— Давай, зачешемъ всѣ волосы съ этой стороны на ту; выйдетъ просто съ косымъ проборомъ,—совѣтовала я, стараясь ободрить его.

— Недурно такъ будетъ? озабоченно и наивно спрашивалъ Янэкъ.

— Совсѣмъ недурно,—серьезно увѣряла я.

Янэкъ отправился въ гости; но, должно быть, его дебютъ на вечеринкахъ былъ не совсѣмъ удаченъ, потому что онъ вернулся домой рано и невеселый, а больше уже и не порывался ходить по гостямъ.

Прошло шесть лѣтъ. Работа у Янка не уменьшалась,

а увеличивалась, потому что за это время у родителей моихъ прибавилось трое дѣтей; но Янку казалось, что онъ еще мало приносить пользы. Тогда въ Вильнѣ началась постройка Кальвинскаго собора. Янэкъ подходитъ разъ къ отцу и говоритъ:

— Мнѣ тяжело, что я безъ пользы живу у егомостя. Если бы егомость завели пару лошадей и двѣ телеги, то я могъ бы возить на нихъ камень и песокъ для строящагося кальвинскаго собора и зарабатывать бы хорошія деньги.

Отецъ удивился смѣтливости своего преданнаго работника и купилъ лошадей и телеги. Янэкъ взялся подвозить матеріалъ для собора и ежедневно зарабатывалъ отцу по 12 рублей. Въ полгода этими заработками онъ такъ поправилъ средства родителей, что съ этого времени они начали жить лучше: сдѣлали къ домику пристройку, завели больше скотины и птицъ, а мнѣ заготовили небольшое приданое, такъ какъ мнѣ пошелъ уже семнадцатый годъ.

Янэкъ же по прежнему не бралъ жалованья и довольствовался полученіемъ въ годъ отъ нашихъ родителей пары грубыхъ сапоговъ, шапки, волошки и двухъ рубахъ.

Прижившись у насъ, онъ сталъ вполне своимъ домашнимъ человѣкомъ и любилъ всю нашу семью, какъ свою родную, но особенно трогательное отношеніе у него было къ тѣмъ дѣтямъ, которыхъ онъ вынянчилъ, и ко мнѣ. Передъ родителями же нашими онъ держалъ себя всегда какъ работникъ передъ господами, ни разу не позволивъ себѣ въ ихъ присутствіи присѣсть или оставаться въ шапкѣ.

Я привыкла дѣлиться съ нимъ, какъ съ братомъ, всѣмъ

ми своими горестями и радостями. Подготовляя мнѣ приданое, маменька купила на платье синяго кашемиру. Никогда до этого времени у меня не было такого хорошаго платья и потому я съ нетерпѣніемъ ждала, когда Янэкъ пріѣдетъ съ работы обѣдать, чтобы показать ему обнову. Наконецъ онъ пріѣхалъ. Я выбѣжала къ нему на дворъ и при яркомъ свѣтѣ осенняго полуденнаго солнца развернула передъ нимъ матерію.

— Посмотри-ка, что мнѣ маменька купила,—весело говорила я ему.

Янэкъ съ удовольствіемъ рассматривалъ покупку. Вдругъ въ эту минуту мнѣ пришло въ голову, что вѣдь въ сущности, благодаря заработкамъ Янка, я имѣю такое роскошное платье. Не долго думая, я такъ прямо ему и сказала:

— А вѣдь на самомъ дѣлѣ, Янэкъ, это платье ты мнѣ заработалъ.

Янэкъ съ любовью вскинулъ на меня своими большими, ясными, какъ у дѣтей, глазами и тихонько проговорилъ:

— Я бы хотѣлъ всю свою жизнь для тебя работать, Эльжбетка.

Въ первую минуту я не придала его словамъ никакого значенія, но, взглянувъ на рослую фигуру и мужественное лицо Янка, я поняла смыслъ его словъ и вся вспыхнула. Янэкъ продолжалъ глядѣть на меня въ тревожномъ ожиданіи.

— Ай, Янэкъ, что ты говоришь,—наконецъ пробормотала я и убѣжала въ домъ.

А сердце у меня такъ и запрыгало. Я сѣла за работу; но безпрестанно взглядывала въ окно, чтобы ви-

дѣтъ, что дѣлаеть Янэкъ. На немъ надѣтъ былъ короткій кафтанъ, перетянутый кожаными поясомъ, высокіе сапоги и круглая шапка. Онъ давалъ лошадямъ овса и ласково ихъ гладилъ. Я внимательно его разсматривала, припоминая всю его необыкновенную доброту, и вдругъ онъ сталъ мнѣ такъ милъ, милѣе родныхъ братьевъ. Я почувствовала, что Янэкъ не общій нашъ, а только мой, и къ вечеру нетерпѣливо ждала возвращенія съ работы „моего собственнаго Янка“. Чѣмъ больше думала я о немъ, тѣмъ больше находила его красивымъ и привлекательнымъ.“ Да мужа добрѣе и лучше Янка и быть для меня не можетъ“, рѣшила я. Съ этого времени я всѣ вечера проводила въ сѣняхъ у Янка. Мы говорили и не могли наговориться; глядѣли другъ на друга и не могли наглядѣться, оба чувствуя себя безгранично счастливыми. Наконецъ я рѣшилась переговорить съ маменькой о своемъ желаніи выдти замужъ за Янка.

— Я противъ этого ничего не имѣю, Эльжбетка, сказала мать,—потому что Янэкъ прекрасной души человекъ, лицомъ совсѣмъ не похожъ на простаго работника и еще молодъ, ему должно быть и тридцати лѣтъ еще нѣтъ, только я увѣрена, что отецъ не согласится на это.

Цѣлую недѣлю мы обсуждали, какъ приступить къ отцу. Сильное желаніе и нетерпѣніе придали Янку храбрости. Въ воскресенье, встрѣтившись съ отцомъ на дворѣ, онъ подошелъ къ нему и, снявъ шапку, не совсѣмъ однако смѣло проговорилъ:

— Егомость... егомость...

Я слушала изъ сѣней, затаивъ дыханіе.

— Ну, сказалъ отецъ.

— Не разрѣшить-ли егомость паннѣ Эльжбетѣ выйти за меня замужъ?

Отецъ отскочилъ шагъ назадъ, широко раскрылъ глаза и, смѣривъ Янка взглядомъ, закричалъ: „Да ты въ своемъ умѣ или нѣтъ? Чтобы я выдалъ свою дочь замужъ за батрака!“

Янэкъ опустилъ глаза и, вертя въ рукахъ свою шапку, робко сказалъ:

— Егомость, Іаковъ тоже жилъ работникомъ у Лавана, а потомъ сталъ его зятемъ.

Глядя на этого смиреннаго и наивнаго человѣка, а можетъ быть припомнивъ, какъ много мы были обязаны его преданности, отецъ смягчился и уже добрымъ тономъ, потрепавъ Янка по плечу, сказалъ ему:

— То были, другъ мой, времена, а теперь настали другія. Выкинь изъ своей головы такія мысли.

Отецъ вошелъ въ домъ, а Янэкъ долго стоялъ на дворѣ въ томъ же положеніи и безъ шапки.

Съ этого дня я не смѣла проводить вечера въ сѣняхъ съ Янкомъ; отецъ началъ за мною слѣдить и разъ назвалъ меня даже повѣсою. Янэкъ сдѣлался крайне грустнымъ и задумчивымъ и сталъ называть меня не иначе, какъ „панна Эльжбета“; но я все-таки питала надежду, что современемъ отецъ смягчится и разрѣшитъ намъ обвѣнчаться.

Настала зима. Въ одно утро Янэкъ сталъ было запрягать лошадей, но вдругъ пошатнулся и едва доплелся въ сѣни до своей койки. У него открылся страшный жаръ и бредъ. Мнѣ было невыносимо жаль его и я, не обращая уже вниманія на то, какъ посмотреть отецъ, не отходила отъ больнаго. Янэкъ

мучился, что онъ лежитъ и ничего не работаетъ; но всѣ успокаивали его и просили не тревожиться. Отецъ даже послалъ за докторомъ и лѣкарства купили, но больному становилось все хуже. Черезъ недѣлю Янэкъ сталъ просить, чтобы его положили на полъ, увѣряя, что ему тяжело лежать на койкѣ. Это было уже вечеромъ, когда всѣ собирались спать. Желаніе Янка лечь на полъ отецъ почему-то принялъ за признакъ приближающейся смерти и не хотѣлъ, чтобы его преданный работникъ умеръ одинъ въ сѣняхъ. Его перевели въ нашу комнату и положили на тюфякъ на серединѣ пола. Скоро всѣ уснули; забылась и я, такъ какъ накануне почти не спала. Ночью отецъ услыхалъ предсмертное храпѣніе Янка; онъ всталъ, зажегъ свѣчу и разбудилъ всѣхъ. Проснувшись, я рассказала, что мнѣ приснилось, будто Янэкъ подошелъ ко мнѣ и говорить: „Эльжбета, я положилъ тебѣ подъ подушку нитку съ сорока крупными янтарными бусинами; это были бусы моей жены, которую я очень любилъ. Прошу тебя, прочти за упокой моей души сорокъ разъ „Отче нашъ“. Разсказывая это, я машинально приподняла подушку и отъ удивленія вскрикнула: тамъ дѣйствительно лежала нитка крупныхъ янтарей. Дѣти сочли ихъ и оказалось на самомъ дѣлѣ сорокъ бусинъ. Это приключеніе нагнало на нихъ страхъ и Янка вынесли опять въ сѣни, обмыли, одѣли и положили на столъ подъ окномъ.

Понутру отецъ вышелъ въ сѣни и видитъ, что Янэкъ столкнутъ на полъ, а на столъ лежитъ чей-то картузь, хотя сѣни были заперты. По этому картузу мы догадались, что ночью въ сѣни черезъ оконце влѣзъ воръ; но, по всему вѣроятію, наткнулся на мертвеца, испу-

гался и, пролѣзая снова въ окно, нечаянно столкнулъ его и потерялъ свой картузь.

Такъ какъ для погребенія потребовались бумаги покойнаго, то отецъ только при этомъ случаѣ вспомнилъ, что онъ никогда не спрашивалъ у Янка: есть ли у него паспортъ? Да и вообще не любопытствовалъ узнать, кто онъ и откуда? А самъ Янэкъ не любилъ о себѣ ничего рассказывать. Отецъ вытащилъ изъ-подъ койки сундучекъ, которымъ было обзавелся Янэкъ; вынулъ оттуда незатѣйливую одѣжду его, нѣсколько накрахмаленныхъ манишекъ, а на самомъ днѣ нашелъ бумагу; это и оказалось свидѣтельство покойнаго. Отецъ прочелъ, да такъ и всплеснулъ руками.

— Чудакъ, чудакъ! Что же онъ не сказалъ мнѣ тогда, что онъ дворянинъ?—говорилъ почти съ отчаянiемъ отецъ?—Слышишь, мать, вѣдь онъ былъ изъ хорошей фамиліи Гелботъ.

Почему Янэкъ не получилъ образованія и въ такомъ бѣдственномъ видѣ пришелъ къ намъ,—такъ и осталось тайною. Изъ этой же бумаги мы узнали, что онъ былъ женатъ и овдовѣлъ за два мѣсяца до появленія его у насъ. Былъ ли онъ сирота или за смиреніе свое былъ обиженъ родственниками или не могъ оставаться тамъ, гдѣ похоронилъ любимую жену, отвѣтъ на это умеръ вмѣстѣ съ нимъ.

Наконецъ покойника положили въ гробъ и вынесли въ кладбищенскую часовню.

Наканунѣ похоронъ я вижу во снѣ, будто Янэкъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: „Мнѣ хорошо тамъ, гдѣ меня теперь положили, но еслибы ты видѣла, Эльжбета, какъ крысы обѣли мнѣ уши; однѣ только дырочки остались“.

Когда мы пришли хоронить, то я увидѣла, что дѣйствительно уши его объѣдены крысами. Бѣдняга и послѣдніе часы своего смиреннаго пребыванія на землѣ былъ обиженъ.

Люсьенъ Лагранжъ.

(Разсказъ).

Канунъ Рождества. На улицахъ Москвы такое движеніе, что многіе пѣшеходы, перебѣжавъ черезъ мостовую на противоположный тротуаръ, останавливаются на минуту въ удивленіи, какимъ образомъ они не попали подъ копыта лошадей или подъ сани. Идущіе по тротуарамъ безпрестанно сталкиваются. Одни возвращаются домой уже съ покупками; другіе только идутъ закупать.

Во многихъ домахъ еще не окончена чистка и уборка. Моютъ, чистятъ, убираютъ и въ „Западныхъ“ меблированныхъ комнатахъ, недалеко отъ желѣзнодорожнаго вокзала. Корридорный сбивается съ ногъ. Поломойка ворчитъ, что квартиранты безъ остановки снуютъ взадъ и впередъ и мѣшаютъ ей мыть полъ въ корридорѣ. И дѣйствительно, двери номеровъ то и дѣло отворяются и затворяются. Только живущіе въ седьмомъ и осьмомъ номерѣ не подають никакихъ признаковъ жизни, какъ будто ихъ тамъ нѣтъ.

Въ седьмомъ номерѣ на кровати лежитъ мужчина пятидесяти лѣтъ, прикрытый драповымъ пальто. На

небольшой подушкѣ покоится чудная голова, обрамленная бѣлыми какъ лунь, крупными, сѣдыми кудрями. Большой, слегка выпуклый лобъ не допустилъ себя испортить ни одной морщинѣ. Темнокаріе чистые глаза выражали безмятежное спокойствіе; но безмятежность эта не была безпечность молодаго человѣка, еще не успѣвшаго получить ни одного удара на своемъ жизненномъ пути; нѣтъ, — такоеспокойствіе бываетъ слѣдствіемъ того знанія жизни, когда человѣкъ почти все понялъ и все простилъ. Между округленными и слегка розовыми щеками выдѣляется классической формы носъ. Бѣлые усы и такая же густая и длинная борода прикрываютъ нижнюю часть лица.

„Покурить бы,“ подумалъ лежавшій и посмотрѣлъ на столикъ возлѣ кровати, но тамъ валялись только окурки папиросъ.

Онъ слегка улыбнулся. Между тѣмъ откуда-то доносится запахъ настоящей гаванской сигары.

„Кто-то недалеко курить,“ подумалъ онъ, и эти слова, и этотъ самый сигарный запахъ вдругъ напомнили ему одинъ случай въ его жизни, за цѣлую четверть вѣка назадъ, и воспоминанія нахлынули на него толпою.

Онъ, Люсьенъ Лагранжъ, и братъ его Анри окончили свое образованіе. Братъ поѣхалъ въ родную провинцію на должность секретаря въ судъ, а онъ остался въ Парижѣ. Онъ не желаетъ быть чиновникомъ; его главная мечта — сдѣлаться путешествующимъ корреспондентомъ отъ какой-либо изъ парижскихъ газетъ. Онъ имѣлъ уже знакомства съ нѣсколькими лицами изъ журналистики и скоро получилъ занятіе въ одной редакціи. На слѣдующую весну наконецъ осуществляется его меч-

та: его назначают репортеромъ въ Вѣну на одинъ мѣсяць.

„Какъ любопытно наблюдать различіе въ жизни и обычаяхъ между Вѣною и Парижемъ!“ размышляетъ молодой корреспондентъ. „Какой однако миленькій городъ Вѣна! Какъ любезны вѣнскіе журналисты! Какъ красивы вѣнскія дамы! Какое замѣчательное разнообразіе народностей: slovène, slovaque, ruthène, roumain. Да, вѣдь послѣдніе оказываются племенемъ романскимъ, родственнымъ съ французами. Любопытно изслѣдовать, насколько сохранились у нихъ коренныя свойства и особенности романскаго племени. Нужно проѣхать по Дунаю.“

И вотъ Люсьенъ Лагранжъ садится на пароходъ и плыветъ вдоль Дуная; любитъ его берегами и съ любознательностью разсматриваетъ встрѣчающіеся ему по пути города, селенія и національную одежду жителей. Чѣмъ дальше плыветъ онъ по Дунаю, тѣмъ легче становится его кошелекъ. „Mais, ma foi, qu'y a—t—il à faire! Il faut que je vois tout le Danube,“ разсуждаетъ онъ съ легкомысленностью молодаго француза. „Вѣроятно въ ближайшемъ городѣ я найду французскаго консула и обращусь къ нему за временнымъ содѣйствіемъ, а потомъ вышлютъ изъ Парижа.“

Въ ближайшемъ городѣ французскаго консула не оказалось; но за то какъ близко къ Россіи, къ этой имперіи à la fois si grand et dsì arbare. Ну тамъ въ первомъ по пути городѣ непременно есть французскій консулъ. Ничего не значитъ, если я обраща здѣсь въ деньги свой чемоданъ и нѣкоторыя вещи.“

На русской границѣ любознательный французъ оказался въ положеніи omnia mea mecum porto. Идетъ

онъ по черноземной грунтовой дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся виноградники. „Ma foi, c'est charmant, думаетъ онъ, быть странствующимъ пѣшкомъ корреспондентомъ. Такимъ образомъ гораздо лучше познакомишься съ иностранною жизнью, нежели проѣзжая громадныя пространства на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, когда видишь лишь, какъ мелькаютъ города, селенія и люди. Какъ досадно только, что докурить послѣднюю сигару и даже бросить довольно большой окурокъ.“

У плетневаго забора лежитъ большой камень. Странствующій корреспондентъ присѣлъ на немъ отдохнуть. Вдругъ до него доносится запахъ хорошей га-ванской сигары. „Кто-то недалеко курить“, подумалъ молодой путешественникъ; онъ привсталъ и взглянулъ за заборъ. Тамъ прямо противъ него стоялъ пожилой мужчина съ длинными молдаванскими усами. Запахъ сигары курящаго дразнитъ молодаго человѣка и онъ рѣшается, приподнявъ шляпу, спросить этого господина по французски, гдѣ-бы онъ могъ здѣсь купить себѣ сигаръ.

— Это моя усадьба, отвѣчаетъ пожилой человѣкъ. Магазиновъ тутъ нѣтъ; но позвольте предложить вамъ мою сигару.

Французъ съ благодарностью принимаетъ сигару и съ наслажденіемъ ее закуриваетъ. Скучающій помѣщикъ очень доволенъ, что встрѣтилъ новое лицо. Завязывается оживленный разговоръ. Люсьенъ Лагранжъ откровенно рассказываетъ ему, какимъ образомъ оказался въ его помѣстьѣ и на что впереди надѣется. Гостепріимный помѣщикъ приглашаетъ его къ себѣ въ домъ. Тамъ накрываютъ на столъ. Является все

семейство къ обѣду. Помѣщикъ представляетъ своимъ домочадцамъ французскаго путешественника. Дамы въ восторгѣ отъ француза, французъ отъ дамъ и отъ своего интереснаго приключенія. Ему предлагаютъ, вмѣсто того, чтобы идти въ городъ и тамъ обращаться къ консулу, погостить въ усадьбѣ и отсюда написать письмо въ редакцію парижской газеты, отъ которой онъ посланъ корреспондентомъ.

Такимъ образомъ Люсьенъ Лагранжъ остается неожиданно и на неопредѣленное время гостить у радушнаго помѣщика Эммануила Георгіевича Бродеско.

Проходятъ три долгія недѣли. Впрочемъ, въ пріятномъ обществѣ время не тянется долго для молодаго человѣка; только когда онъ думаетъ объ отвѣтѣ изъ парижской газеты, тогда ему кажется, что отвѣтомъ этимъ слишкомъ медлятъ. Наконецъ въ одинъ на самомъ дѣлѣ прекрасный вечеръ, когда французскій путешественникъ возвращался съ пріятной прогулки въ обществѣ дамъ, г. Бродеско подалъ ему привезенное изъ ближайшей почтовой конторы письмо изъ Парижа. Молодой человѣкъ пробѣжалъ письмо, поблѣднѣлъ и опустился на стулъ.

— Mais, ma foi, c'est donc vrai, прошепталъ онъ.

Помѣщикъ внимательно слѣдилъ за нимъ глазами и потомъ спросилъ:

— Извѣстія не особенно пріятны?

Люсьенъ Лагранжъ молчалъ.

— Пройдемте ко мнѣ въ кабинетъ, сказалъ ему г. Бродеско.

Французъ послѣдовалъ приглашенію и когда они усѣлись въ кабинетѣ, помѣщикъ повторилъ свой вопросъ:

— Извѣстія не особенно пріятны? Скажите мнѣ откровенно.

— Извѣстія ужасны; но я самъ виноватъ, сказалъ Люсьентъ Лагранжъ, совершенно подавленный горемъ. Вотъ вамъ письмо. Прочтите сами, что мнѣ пишутъ изъ редакціи.

Письмо было такого содержанія: „Г. Лагранжъ, какъ же вы хотите, чтобы редакція высылала вамъ деньги, когда вы получили отъ нея такую сумму, которой было-бы вполне достаточно на ваше прожитіе въ Вѣнѣ и на путь туда и обратно. Между тѣмъ изъ Вѣны, куда вы собственно и были посланы, вы доставили въ редакцію только два краткихъ сообщенія и оказались въ Россіи, куда вамъ назначенія не дѣлали. Согласитесь сами, что редакція не можетъ снабжать васъ крупными суммами для такихъ путешествій, какія вы пожелаете сами предпринимать.“

Г. Бродеско прочелъ письмо; взглянулъ на сидѣвшаго противъ него съ выраженіемъ истиннаго горя на лицѣ французскаго путешественника и, положивъ ему на плечо свою руку, съ отеческою улыбкою сказалъ:

— Не отчаивайтесь, молодой человѣкъ. Конечно, съ вашей стороны была сдѣлана свойственная молодости оплошность: вѣдь въ Россіи застряла и погибла цѣлая французская армія, не только одинъ человѣкъ; но преступленія вами никакого сдѣлано не было. Пока останьтесь у меня и займитесь съ моимъ Жоржемъ, а тамъ посмотримъ.

Французъ съ искреннею признательностью пожалъ руку г. Бродеско и на слѣдующій-же день приступилъ къ занятіямъ съ десятилѣтнимъ Жоржемъ.

Въ первое время у него бывали сильные порывы

возвратиться на родину; но онъ образумливалъ себя сознаниємъ, что долженъ быть благодарнымъ за оказанную ему совершенно неожиданную поддержку въ критическую минуту его жизни. Затѣмъ деньги расходовались на пріобрѣтеніе одежды и на разныя личныя потребности. Наконецъ онъ нѣсколько втянулся въ жизнь и частныя дѣла пригрѣвшаго его семейства и неожиданно для самого себя прожилъ въ имѣніи Бродеско цѣлыхъ три года.

Жоржа отвезли въ училище въ Одессу. Г. Бродеско совѣтовалъ своему молодому другу не возвращаться во Францію съ пустыми руками, а принять мѣсто наставника при сыновьяхъ его шурина въ Кіевѣ.

Вѣхавъ въ глубь Россіи, Люсьенъ Лагранжъ мало по малу превратился въ Лукьяна Ивановича и на вопросъ слуги: „Какъ будетъ ваше имя-отчество?“ съ добродушною улыbkой отвѣчалъ: „Люкѣнъ Ивановичъ.“ Шли года, и Лукьянъ Ивановичъ, подготовивъ въ школу и направивъ характеры дѣтей въ одномъ семействѣ, переходилъ въ другое, все дальше двигаясь внутри Россіи. Безъ мѣста онъ не бывалъ: едва оканчивалась его миссія въ одномъ домѣ, какъ его приглашали въ другой, потому что за нимъ шла слава, что онъ *не такой, какъ всѣ эти французы-твер-перы*.

И онъ дѣйствительно, былъ не только *не такой*, но совершенно иной; отъ природы; у него были добрыя душевныя задатки, развитыя потомъ хорошимъ воспитаніемъ и направленіемъ въ домѣ родителей. Образование ему дано было прекрасное, а урокъ, полученный имъ вслѣдствіе легкомысленнаго поступка въ Вѣнѣ, вызвалъ усиленную работу надъ собственнымъ характеромъ. Объ-

занности-же воспитателя при его добросовѣстности заставляли постоянно слѣдить за собой, чтобы служить примѣромъ для вѣранныхъ его воспитанію юношей. Въ тридцатипятилѣтнемъ возрастѣ онъ бывалъ уже руководителемъ и нравственною опорой для цѣлаго семейства: безъ его совѣта ничего не предпринимали и не рѣшали. Старшіе члены семьи остерегались сдѣлать такой поступокъ, какой воспитатель, г. Лангранже, найдетъ не хорошимъ. Съ нимъ разставались какъ съ самымъ близкимъ дорогимъ родственникомъ, и бывали случаи, что съ нимъ не хотѣли разлучаться, умоляя его остаться навсегда. Онъ благодарилъ за расположеніе, бывалъ тронутъ сочувственнымъ отношеніемъ къ нему, но отвѣчалъ: „Безъ дѣла жить нельзя“ и уѣзжалъ.

Въ однихъ домахъ, какъ почтительно его встрѣчали, такъ почтительно и провожали. Въ другихъ семействахъ встрѣчали его, какъ *всѣхъ этихъ французовъ-швернеровъ*, а понявъ и оцѣнивъ, начинали относиться къ нему почтительно. Но былъ и такой домъ, гдѣ его не могли понять и гдѣ онъ, не смотря на всю свою нравственную силу и на всѣ свои старанія посѣять доброе сѣмя, ничего не могъ подѣлать. Отецъ въ этомъ семействѣ никогда не былъ трезвъ. Его жена олицетворяла нравственную развинченность. Между ними болтались въ зачаткахъ своихъ испорченныя дѣти. Эту группу окружала исподлившаяся прислуга. Присмотрѣвшись къ этимъ людямъ, Лукьянъ Ивановичъ подумалъ: „Тутъ много будетъ работы“ и принялся за свой трудъ сѣянія добраго сѣмени; но не успѣвало оно упасть на эту каменистую почву, какъ вѣтеръ уносилъ его.

Хозяйка прежде всего была неприятно удивлена, что французъ не говоритъ ей никакихъ любезностей и корчитъ изъ себя какого-то праведника. Дѣти, замѣтивъ неудовольствіе матери на учителя, наперерывъ искажали передъ ней его слова и поступки. Прислуга въ угоду хозяйкѣ и по ея наущенію старалась, но тщетно, вывести его изъ терпѣнія. Мать жаждала видѣть не результаты его воспитанія, а случая, чтобы онъ попался въ какойнибудь шашнѣ и чтобы этому гордецу пришлось передъ нею оправдываться. Всѣ зорко слѣдили: не перемигнется-ли онъ съ кѣмънибудь; вездѣ разставлены были соглядатаи наблюдать, не пойдетъ-ли онъ ночью на деревню.

Но время шло, а все не являлись такіе случаи, чтобы учителю пришлось вертѣться, извиняться и оправдываться. Помѣщица, при пустотѣ своей жизни, выходила изъ себя и, не имѣя даже желанія, чтобы воспитатель отказался, искала всѣми способами случая вызвать хоть такую сцену, въ которой она могла-бы чѣмънибудь выказать свою власть хозяйки дома.

Люсьенъ Лагранжъ настаивалъ всегда, чтобы дѣти какъ можно болѣе пользовались чистымъ воздухомъ. Она запретила имъ идти гулять.

— Для здоровья дѣтей необходимо, чтобы они чаще дышали чистымъ воздухомъ, сказалъ воспитатель.

— Напрасно вы со своимъ уставомъ въ чужой монастырь суетесь, возразила ему хозяйка. Я въ вашихъ совѣтахъ не нуждаюсь и еще посовѣтую вамъ не дѣлать своего хорошаго, а дѣлать мое дурное.

— Я на это не согласенъ, спокойно замѣтилъ Лукьянъ Ивановичъ, и пошелъ укладывать свои вещи.

— Поди подсмотри, что онъ дѣлаетъ, сказала она десятилѣтнему сыну.

— Укладывается, шепнулъ мальчикъ, возвратясь.

— Ступайте просить его, чтобы онъ остался, командовала она дѣтямъ.

Черезъ полчаса однако воспитатель пришелъ къ ней проститься.

— Лошадей свободныхъ нѣтъ, говорила она. Вамъ нельзя сегодня ѣхать.

— Я найму лошадей на деревнѣ, отвѣтилъ онъ, раскланиваясь.

Выѣзжая изъ усадьбы, Лукьянъ Ивановичъ думалъ: „Оставаться тутъ было-бы потерю времени: не во власти человѣка превратить плевела въ пшеницу“.

Переѣхавъ въ губернской городъ, Люсьенъ Лагранжъ началъ подумывать, что пора-бы ему позаботиться и о нѣкоторомъ увеличеніи скопленнаго, хотя и небольшого капитала, а потомъ уже не съ пустыми руками возвратиться въ свое отечество. Живя у помѣщиковъ, онъ хорошо приглядѣлся къ хлѣбной торговлѣ и потому рѣшился заняться ею въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ.

Первые обороты были удачны. Это его ободрило и онъ рѣшился на болѣе крупную сдѣлку, рискуя почти всѣми своими деньгами. Большая партія зерна пришла и онъ уплатилъ за нее всю сумму, довѣряясь совѣсти поставщика, зарекомендовавшаго себя хорошо при первыхъ сдѣлкахъ. Но когда ему самому пришлось перепродавать этотъ хлѣбъ, то оказалось, что зерно и сыро, и сорно.

— Непріятность случилась съ вами, Лукьянъ Ивановичъ, говорилъ ему одинъ знакомый купецъ.

— Да, непріятность большая, потому что я теряю всѣ деньги, такъ какъ не могу продавать этотъ товаръ по той цѣнѣ, по какой самъ его купилъ. А судиться я не люблю, отвѣтилъ Лагранжъ.

— Судиться не къ чему; это ни къ чему не приведетъ, сказалъ торговецъ. Василій Степановичъ—человѣкъ ловкій. Ужъ если онъ такъ поступилъ, значитъ заручился и останется правъ. А денежки свои вы воротить можете. Послушайтесь моего совѣта. Скоро Василій Степановичъ будетъ имѣнинникъ. Вы пойдите поздравить его; снесите подарочекъ и поклонитесь ему: молъ, „очень вамъ благодаренъ, Василій Степановичъ; на товаръ; не оставьте и впередъ прислать столько-же“. Какъ теперича онъ плохой товаръ сбылъ вамъ и пришлетъ хорошаго, а вы прежній-то товаръ ему верните и напишите: „Мы, молъ, съ вами, Василій Степановичъ, выходимъ въ расчетъ, такъ какъ возвращенный товаръ негоденъ и оставьте его у себя въ уплату за присланный“. Онъ пойметъ дѣло; вѣдь у насъ въ коммерціи сплошь и рядомъ такъ случается.

— Нѣтъ, я по вашему совѣту не поступлю, отвѣтилъ Лукьянъ Ивановичъ.

Онъ ликвидировалъ свою неудачную торговлю и переселился въ Москву. Уже шесть лѣтъ живетъ онъ въ ней; даетъ уроки французскаго языка и изрѣдка занимается коммиссіонерскими дѣлами; но берется только за такія сдѣлки, въ которыхъ нѣтъ ничего запутаннаго и подозрительнаго. Мало по малу, узнавъ его, къ его посредничеству стали обращаться многіе, обжегшіеся отъ соприкосновенія съ разными Agentur-Bureau-Comptoir-Geschäft' ами. Въ средѣ московскихъ французовъ онъ пользуется большимъ уваженіемъ. Въ

то время, какъ русскія малодушныя женщины бѣгутъ къ гадалкамъ искать у нихъ утѣшенія въ своихъ мелочныхъ горестяхъ и страданіяхъ, слабодушныя женщины французской колоніи спѣшатъ къ г. Лагранжу и выносятъ отъ него всегда разумный совѣтъ.

Лукьянъ Ивановичъ, въ противоположность многимъ своимъ соотечественникамъ, основательно изучилъ русскій языкъ и русскую литературу. Онъ иногда превращался въ послушнаго ученика своихъ воспитанниковъ, учившихъ его русскому языку: они съ большимъ удовольствіемъ задавали ему уроки изъ грамматики и прослушивали его отвѣты съ такимъ-же видомъ, какой бывалъ у него, когда онъ спрашивалъ ихъ уроки. Дальнѣйшее изученіе русской словесности онъ продолжалъ уже самъ. Въ его рѣчи даже мало замѣтенъ теперь иностранный выговоръ.

Люсьенъ Лагранжъ честно соблюдалъ завѣщанное человѣку природою непрестанное самоусовершенствованіе. Въ теченіи прожитой имъ въ Россіи четверти вѣка кругомъ его шумѣли и передъ нимъ высказывали свои желанія сторонники различныхъ идей и воззрѣній. Онъ вникалъ въ смыслъ ихъ стремленій; отдѣлялъ въ этихъ стремленіяхъ вѣчное отъ временнаго и крупницы этого вѣчнаго клалъ въ сокровищницу своей души, оставаясь всегда самимъ собою и не переставая совершенствовать свое духовное „я“ правилами непреложнаго закона бодрствующей въ челоѣкѣ совѣсти.

Одинъ французъ въ Москвѣ, знающій хорошо Лагранжа, сравнилъ его разъ съ крупнымъ брилліантомъ, чистой воды и хорошей шлифовки, но не оправленнымъ ни въ серебряную, ни въ золотую рамку. Да повидимому этотъ брилліантъ и самъ не желаетъ имѣть никакой

оправы. Въ послѣднее время онъ рѣшилъ внутри себя какой-то вопросъ и живетъ исключительно для другихъ, дѣлясь съ нуждающимися такъ, что часто лишаетъ себя даже необходимаго. И вотъ теперь онъ отдалъ одной бѣдной больной женщинѣ свое одѣяло и всѣ деньги, не оставивъ себѣ и на сигары.

Въ номеръ къ нему вошелъ корридорный.

— Лукьянъ Ивановичъ, сказалъ онъ, вчерась вечеромъ тутъ противъ васъ остановился пріѣзжій баринъ. Онъ нынче прочелъ на доскѣ вашу фамилью и велѣлъ спросить васъ: жили-ли вы три года въ Бессарабіи?

— Жилъ, отвѣтилъ Лагранжъ, и подумалъ: „Это, вѣроятно, кто-нибудь изъ знавшихъ меня у Бродеско.“

Онъ всталъ, умылся, расчесалъ свои кудри и одѣлся. Не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ онъ вполнѣ сохранилъ стройность своей крупной и величественной фигуры.

Отворилась дверь и вошелъ молодой человекъ съ южнымъ типомъ лица.

— Я—Жоржъ Бродеско, сказалъ онъ, кланаясь.

Лицо Лукьяна Ивановича озарилось радостною улыбкою.

— George! mon cher George! воскликнулъ онъ, сердечно обнимая молодого человека. Русская пословица права: гора съ горой не сходится, а человекъ съ человекомъ сойдется. Какими судьбами въ Москвѣ?

Они сѣли на диванъ.

— Въ первый разъ пріѣхалъ, отвѣчалъ Жоржъ, и какъ въ темномъ лѣсу. Отецъ такъ постарѣлъ, что все хозяйство уже пять лѣтъ веду я. Условія нашей жизни теперь таковы, что кто хочетъ удержать за со-

бою имѣніе, тотъ долженъ трудиться. И я рѣшился привести сюда самъ большую партію нашего бессарабскаго вина; но совсѣмъ не знаю, какъ приступить къ распродажѣ его.

— Я вамъ въ этомъ помогу, Жоржъ, сказалъ Лагранжъ. Только вы пріѣхали немного не во-время; нужно было привезти вино мѣсяца за два или даже за три до праздниковъ; но я надѣюсь, что съ моими соотечественниками, производящими виноторговлю, я скоро сдѣлаю дѣло.

И они говорили и не могли вдоволь наговориться, вспоминая прошлое.

Настало обѣденное время. Жоржъ Бродеско пригласилъ своего бывшего наставника въ ресторанъ, но г. Лагранжъ пожелалъ въ этотъ день обѣдать дома. Зажгли лампу. Корридорный принесъ изъ ресторана обѣдъ, а Жоржъ заставилъ столъ пробными бутылками вина.

— Я думаю, м-г. Лагранжъ, что вы за эти двадцать пять лѣтъ хорошо узнали и изучили Россію и русскую націю, сказалъ Жоржъ Бродеско.

— О, да, отвѣтилъ Лукьянъ Ивановичъ. Я могъ-бы сказать, что знаю Россію и русскихъ лучше, нежели Францію и французовъ, такъ какъ тамъ я прожилъ двадцать пять лѣтъ еще не самостоятельнаго возраста, а здѣсь провелъ такой-же періодъ времени возраста уже разумнаго; но, какъ французъ, я понимаю французскую націю, а русскихъ знаю очень хорошо потому, что жилъ не только у нихъ, но съ ними, ихъ жизнію. Русскій народъ, въ своемъ цѣломъ составѣ, прекрасный народъ. Русское дворянство ни въ чувствѣ люб-

ви къ отечеству, ни въ просвѣщеніи, ни въ своемъ понятіи о чести не отстаютъ отъ того-же сословія другихъ государствъ. Среднее интеллигентное сословіе—точно также. Русскій крестьянинъ—это исполинъ, подающій человѣчеству примѣръ сохраненія душевной силы въ страданіяхъ. Это—душа-народъ, сравнительно съ другими. Такое мнѣніе когда-то подтвердилъ одинъ мой бывший соотечественникъ эльзасецъ Гюбнеръ, у котораго была ситцевая фабрика въ Эльзасѣ и такая-же фабрика въ Москвѣ. Онъ говорилъ мнѣ, что когда ему случалось получить большой заказъ въ Эльзасѣ, то онъ не рѣшался и заикнуться передъ своими рабочими, чтобы они выручили его, проработавъ праздникъ или нѣкоторое время сверхъ назначеннаго, конечно за особую плату. Разъ онъ попробовалъ обратиться къ нимъ съ такою просьбою, но и самъ былъ не радъ, потому-что они тотчасъ-же заподозрили въ немъ желаніе ихъ эксплуатировать и чуть было не устроили стачки. Въ Москвѣ-же, когда онъ получалъ лишній заказъ, ему только стоило сказать рабочимъ: „Выручите меня, братцы“, и братцы выручали; одни изъ нихъ соглашались съ добродушною улыбкою, другіе почесавъ затылокъ, а все-таки выручали.

Лукьянъ Ивановичъ умолкъ, задумался и на его лицѣ выразилась скорбь.

— Но, mon cher George, продолжалъ онъ голосомъ полнымъ грусти, коммерческая буржуазія поотстала отъ того-же сословія другихъ государствъ. Не внѣшнимъ своимъ видомъ, не въ роскоши жизни она отстала; нѣтъ, въ этомъ отношеніи она даже перещеголяла другихъ; но она туго подвигается впередъ въ своемъ духовномъ развитіи.

Двадцать пять лѣтъ я внимательно наблюдалъ людей этого сословія, и старался проникнуть въ самый тайникъ ихъ внутренняго міра и не видѣлъ тамъ ни беззавѣтной отзывчивости, ни глубокаго человѣколюбія; хотя нѣкоторые изъ нихъ и воздвигаютъ благотворительныя учрежденія, но... беззавѣтно-ли? Очевидно, духъ наживы препятствуетъ широкому развитію души человѣческой. Сегодня, лежа безъ копѣйки, я думалъ: „Если бы теперь явилась ко мнѣ волшебница и предложила бы мнѣ помѣняться душою съ кѣмъ либо изъ коммерсантовъ, владѣющихъ роскошнымъ палаццо, я сказалъ-бы ей: *Eloignez—vous, Madame, et laissez—moi avec mon compagnon fidèle, mon vieux paletot.*“

Лукъянъ Ивановичъ налилъ вина въ стаканы и сказалъ:

— *Eh bien, mon jeune ami.* выпьемъ за духовный прогрессъ коммерческаго сословія.

Они чокнулись, отпили вина и сидѣли нѣсколько минутъ молча, погруженные въ свои думы.

Въ это время въ сосѣднемъ осьмомъ номерѣ слышался звонкій голосъ содержательницы меблированныхъ комнатъ.

— Если вы сами не пойдете, я велю васъ вывести. Другой мѣсяцъ мнѣ не платите и лишаете меня хорошихъ постояльцевъ. Прошу васъ выходить; новые квартиранты ждутъ въ коридорѣ.

Въ отвѣтъ на это слышался сильный кашель. Лукъянъ Ивановичъ вышелъ въ корридоръ. Тамъ стояли швейцаръ и корридорный съ вещами пріѣхавшихъ постояльцевъ; въ двери хозяйка со свѣчкою въ рукѣ. Изъ темнаго номера вышла слабою походкою женщина, худая, довольно высокаго роста, съ закутанной

платкомъ головою и съ маленькимъ узелкомъ въ рукѣ.

— Боже мой, куда-же я теперь пойду? прошептала она съ отчаяніемъ въ голосѣ.

— Прошу васъ, взойдите ко мнѣ, сказалъ Лукьянъ Ивановичъ, указывая ей рукою на свой номеръ.

Она остановилась въ нерѣшительности.

— Не бойтесь никакой неприятности; взойдите и успокойтесь, продолжалъ онъ.

Женщина вошла къ нему въ номеръ и сѣла на крайній стулъ съ выраженіемъ на лицѣ тупаго отчаянія. Лукьянъ Ивановичъ затворилъ дверь, подошелъ къ ней и сказалъ:

— Постарайтесь успокоиться. Эту великую ночь вы не проведете на улицѣ. Раскутайте голову, снимите пальто и подкрѣпите себя пищею. Здѣсь васъ никто не обидитъ. А дальше я подумаю, какъ васъ устроить.

Полный сочувствія, серьезный и добрый тонъ его голоса ободрилъ ее. Она сняла съ головы платокъ и разстегнула драповое пальто. Лукьянъ Ивановичъ помогъ ей снять его и повѣсилъ на гвоздь. Женщина сильно закашлялась.

— Вамъ необходимо выпить рюмку вина и поѣсть, сказалъ онъ. У васъ желудочный кашель. Прошу васъ присѣсть за нашъ столъ. Это мой другъ и бывший воспитанникъ.

Бродеско привсталъ и поклонился. Лагранжъ наложилъ ей на тарелку мяса и налилъ рюмку вина.

Подкрѣпившись пищею, ихъ нечаянная собесѣдница оперла голову на руки и глухо зарыдала. Жоржъ Бродеско подаль ей стаканъ воды.

— Боже мой, Боже мой, до чего я дожила, тихо говорила она, утирая слезы.

— Позвольте узнать ваше имя, спросилъ ее Лукьянъ Ивановичъ.

— Елена Дмитріевна Соколова, отвѣтила она. Я постоянно давала уроки; но заболѣла, уроковъ лишилась и съ тѣхъ поръ, какъ выздоровѣла, не могу ихъ найти.

— Это случается со многими; часто случается, замѣтилъ съ грустью Лагранжъ.

Еленѣ Дмитріевнѣ было на видѣ лѣтъ двадцать девять. Она брюнетка, очень стройная, даже изящная. Черты лица недурны, а выраженіе его хотя въ эту минуту скорбное, но пріятное. И бесѣда этихъ троихъ людей, нечаянно собравшихся вмѣстѣ въ этотъ вечеръ, была оживленнѣе и сердечнѣе, нежели во многихъ семьяхъ.

Въ 11 часовъ Лукьянъ Ивановичъ настоялъ, чтобы Елена Дмитріевна легла спать, а самъ пошелъ ночевать къ Жоржу Бродеско.

— А препикантная особа, замѣтилъ молодой человекъ, когда они пришли въ его номеръ.

Лагранжъ посмотрѣлъ на него укоризненно и сказалъ:

— Если красивая женщина оказывается въ такомъ трудномъ матеріальномъ положеніи, то она или беззавѣтно, довѣрчива или цѣломудренна. Значитъ женщина хорошая.

Въ первые три дня праздниковъ Лагранжъ и Бродеско приходили къ Еленѣ Дмитріевнѣ обѣдать и развлекать ее. На третій день Рождества Лукьянъ Ивановичъ попросилъ у нея позволенія войти въ его но-

меръ, чтобы взять изъ коммоды бѣлья. Выдвинувъ ящикъ, онъ замѣтилъ:

— Я аккуратенъ, но чья-то рука еще лучше меня все уложила.

Елена Дмитріевна покраснѣла.

— Простите меня, сказала она. Вчера я очень скучала. Ящики коммоды не были ни заперты, ни плотно задвинуты. Я позволила себѣ заняться вашимъ бѣльемъ и это меня развлекло.

За обѣдомъ въ этотъ день Елена Дмитріевна, подъ впечатлѣніемъ сочувственнаго къ ней отношенія обоихъ собесѣдниковъ, искренно рассказала имъ нѣкоторые случаи изъ своей жизни. Лукьянъ Ивановичъ подмѣтилъ, что всѣ свои неудачи она приписывала только одной себѣ и никого въ нихъ не винила.

„Это рѣдкая черта въ характерѣ“, подумалъ онъ.

На четвертый день праздниковъ въ 12 ч. утра къ ней вошла съ дѣвочкою француженка портниха и сказала, что принесла ей, по порученію г. Лагранжа, два теплыхъ пальто для выбора и мѣховую шапку. Елена Дмитріевна начала отказываться взять эти вещи; но француженка настаивала, увѣряя ее, что не можетъ поступить противъ желанія уважаемаго г. Лагранжа, и между прочимъ сказала, что уже не въ первый разъ исполняетъ подобныя его порученія. Елена Дмитріевна согласилась наконецъ и, примѣривъ, оставила себѣ одно пальто и шапку. Потомъ прикащикъ изъ магазина обуви принесъ ей для выбора нѣсколько паръ теплыхъ сапоговъ.

Когда въ этотъ день вошелъ Лукьянъ Ивановичъ, она встрѣтила его словами:

— Вы черезъ чуръ меня обязываете. Когда-же я буду въ состояніи съ вами расквитаться?

Онъ сѣлъ и, пристально глядя на нее, заговорилъ:

— Мнѣ кажется, что вы поймете меня, если я вамъ скажу: мы квиты. Что такое значать всѣ эти ничтожныя вещи въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ удовольствіемъ, которое испытываю я, исполняя прямой долгъ человѣка, а случай исполнить этотъ долгъ доставили мнѣ вы.

Прищуривши глаза, она вникала въ смыслъ его словъ и потомъ сказала:

— Я васъ вполне понимаю. Вѣдь и я, еслибы не дѣлилась со всѣми обращающимися ко мнѣ за помощью, не оказалась бы въ безвыходномъ положеніи. Дѣлилась же я потому, что это доставляло мнѣ душевную отраду.

Послѣ праздниковъ Люсьенъ Лагранжъ нашелъ ей два урока. Въ концѣ января Георгій Эммануиловичъ Бродеско уѣхалъ, препоручивъ послѣднюю распродажу винъ своему наставнику. Лукьянъ Ивановичъ перешелъ совсѣмъ въ его номеръ, предоставивъ Еленѣ Дмитріевнѣ свой, на долго оплаченный впередъ. Первые деньги, полученныя ею за уроки, она поспѣшила отдать хозяйкѣ за свое прежнее помѣщеніе. Лагранжъ каждый вечеръ приходилъ къ ней бесѣдовать и выходилъ отъ нея всегда съ пріятнымъ сознаніемъ, что на этотъ разъ ему удалось оказать поддержку дѣйствительно хорошему человѣку.

— Объясните мнѣ, г. Лагранжъ, говорила ему разъ Елена Дмитріевна, отчего большинство людей живутъ такою пошлою жизнью, такъ погружены въ мелочныя расчеты, такъ опутали себя предрасудками и этимъ самымъ такъ ослѣпили себя, что не отличаютъ того,

что составляетъ прямой долгъ человѣка и что нѣтъ, что истинно и что ложно?

— Чтобы дойти до такого пониманія, нужно слишкомъ много пережить и перестрадать, сказалъ Люсьенъ Лагранжъ. А это не всѣмъ дается и не всѣ на это способны. Недавно одинъ мой соотечественникъ, поэтъ, на вопросъ, подобный вашему, отвѣтилъ такъ: „Il faut le coeur percé du glaive des douleurs, avoir offert ce couer sanglant en sacrifice; il faut avoir porté sa croix et vidé son calice et bu jusqu'à la fin l'amertume des pleurs. Alors le *Vrai* apparait à nos yeux.“

Какъ музыку маэстро, слушала она эти строки, полныя истины, прекрасно произносимыя имъ на его родномъ языкѣ.

— И какъ всегда одиноки тѣ люди, продолжала Елена Дмитриевна, которые думаютъ и поступаютъ не такъ, какъ всѣ. У меня никогда не было близкихъ друзей, потому что понятія мои давно, давно, съ самой ранней юности расходились съ мнѣніями окружавшихъ меня людей. Вѣдь вѣрно то, что люди, имѣющіе дома, фабрики, капиталы, — богатые люди, а мнѣ всегда казалось, что нѣтъ; чувствуется, будто эти люди не богаты, потому что, если они лишатся своихъ матеріальныхъ средствъ, то окажутся внутренне бѣдными, ничтожными, нуждающимися въ поддержкѣ другихъ. Я сравниваю ихъ иногда съ покрытыми снѣгомъ возвышенностями, которыя среди гладкаго поля представляются величественными мраморными изваяніями. Стаетъ снѣгъ, и обнаружится, что возвышавшіяся фигуры не иное что, какъ большія кучи мусора. Напротивъ того, артисты, художники, композиторы, ученые, писатели и

люди, понимающіе, въ чемъ состоитъ прямой долгъ человѣка, мнѣ представляются всегда богачами.

Она говорила, а онъ внимательно слушалъ и думалъ: „Это она, та самая женская душа, которую я такъ долго искалъ и наконецъ уже пересталъ искать. Поздно встрѣтилъ я тебя. Такъ будь моею сестрою.“ А сердце его стучало и приговаривало: „Не бойся! Я цѣльно. Я сохранило весь свой жаръ.“ И оно брызнуло кровью въ его щеки и разлило огонь по жиламъ.

Былъ полдень въ воскресенье. Елена Дмитріевна сидѣла на диванѣ и силилась понимать содержаніе книги, которую читала, но собственныя мысли и чувства мѣшали ей сосредоточиться надъ чтеніемъ.

„Не даромъ, думала она, когда хозяйка выпроваживала меня, мнѣ было жаль не себя, а ее. Она, бѣдняжка, боялась потерять рубли, а я нашла сокровище. Нѣтъ, другого подобнаго человѣка на свѣтѣ нѣтъ. А для меня онъ дороже всѣхъ въ мірѣ. Въ немъ одномъ цѣлый міръ добра, правды и милосердія. Всю душу, всю жизнь свою отдала-бы ему, если бы онъ только захотѣлъ ее взять!

Дверь ея номера пріотворилась.

— Можно къ вамъ взойти? спросилъ Лагранжъ.

— Прошу! прошу! отозвалась Елена Дмитріевна, вставая ему на встрѣчу.

— Читаете? спросилъ онъ, пожимая протянутую ему руку.

— Хотѣла читать, отвѣчала она, но не могу. Все думаю о васъ, м-г Лагранжъ. Какъ вы тогда вѣрно отгадали, что я пойму васъ, такъ я увѣрена, что вы поймете, если я вамъ скажу, что за спасеніе

души моей жажду дать вамъ нравственную награду. Назовите мнѣ ее.

Онъ стоялъ посреди комнаты. Мартовское солнце освѣщало его величественную фигуру и серебрило бѣлые локоны. Въ прекрасномъ лицѣ и ясныхъ глазахъ отражалась вся внутренняя красота этого человѣка. Онъ долго молчалъ, наконецъ тихо и несмѣло проговорилъ:

— Назовите меня просто „Lucien.“ Кромѣ моей матери ни одна женщина не называла меня такъ.

— Lucien! mon chéri! произносила дрожащимъ отъ волненія голосомъ Елена Дмитріевна, прижимаясь головою къ его груди.

Она почувствовала, какъ сильныя руки крѣпко прижали ее къ этой груди.

— Hélène! говорилъ ласковый голосъ. Согласны-ли вы, не взирая на мой полувѣковой возрастъ и на мою сѣдую голову, назваться г-жей Лагранжъ?

Въ отвѣтъ на это она приподнялась, наклонила его голову и покрыла поцѣлуями бѣлыя кудри.

Георгій Эммануиловичъ Бродеско открылъ въ Москвѣ крупную торговлю бессарабскими винами, довѣривъ все дѣло своему надежному наставнику и другу. Лагранжъ переселились въ уютную квартиру, которую Лукьянъ Ивановичъ со свойственнымъ французамъ вкусомъ обставилъ очень мило. Кругъ ихъ знакомства обширенъ. Къ Люсьену Лагранжъ еще болѣе прежняго прибѣгаютъ за совѣтомъ страждущіе и обремененные. Елена Дмитріевна иногда замѣняетъ его при исполненіи человѣческаго долга.

Прошелъ годъ. Лукьянъ Ивановичъ въ одинъ день не пошелъ въ магазинъ и тревожно ходилъ по залѣ,

боясь потерять доставшееся наконецъ и ему личное счастье. Вошла женщина и сказала:

— Поздравляю васъ съ рождениемъ сына здороваго, хорошаго.

Онъ отвѣтилъ на поздравленіе поклономъ и остановился въ раздумчивости у окна. „Поздно, поздно, Lucien Lagrange, далъ ты жизнь другому человѣческому существу, размышлялъ онъ. Придется ли еще воспитать его, какъ старался воспитывать чужихъ дѣтей.“

Г-жа Лагранжъ торжественно празднуетъ всегда рождественскій сочельникъ, какъ день своего счастья. У нихъ въ этотъ вечеръ собираются близкіе знакомые и послѣ ужина всѣ отправляются въ католическую церковь на великую заутреню. Въ нынѣшнемъ году двухлѣтній Жоржъ Лагранжъ тоже присутствовалъ на ужинѣ въ сочельникъ, сидя на колѣняхъ отца. Впрочемъ онъ не столько ѣлъ, сколько бросать со стола на полъ ложку.

— Какой-же ты недобрый мальчикъ, mon petit Lagrange, ласково говорилъ ему Лукьянъ Ивановичъ. — Тебѣ и не жаль твоего стараго отца заставлять нагибаться, чтобы поднять ложку.

Въ отвѣтъ на это ребенокъ ангельски улыбался, а ложка опять летѣла на полъ.

Какъ въ заутреню на Пасху Люсьенъ Лагранжъ благоговѣнно входитъ рядомъ со своею женою въ православный храмъ, такъ въ заутреню подъ Рождество она находитъ пріятнымъ долгомъ сидѣть въ католической церкви возлѣ своего друга.

И на этотъ разъ французская католическая церковь была переполнена прихожанами, собравшимися на рождественскую заутреню. Молоденькая дѣвушка, стоя

на колѣняхъ нагнувшись надъ молитвенникомъ, исподтишка разсматривала публику.

— Луиза, шептала она сестрѣ, посмотри, какъ г. Лагранжъ похожъ на блаженнаго Августина.

Среди стоявшихъ на колѣняхъ и нагнувшихся надъ молитвенниками, возвышалась фигура Люсьена Лагранжъ. Онъ сидѣлъ безъ молитвенника. Красивая голова его слегка откинулась назадъ. Глаза, почти не моргая, задумчиво устремились вверхъ. Сливался ли онъ въ это время душою со звуками органа, передававшего пѣснопѣнїе ангеловъ: „Gloria in excelsis Deo“; возсылалъ ли онъ благодареніе за ниспосланное наконецъ и на его долю личное счастье, или молился о продленіи своихъ дней, чтобы успѣть развить чело-вѣческую душу въ своемъ сынѣ—неизвѣстно; но вырвавшееся у молодой дѣвушки сравненіе было вѣрно.

— Какъ счастлива madame Лагранжъ! говорили многія изъ присутствовавшихъ въ церкви дамъ.

И онѣ были правы.

Діаконисса.

(Разсказъ.)

Мой отецъ, Яковъ Райнинъ, проживалъ со своею многочисленною семьею въ Бердичевѣ, имѣя въ окрестностяхъ его большой мыловаренный заводъ. Жили мы вполне безбѣдно, соблюдая всѣ древніе обычаи и праздники, хотя отецъ ходилъ въ короткомъ сюртукѣ нѣмецкаго покроя, а мать имѣла на головѣ свои собственные густые волосы и одѣвалась щеголевато по модѣ.

Мать любила развлечения и общество, а у отца была страсть къ чтенію, и свободное отъ занятій время онъ проводилъ за книгами. Меня, какъ старшую дочь, онъ очень рано началъ самъ учить читать и писать по русски и по нѣмецки, такъ что въ десять лѣтъ я уже бѣгло читала и порядочно писала на этихъ двухъ языкахъ. Именно въ это-то время, когда мнѣ исполнилось десять лѣтъ, съ нашимъ семействомъ произошелъ полный переворотъ: отецъ объявилъ себя несостоятельнымъ; его судили и сослали. Мать переѣхала съ нами въ Кременчугъ.

Черезъ годъ жена одного богатаго банкира выпи-

сала меня и вторую за мной сестру въ Петербургъ и помѣстила въ нѣмецкую школу приходящими. Сестра училась порядочно; я— очень хорошо, но не ради лучшихъ отмѣтокъ, а потому, что была чрезвычайно любознательна. Шелъ уже пятый годъ нашей школьной жизни. Я была въ предпоследнемъ классѣ; сестра—классомъ ниже. Одинъ разъ, частію изъ любознательности, я осталась сидѣть во время урока изъ закона Божія лютеранскаго исповѣданія. Пасторъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ очень выразительнымъ и пріятнымъ лицомъ, со спокойными и ровными движеніями, мягкимъ голосомъ разъяснялъ воспитанницамъ лютеранскаго исповѣданія (какъ я поняла потомъ) нагорную проповѣдь Іисуса: „Счастливы плачущіе, ибо они утѣшатся“, говорилъ онъ, устремивъ взоръ свой вверхъ и съ какою-то блаженною полуулыбкою, какъ-бы изображая собою Того, Кто первый произнесъ эти слова. Чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ больше уносило меня въ область возвышенной поэзіи. Въ тѣ ранніе годы юности я страстно любила изящныя произведенія литературы и зачитывалась стихотвореніями Лермонтова, Гете, Виктора Гюго. Душа моя стремилась въ міръ поэзіи, но я не находила ее нигдѣ: ни въ школѣ, ни дома, ни тѣмъ менѣе въ воспоминаніяхъ дѣтства. Теперь я чувствовала, что духъ мой уносится въ область не нашего земного порядка, а летитъ куда-то высоко, гдѣ такъ свѣтло и хорошо. И я послѣ этого урока легкою походкою бѣжала домой.

—Ай вай, Лія, встрѣтила меня г-жа Зисманъ, у которой мы жили.

Она привыкла къ тому, что въ этотъ день я возвра-

щалась изъ школы раньше и теперь принялась ворчать, что я гдѣ нибудь пропалась. Своимъ прозаическимъ голосомъ и прозаическими словами она быстро сбросила меня на землю. Какъ противна показалась мнѣ окружающая меня среда и обстановка.

Разумѣется, я скрыла и отъ сестры и отъ всего семейства Зисманъ, что слушала урокъ пастора, и какое впечатлѣніе онъ на меня произвелъ. Послѣ этого я еще раза три прослушала лютеранскій законъ Божій. Наконецъ, не задолго до экзаменовъ я опять осталась сидѣть въ классѣ во время урока пастора. Шло повтореніе всего пройденнаго зимою, а пройденное и было Новый Завѣтъ. Воспитанницы послѣдовательно рассказывали жизнь Іисуса. Я крайне заинтересовалась. Дошло дѣло до тайной вечери и предательства Іуды. Я начинала волноваться. Когда Эмма Кёрберъ съ грустью въ голосъ и съ чувствомъ рассказывала, какъ привели Іисуса на судъ и какъ народъ требовалъ, чтобы Онъ былъ распятъ, во мнѣ закипало негодованіе на людей и въ то-же время было стыдно за нихъ. „Распи, распи Его“, кричала толпа: „пусть кровь Его будетъ на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!“ громко говорила Эмма. Въ смущеніи я опустила голову и вдругъ съ ужасомъ закричала: „Кровь, кровь!“ По моему бѣлому фартуку бѣжала алая струйка крови. Въ классѣ произошелъ страшный переполохъ. Ко мнѣ подбѣжала наставница.

— Успокойся, дитя мое, говорила она ласково. Это у тебя носомъ кровь течетъ, а ты и не видишь.

Пасторъ внимательно глядѣлъ на меня. Зажавъ платкомъ носъ и дрожа, какъ въ лихорадкѣ, я ушла изъ класса. Хотя я сама увидала, что кровь по фартуку

текла изъ носа, тѣмъ не менѣе этотъ день имѣлъ рѣшающее дѣйствіе на всю мою жизнь.

Вечеромъ я очень разсѣянно приготовляла уроки и рано ушла спать, но спала плохо.

Я засыпала, но вскорѣ просыпалась и думала; опять забывалась и снова пробуждалась.

Съ этого времени во мнѣ произошла перемѣна. Да, впрочемъ, такъ оно и должно было быть, потому что голова моя сильно работала. По вечерамъ, вмѣсто того, чтобы рассказывать дѣтямъ Зисманъ сказки или ходить съ ними гулять, я читала и размышляла, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше отрывало меня отъ окружавшей среды.

Весною я вполнѣ приготовилась своею душою къ переходу въ лютеранство. Разъ, подкарауливъ въ коридорѣ пастора, я подошла къ нему и задышающимся отъ волненія голосомъ тихо сказала:

— Г. пасторъ, я сильно желаю перейти въ христіанство.

Пасторъ остановился, пристально и ласково посмотрѣлъ на меня и спросилъ:—Конечно, васъ побуждаютъ къ этому не матеріальныя выгоды?

— О, нѣтъ! нѣтъ! г. пасторъ.

— Говорили-ли вы уже со своими родителями объ этомъ?

— Отецъ мой въ Сибири, мать въ Кременчугѣ. Я и сестра живемъ у постороннихъ людей. Я не говорила съ ними; но они не имѣютъ надо мною власти.

— Какъ ваше имя?

— Лія Райнинъ.

— Я попрошу васъ, фрейлейнъ Райнинъ, послѣ экзаменовъ посѣщать меня у меня на дому. Я и моя

жена постарается приготовить васъ къ религіи Лютера и когда я увижу, что вы достаточно подготовлены, то озабочусь приисканіемъ воспріемниковъ.

Я отъ всего сердца поблагодарила его и весело побѣжала къ своей закадычной подругѣ Сонѣ Моргенштернъ. Отъ избытка сердца уста глаголятъ, и я, вбѣжавъ къ ней, обняла ее и прямо неудержимо принялась дѣлиться съ нею всѣмъ, что у меня было на душѣ.

— Лія, Ліичка, весело закричала она, когда я ей все поразказала, какъ ты это хорошо придумала! И я вмѣстѣ съ тобою приму лютеранство. Вѣдь какая намъ тогда откроется широкая дорога въ жизни!

И Соня начала мечтать; но ея мечты вертѣлись главнымъ образомъ вокругъ корыстныхъ цѣлей.

Въ первую-же субботу послѣ экзаменовъ я и Соня отправились къ пастору. Онъ встрѣтилъ насъ очень привѣтливо: проводилъ къ себѣ въ кабинетъ, посадилъ тамъ и началъ прежде всего читать тѣ мѣста изъ пророковъ, въ которыхъ находятся ясныя указанія на пришествіе Мессіи, и затѣмъ изъ Евангелія приводилъ доказательства, какъ эти пророчества исполнились.

Во время одной изъ бесѣдъ пасторъ сказалъ намъ: „Основаніе всего христіанскаго міровоззрѣнія составляетъ вѣрованіе въ загробную жизнь, и хотя это вѣрованіе существовало почти во всѣхъ религіяхъ, но у христіанъ оно превратилось въ полную увѣренность, благодаря ихъ твердой вѣрѣ въ воскресеніе Христа, какъ въ фактъ, совершившійся передъ людьми. Чувствуете-ли вы себя въ состояніи вполне вѣрить въ Христово воскресеніе?“

— Я твердо вѣрю, съ живостью отвѣтила я. Въ Еван-

геліи я читала, что сначала ученики Іисуса хотѣли умереть вмѣстѣ съ Нимъ, когда Онъ имъ говорилъ, что Его предадутъ, а когда дѣйствительно Его взяли подъ стражу и повели, тогда на нихъ напало уныніе, и такъ-бы они и остались въ сторонѣ и потеряли-бы всякую энергію, а между тѣмъ послѣ того, какъ Онъ имъ являлся, ими вдругъ овладѣла отвага и они съ необыкновенною смѣлостью начали проповѣдывать, что Іисусъ былъ именно ожидавшійся Мессія, Который послѣ смерти на крестѣ воскресъ, и они уже черезъ много-много лѣтъ продолжали такъ горячо вѣровать въ божественность Іисуса, что охотно умирали за Него. Еслибы сами они не вѣрили въ божественное происхожденіе Его и въ Его воскресеніе, то не старались-бы распространять Его ученіе, рискуя подвергнуться за это смертной казни, да и подвергаясь даже ей.

Я произнесла все это съ большимъ воодушевленіемъ. Пасторъ удивленно смотрѣлъ на меня, а потомъ сказалъ:

— Фрейлейнъ Райнинъ, предсказываю вамъ, что вы будете хорошею миссіонеркою.

Мнѣ становилось нравственно душно и тяжело въ семействѣ Зисмановъ. Стараясь поступать по заповѣди Христа, уступать и прощать, я держала себя смиренно; но разъ не вытерпѣла, наговорила неслыханныхъ дерзостей самому Зисману и смѣло заявила, что готовлюсь къ переходу въ лютеранство. Къ моему крайнему удивленію никто ничего не возразилъ.

На другой день г-жа Зисманъ объявила мнѣ, что жена банкира, которая платитъ за меня деньги въ школу и ей, велѣла мнѣ придти къ ней.

Я пришла.

— Я слышала, ты готовишься перейти въ лютеранство, сказала она.

— Это вѣрно.

— Такъ ступай, куда знаешь.

Прямо отъ нея я отправилась къ пастору и рассказала ему свое приключеніе. Онъ оставилъ меня у себя и вскорѣ пріискалъ воспріемниковъ: старичка доктора и жену одного профессора. Я перенесла свои вещи отъ Зисмановъ въ квартиру пастора.

Наконецъ наступилъ мой желанный день. Я ощущала внутри себя, что вполне отрѣшилась отъ прежней своей религіи, среды и жизни. Ни малѣйшаго сомнѣнія, ни малѣйшаго сожалѣнія. Одна только чистая, возвышенная радость наполняла мою душу. Минутами духъ мой до того преобладалъ надъ плотью, что я чувствовала себя какъ-бы безтѣлесною.

Сидя въ церкви, я внимательно выслушала проповѣдь на текстъ изъ пророка Исаи, потомъ самое богослуженіе. Большая церковь была переполнена молившимися. По окончаніи литургіи пасторъ объявилъ, что сейчасъ будетъ совершенъ обрядъ крещенія надъ еврейскою дѣвушкою. Почти вся публика осталась сидѣть на мѣстахъ. Я выступила впередъ; сзади меня стали мои воспріемники. Пасторъ обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующею краткою рѣчью:

„Ein verlorenes Schäfchen aus dem Hause Jsrael bittet um Aufnahme in die christliche Gemeinde. Der Messias Israels, der Heiland der Heiden, unser Aller Erlöser zieht das junge Herz an, (я плакала отъ полноты чувства) und wir dürfen es ihr nicht verwehren, da es ihr heiliger Ernst ist unter Seine Obhut zu kommen und Seinen Namen zu bekennen.“

Затѣмъ пасторъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: что понудило меня перейти въ христіанство? Я громко сказала, что всѣмъ сердцемъ своимъ увѣровала, что Іисусъ есть истинный Христосъ, тотъ самый Мессія, котораго евреи продолжаютъ ждать до сихъ поръ. Потомъ твердымъ голосомъ я прочитала символъ вѣры. Пасторъ спросилъ, какими именами я желаю быть нареченною? Я отвѣтила, что хотѣла-бы носить подходящее къ моему прежнему имени имя Лиліи и въ честь моей воспріемницы имя Вильгельмины.

Подали чашу съ водой.

„Крещаю тебя, Лилія-Вильгельмина, во имя Отца, сказалъ пасторъ, поливъ изъ чаши воды на мою голову, во имя Сына и Святаго Духа.“

Поливъ въ третій разъ воду, онъ набросилъ полотенце на мою голову. Я почувствовала себя возродившеюся и полною какихъ-то высокихъ надеждъ. Послѣ этого пасторъ обратился съ нѣсколькими словами къ моимъ воспріемникамъ, поручая имъ заботиться о моей душѣ и о моемъ тѣлѣ. Всѣ меня обнимали, цѣловали, поздравляли. Многія дамы прослезились. Текли и по моимъ щекамъ чистыя, радостныя слезы.

О, чудный день въ моей жизни! Праздникъ моей души! Если забуду тебя, забудь Христосъ меня!

Соню крестили черезъ мѣсяцъ послѣ меня. Жена одного германскаго дипломата, грустившая о потери своей дочери, согласилась быть ея крестною матерью. Сонѣ оставлено было прежнее имя и дано второе Августины. Отецъ не поставилъ ей ни малѣйшихъ препятствій къ крещенію и не сдѣлалъ никакихъ неприятностей.

Меня помѣстили въ одномъ семействѣ при англій-

скомъ посольствѣ для изученія англійскаго языка, а Соня для этого-же приходила сюда ежедневно. Мы учились англійскому языку по желанію нашихъ крестныхъ матерей, которыя непремѣнно хотѣли, чтобы мы были миссіонерками, а для этой дѣятельности мы должны были приготовляться въ лондонскомъ обществѣ діакониссъ.

Ревностно принялись мы за изученіе англійскаго языка, такъ какъ намъ сильно хотѣлось какъ можно скорѣе уѣхать за границу. Черезъ годъ мы уже вполнѣ хорошо читали, писали и переводили по англійски, но говорили еще съ ошибками и не бѣгло.

Тѣмъ не менѣ осенью наши крестныя матери благословили насъ въ дорогу; выдали намъ паспортъ-книжку, въ которой мы были записаны вмѣстѣ, и поручили насъ попеченію одной пожилой англичанки, которая на томъ-же пароходѣ возвращалась въ свое отечество.

Этотъ переѣздъ по морю былъ совсѣмъ непріятенъ: погода стояла пасмурная, все время моросилъ осенній дождь. Соня сильно страдала отъ морской болѣзни. У меня невыносимо разболѣлись зубы.

Въ Лондонѣ насъ привезли въ огромный домъ и ввели въ просторную и чистую комнату въ верхнемъ этажѣ. Мы пріѣхали туда вечеромъ и потому, съѣвъ по куску поданной намъ говядины, легли спать, но долго перекликались.

— Лиличка! вѣдь мы ужъ въ Лондонѣ, говорила Соня.

— И будемъ діакониссами, миссіонерками, отвѣчала я.

— Лиличка! Какъ хорошо!

— Хорошо! Соня!

Какъ всѣ поступающія въ діакониссы молодыя дѣвушки, и мы съ Соней провели полгода на кухнѣ, полгода въ прачечной, полгода убирали комнаты (насъ учили даже мести полъ). Англійскимъ языкомъ мы овладѣли замѣчательно быстро.

Сестры, и младшія, и старшія обходились съ нами очень ласково.

Соню любили за ея грацію и миловидность; меня— за мою постоянную веселость и живость. Во всемъ учрежденіи меня называли не иначе, какъ маленькая Лилли. Я чувствовала себя чрезвычайно хорошо и весело, находясь постоянно въ занятіяхъ, и притомъ въ занятіяхъ разнообразныхъ и полезныхъ.

На концертахъ, дававшихся иногда въ домѣ діакониссъ, мы съ Соней пѣли дуэты изъ произведеній духовныхъ композиторовъ. Вообще на этихъ концертахъ исполняются большею частію ораторіи. Любила я также играть на органѣ или управлять пѣніемъ на митингахъ рабочихъ. Много было труда, но много и нравственныхъ наслажденій.

Съ особеннымъ рвеніемъ принимала я участіе въ „еврейской миссіи“. По извѣстнымъ днямъ въ одну изъ залъ „главнаго дома“ собираются евреи, и діакониссы въ присутствіи извѣстныхъ проповѣдниковъ ведутъ съ ними бесѣды, причемъ текстами изъ священнаго писанія стараются доказать, какъ пророчества въ Ветхомъ Завѣтѣ осуществились въ Новомъ. Миссія эта отчасти удачная.

Первые три года старшія діакониссы, имѣющія свои помѣстья, брали меня на каникулы къ себѣ въ замки. Тамъ я проводила время очень пріятно: купалась въ

морѣ, участвовала съ лицами изъ высшаго общества въ пикникахъ. На домашнихъ концертахъ пѣла русскіе романсы и аріи изъ русскихъ оперъ. Русская музыка нравится англичанамъ, и я имѣла успѣхъ. Иногда меня просили пѣть пѣсни, которыя поетъ русскій народъ. Я знала нѣсколько такихъ пѣсенъ и исполняла ихъ. Эти пѣсни почему-то очень интересовали многихъ.

Соню брали на лѣто въ другія мѣста. Разъ она даже сопровождала одну лэди въ Швейцарію.

Послѣ третьихъ каникулъ я назначена была вмѣстѣ съ другими младшими сестрами въ больницу, чтобы обучаться тамъ уходу за больными. Въ той палатѣ, къ которой я приставлена была съ сестрою Бетси Смитъ, докторомъ состоялъ квакеръ мистеръ Холль.

Хотя ему еще не было тридцати лѣтъ, онъ былъ не только серьезенъ, но даже суровъ, и, читая намъ лекцію, не позволялъ слушательницамъ ни оглянуться, ни перекинуться словомъ; разсѣянности не терпѣлъ и вообще былъ къ намъ очень строгъ и взыскателенъ.

Но я при своемъ подвижномъ и веселомъ характерѣ не могла подчиняться такимъ строгимъ требованіямъ, и во время его лекцій не только вертѣлась, чертила карандашемъ по бумагѣ, но безпрестанно перешептывалась съ сосѣдками и задавала ему смѣшные вопросы. А онъ съ удивительною снисходительностью переносилъ всѣ мои проказы, дѣлая видъ, что ихъ не замѣчаетъ. Разъ я не удержалась и покатила со смѣху. Мистеръ Холль прервалъ свои объясненія; уткнулся въ книгу и великодушно переждалъ, когда я перестану смѣяться.

Сестры-діакониссы, конечно, замѣтили такую снисходительность ко мнѣ со стороны мистера Холля и шутили, что онъ въ меня влюбился. Я никакъ не могла себѣ представить, чтобы такой строгій квакеръ, съ такимъ большимъ носомъ и съ такими длинными зубами, могъ влюбиться, и потому хохотала пуще прежняго.

Разъ я дежурила ночью, а дежурнымъ ночнымъ врачомъ случился мистеръ Холль. Я поджарила назначенные намъ два куска говядины и заварила чай. Съѣвши съ апшетитомъ свою говядину и отпивая по глотку чай, мистеръ Холль началъ спрашивать меня про Россію, про моихъ родныхъ. Потомъ сталъ рассказывать о своемъ семействѣ: „У него еще пять братьевъ моложе его. Онъ глубоко уважаетъ своихъ родителей, пламеннымъ желаніемъ которыхъ при рожденіи его было, чтобы онъ избралъ поприще миссіонера-врача. Онъ послѣдній уже годъ занимается въ больницѣ, а потомъ поѣдетъ въ Индію. Родители его желаютъ, чтобы въ миссію онъ отправился женатымъ. Онъ увѣренъ, что лучшею подругою въ такой дѣятельности можетъ быть только діаконисса. Хотя онъ и самъ сознаетъ, что у него нѣсколько мрачный характеръ, но ему пріятно видѣть въ спутницѣ своей жизни нравъ живой и веселый.“ При этомъ онъ многозначительно смотрѣлъ на меня. Я сосредоточенно глядѣла въ стаканъ, стараясь изъ всѣхъ силъ не разсмѣяться.

— Мнѣ очень нравится ваша дѣтская рѣзвость, продолжалъ онъ съ разстановкою и понизивъ голосъ. Мнѣ нравятся ваши черныя кудри, ваши смѣющіеся глаза...

Я вдругъ фыркнула въ носовой платокъ и поперхнулась. Рѣшительныхъ словъ мистеру Холлю не уда-

лось сказать на этотъ разъ, потому что его позвали въ палату къ больной.

Меня вскорѣ послѣ этого перевели въ аптечное отдѣленіе и встрѣчаться съ моимъ поклонникомъ мнѣ приходилось не часто, хотя на короткое время онъ заглядывалъ въ аптеку. Разъ мнѣ поручили приготовить въ большой бутылѣ чуть не съ меня ростомъ, травникъ изъ рѣдкихъ индійскихъ растений. Я сдѣлала по рецепту все какъ слѣдовало и, взявъ бутылъ, хотѣла перенести ее на лежанку, но нечаянно бокомъ ея ударила въ изразцы лежанки и травникъ мой разлился по полу. Какъ на грѣхъ въ эту минуту въ аптечное отдѣленіе вошелъ м-ръ Холль.

— Что это вы сдѣлали, миссъ Райнинъ? замѣтилъ онъ повидимому строго. Вѣдь это лекарство стоитъ пять фунтовъ стерлинговъ, и вы должны будете приготовить его на свой счетъ.

Я оторопѣла, потому что изъ всѣхъ діакониссъ была самая бѣдная. Я прибѣжала къ сестрѣ Бетси и рассказала ей про свою бѣду.

— Милая Лилли, сказала она, избавиться отъ этой траты денегъ вы можете только, уѣхавъ отсюда. Попросите миссъ Ковентри, чтобы васъ перевели въ главный домъ.

Я тутъ-же написала письмо директриссѣ, убѣдительно прося ее взять меня изъ больницы, такъ какъ я чувствую себя вполне подготовленною къ занятіямъ въ главномъ домѣ. Согласіе скоро было получено и я весело побѣжала прощаться съ больными и съ сестрами въ верхній этажъ. Возвращаясь оттуда, на средней площадкѣ я столкнулась съ мистеромъ Холлемъ.

— Миссъ Райнинъ, сказалъ онъ, я сейчасъ слышалъ,

что вы уѣзжаете въ главный домъ.

— Да, уѣзжаю.

— Миссъ Райнинъ, быть можетъ, вы испугались, что разбили бутылъ и пролили лекарство. Въдъ я тогда пошутилъ съ вами. Убѣдительно прошу васъ остаться пока здѣсь, говорилъ онъ съ мольбою въ голосъ.

— Это невозможно, мистеръ Холль: я безпокоила своею просьбою уважаемую миссъ Ковентри и снова утруждать ее взятіемъ назадъ своей просьбы, — нельзя. Она обо мнѣ плохо подумаетъ.

— Миссъ Райнинъ! какъ-то взвылъ онъ, уставивъ на меня свои стеклянные глаза и крѣпко сжимая мою руку въ своей холодной и влажной рукѣ.

Я вдругъ расхохоталась. Онъ бросилъ мою руку такъ, что она ударилась объ стѣну, и безъ оглядки побѣжалъ внизъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего перехода въ главный домъ. Одинъ разъ сестра-директрисса созвала всѣхъ діакониссъ въ залу и обратилась къ намъ съ такою рѣчью:

— Милыя мои сестры во Христѣ! Я призвала васъ, чтобы подѣлиться съ вами радостною вѣстью: наша добрая сестра Бетси Смитъ вступила въ благословенный Богомъ бракъ съ почтеннымъ и уважаемымъ врачомъ-миссіонеромъ мистеромъ Джекомъ Холлемъ. Молодые супруги горячо желаютъ посвятить свою совмѣстную дѣятельность распространенію слова Божія между нехристіанами и въ скоромъ времени отправляются для этой цѣли въ Индію. Помолитесь-же, чтобы Господь ниспослалъ имъ силы и твердость въ предпріятомъ ими святомъ служеніи и благословилъ бы ихъ законный союзъ.

Всѣ сестры опустились на колѣни и начали тихо молиться. Я была изумлена: эта Бетси Смитъ, съ рыжими волосами и болотными глазами, смѣявшаяся вмѣстѣ со мною надъ мистеромъ Холлемъ, сдѣлалась теперь его женою.

Весь день, среди всѣхъ занятій я не переставала думать объ этомъ извѣстїи; вполне поняла, какъ интриговала противъ меня Бетси Смитъ, и въ то-же время м-ръ Холль и законный бракъ съ нимъ, послѣ рѣчи миссъ Ковентри, показались мнѣ совсѣмъ въ иномъ и уже далеко не смѣшномъ видѣ.

Этотъ случай произвелъ на меня не малое впечатлѣніе. Я не только почувствовала себя уже не ребенкомъ, а поняла, что я двадцатилѣтняя женщина и могла-бы самостоятельно дѣйствовать на томъ поприщѣ, къ которому готовилась уже нѣсколько лѣтъ. Кромѣ того, могла-бы служить святому дѣлу вмѣстѣ съ другимъ, законнымъ мужемъ. Только не мистера Джека Холля рисовало мое воображеніе.

Къ такимъ соображеніямъ и размышленіямъ присоединилась еще какая-то безотчетная тоска, причину которой я никакъ не могла понять сама собою и только одинъ случай разъяснилъ мнѣ ее.

Окончилась трехдневная іюньская конференція. Общество діакониссъ дало обычный праздникъ для рабочихъ и бѣдныхъ дѣтей. Сестры разъѣхались по домамъ. Вслѣдствіе одного обстоятельства, о которомъ расскажу ниже, я отказалась отъ предложенія гостить у замковладѣлицъ и осталась на лѣто въ главномъ домѣ.

Въ одинъ теплый іюльскій вечеръ я сидѣла на окнѣ третьяго этажа, выходящаго на улицу, и сильно

задумалась въ своей неопредѣленной тоскѣ. Кругомъ было тихо, какъ будто всѣ и все вымерло. Возлѣ другаго окна сидѣла молча одна изъ оставшихся тутъ тоже сестеръ и вязала чулокъ. Вдругъ на улицѣ раздались шаги. Я посмотрѣла внизъ и увидала двухъ проходившихъ мужчинъ.

—Вскорѣ послѣ моего прїѣзда сюда, громко заговорилъ одинъ изъ нихъ по русски.

—Остановитесь! постоитъ! крикнула я имъ и такъ перевѣсилась въ окно, что сестра-діаконисса едва удержала меня отъ паденія на улицу.

Я рыдала и хваталась то за грудь, то за голову. Сестра-діаконисса держала меня и недоумѣвала, что со мною происходитъ, а я въ эту минуту поняла причину своей неотвязной тоски. Я поняла, что невыносимо скучаю о той самой Россіи, изъ которой ѣхала съ такою радостью. Наконецъ я вырвалась изъ ея рукъ и стремглавъ сбѣжала на улицу, но она опять уже была безлюдна.

Этотъ 1880 годъ былъ для меня тяжель и фаталень. Вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ,—не знаю, пакетъ со 100 рублями, присылавшимися ежегодно моею крестною матерью на одежду мнѣ, въ этомъ году гдѣ-то затерялся на почтѣ; словомъ, я его не получила. Поэтому я не могла сдѣлать себѣ новаго ватерпруфа, пары новыхъ башмаковъ, платья и другихъ вещей. Съ плохимъ-же и поношеннымъ туалетомъ мнѣ неловко было ѣхать на лѣто въ замки лэди-діакониссъ, гдѣ часто собирается избранное общество, и я должна была остаться въ Лондонѣ.

Къ довершенію моей уже выяснившей мнѣ тоски о Россіи я получила во время каникулъ отъ своей сес-

тры письмо, въ которое вложено было письмо отъ отца. Сестра писала, что мать обучилась акушерскому ремеслу, живетъ въ Москвѣ въ достаткѣ и весело, имѣя большую практику въ еврейской средѣ. Отецъ же писалъ, что онъ живетъ въ Сибири плохо и сильно скучаетъ отъ одиночества, а между тѣмъ у него есть шестеро его кровныхъ дѣтей.

Я всегда отца любила больше матери; кромѣ того, когда я стала размышлять, то заподозрила, что мать натолкнула отца на тотъ поступокъ, который онъ искупаетъ въ Сибири. Со времени полученія этого письма тоска моя удвоилась. Когда 2 сентября сестры-діакониссы возвратились въ Лондонъ, онѣ удивились происшедшей во мнѣ переменѣ: я очень похудѣла и уже не слышно было моего беззаботнаго звонкаго смѣха.

Старшая діаконисса, при которой я состояла послушницей, обратилась ко мнѣ съ распросами о происшедшей во мнѣ переменѣ. Я привыкла быть съ ней искреннею и откровенно призналась, что грущу о Россіи и объ отцѣ своемъ.

— Милая моя Лилли, сказала она, наше общество сестеръ-діакониссъ, членомъ котораго и вы имѣете счастье состоять, поставило своею цѣлью въ жизни спасеніе души и приготовленію себя ко второму пришествію Спасителя, чтобы Онъ засталъ насъ бодрствующими и не сказалъ-бы намъ, какъ женихъ неразумнымъ дѣвамъ „не знаю васъ.“ Ради этой высокой спасительной цѣли мы отдаемъ всѣ свои умственные, душевные и тѣлесныя силы на служеніе Богу и угодныя Ему дѣла. Вѣрьте-же мнѣ, моя младшая сестра, что только здѣсь вы обрѣтете спасеніе своей души.

Ахъ, зачѣмъ говорила мнѣ такъ моя старшая сестра, моя наставница! Вѣдь я привыкла слѣпо вѣрить каждому ея слову, безъ разсужденія повиноваться каждому ея приказанію и видѣла въ ней свою духовную мать. А теперь... сомнѣніе закралось въ мою душу. Внутренно я даже осмѣлилась осудить рѣчь ея, найти ея взглядъ узкимъ, фанатичнымъ, несогласующимся съ широкимъ христіанскимъ воззрѣніемъ на милосердіе Божіе. Развѣ не то же самое ясное солнце, какъ око Всевышняго, свѣтитъ и грѣетъ какъ въ Англіи, такъ и въ Россіи и даже въ Сибири?

Зачѣмъ, зачѣмъ говорила мнѣ такъ моя старшая сестра! Хотя я и не вполне повѣрила ей, но все таки она успѣла влить горькую каплю безнадежности въ мою душу.

Чтобы забыться отъ неотвязчивыхъ думъ, я ударила въ самую лихорадочную дѣятельность, не давая себѣ ни отдыха, ни передышки. Если діакониссамъ давали узнать, что въ такомъ-то домѣ безпомощно лежить цѣлое семейство въ тифѣ, я безбоязненно шла туда и оказывала больнымъ посильную помощь. Если въ одной изъ трущобъ рабочаго квартала, куда порядочной женщинѣ одной страшно попасть, оказывались раненые и увѣчные отъ драки въ пьяномъ видѣ рабочіе или озлобленные лондонскіе пролетаріи, то идти туда обмывать и перевязывать ихъ раны вызывалась только одна я, маленькая Лилли, надѣявшаяся на защиту своего костюма діакониссы и лишь въ крайнемъ случаѣ на полисмена.

Очень часто, да даже большею частію пожертвованія присылаются въ домъ діакониссъ не деньгами, а вещами. Случается, что у какого-либо фабриканта,

магазиновладѣльца или лавочника заболѣеть, а потомъ выздоровѣть ребенокъ, то онъ въ благодарность Богу за исцѣленіе жертвуетъ на бѣдныхъ нѣкоторое количество своего товара и присылаетъ въ контору діакониссъ билеты. Эти билеты сестры-діакониссы раздаютъ бѣднымъ, которые, предъявивъ ихъ жертвователю, получаютъ отъ него нужныя себѣ вещи: бѣлье, обувь, пальто, кровать и другіе предметы.

Лондонская зима собрала всѣ свои дары: сырой туманъ, слякоть и пронизывающій вѣтеръ. Я шла въ отдаленную часть города навѣстить семейство, находившееся въ крайней нуждѣ, и несла билеты на полученіе изъ магазина новой обуви, а на мнѣ самой были худые башмаки безъ калошъ.

Денегъ у меня уже давно не было ни пенса. Я просила у Сони займы, но она сказала, что ей самой деньги очень нужны и накупила себѣ разныхъ фигурныхъ шпилекъ въ косу.

Моя наставница была очень богатая лэди; ей и въ голову не могло придти, что у ея послушницы нѣтъ даже крѣпкой обуви. Мнѣ же такъ не хотѣлось оказаться *misérable* среди другихъ сестеръ-діакониссъ, что я изо всѣхъ силъ старалась скрывать свою бѣдность.

Я навѣстила нуждающееся семейство; сказала матери и дѣтямъ нѣсколько утѣшительныхъ словъ и дала имъ билеты на полученіе изъ магазина башмаковъ. На возвратномъ пути я еще пуще промочила ноги и пришла домой въ лихорадочномъ состояніи. Къ вечеру я до того заболѣла, что не могла выдти въ общую столовую къ чаю и легла въ постель. Мнѣ казалось, что голову мою заковали въ тяжелый мѣдный шлемъ. Что было дальше я не помню. Соня рассказывала мнѣ

потомъ, что глаза у меня сдѣлались какъ у безумной, что я съ упрекомъ взглянула на собравшихся вокругъ меня сестеръ и сказала имъ: „Вы только лѣди, а не христіанки“, и этимъ ихъ сильно удивила; затѣмъ начала метаться и повторять, что вокругъ меня огонь; что я вижу огненныхъ людей.

Наблюдать за мною назначили самую старую діакониссу шотландку. Она не обратила никакого вниманія на состояніе моего тѣла, а старалась дѣйствовать только на мой духъ. И когда я металась и бредила объ огненныхъ людяхъ, она говорила мнѣ, что мною овладѣваетъ діаволъ, что я вижу его и его слугителей; что скоро онъ весь войдетъ въ меня и исполнѣ меня охватить. Она говорила это такъ страшно, что я уже начинала вскакивать и кричать, чтобы меня избавили отъ діавола, что онъ меня хватаетъ и жжетъ въ огнѣ мою голову.

Такое ужасное состояніе продолжалось со мною до самой весны. Сонъ казался, что я безвозвратно сошла съ ума.

Весною одна изъ старшихъ діакониссъ, графиня С. изъ Голландіи, уѣзжая въ свое помѣстье, предложила увезти меня съ собою, такъ какъ въ миляхъ отъ Гарлема живетъ одинъ извѣстный въ окрестностяхъ господинъ, который вылечиваетъ душевно-больныхъ травами и молитвами.

Когда меня стали собирать въ дорогу, тутъ-то обнаружилась вся моя бѣдность. Директриса выдала мнѣ заимообразно изъ жертвованныхъ на благотворительность суммъ сорокъ фунтовъ стерлинговъ, и меня увезли въ Голландію.

Семейство, въ которое я теперь попала, состояло изъ самого г. В., его жены и двухъ дочерей. Г. В. человѣкъ пятидесяти лѣтъ, полный, здоровый и очень почтенной наружности. Жена его сорока лѣтъ, не-большая ростомъ, тоже полная, здоровая и добродушнѣйшая женщина, а дочери, шестнадцатилѣтняя Сузя и семнадцатилѣтняя Янци, были крѣпкія, рослая деревенскія дѣвушки, исправлявшія проворно всѣ домашнія обязанности и вѣчно веселыя и смѣющіяся.

Во время припадковъ, когда мнѣ казалось, что дьяволъ и его служители хватаютъ меня и жгутъ мою голову, г. В. садился возлѣ меня и что-то вполголоса читалъ надо мною; но это отчитываніе нисколько не облегчало меня. Жена его отнеслась ко мнѣ внимательно и поняла вѣрно настоящую причину моей болѣзни. Она принялась лѣчить меня домашними средствами и быстро сняла мѣдный шлемъ съ моей головы.

Сузя и Янци не давали мнѣ ни на минуту задумываться: постоянно шутили, остряли, хохотали, цѣлый день не выпускали изо рта фрукты и меня пріучили къ тому-же. Все семейство говорило по-нѣмецки, такъ какъ сама г-жа В. по происхожденію нѣмка, и я чувствовала себя у нихъ какъ у своихъ. Ежедневно молодыя дѣвушки и я предпринимали дальнія прогулки по душистымъ садамъ, наполненнымъ такими чудными цвѣтами, какихъ я въ жизни своей не видывала.

Иногда, вставши рано, мы втроемъ отправлялись пѣшкомъ въ Гарлемъ на богослуженіе въ тамошнемъ соборѣ и дорогою то играли въ перегонки, то кидали другъ въ друга цвѣты и фрукты, которые брали съ собой въ корзинкѣ, и безъ умолку болтали и хохотали.

Я совершенно выздоровѣла и душою и тѣломъ. На

щекахъ началъ даже появляться никогда не показывавшійся прежде румянецъ. Вмѣстѣ съ возвращеніемъ ко мнѣ здоровья я почувствовала неудержимую страстную потребность любить; но почему-то была увѣрена, что ни въ Англіи, ни въ Голландіи, а только въ Россіи сердце мое услышитъ себѣ откликъ.

Осенью, вмѣсто того, чтобы возвращаться въ лондонскій Deaconess-House, я написала туда письмо, прося отпустить меня въ Россію. Очень скоро мною получень былъ сухой и короткій отвѣтъ, которымъ меня увѣдомляли, что я могу свободно жить вездѣ, гдѣ нѣтъ отдѣленій общества діакониссъ. Я быстро собралась и уѣхала въ Россію. На границѣ я предъявила паспортъ-книжку, въ которой мы съ Соней были записаны вмѣстѣ, и тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, еще изъ дамской комнаты вокзала, послала ей обратно въ Лондонъ эту книжку. Въ Петербургѣ я прежде всего отправилась къ своей крестной матери. Она вышла ко мнѣ холодная и суровая.

— Что вамъ отъ меня нужно? спросила она.

— Liebes Mütterchen, обратилась я къ ней, какъ къ матери. Я не могла тамъ больше оставаться и теперь не знаю, какъ мнѣ здѣсь быть.

— Мнѣ подробно писали о васъ, сказала она. Вы нисколько не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя я на васъ возлагала. Взятая вами въ обществѣ діакониссъ заимообразно деньги я туда вчера уже выслала; но болѣе на меня не рассчитывайте и забудьте дорогу къ моему дому.

У меня мелькнуло было въ головѣ обратиться къ пастору, но послѣ такого пріема у крестной матери я

не дерзнула къ нему ѣхать и рѣшилась отправиться въ Москву, гдѣ живутъ мать и братья.

Послѣ продолжительныхъ розысковъ по Москвѣ я наконецъ узнала адресъ матери и пріѣхала къ ней, не ожидая впрочемъ для себя ничего хорошаго.

Ни съ ея, ни съ моею стороны при нашей встрѣчѣ не было обнаружено никакой радости. Но все таки она не дала мнѣ камня вмѣсто хлѣба и змѣи вмѣсто рыбы, а послала въ еврейскую кухмистерскую за порціею обѣда; накормила меня, рассказала, гдѣ живутъ братья и чѣмъ они занимаются, а къ вечеру заявила, что оставить меня у себя ночевать не можетъ, такъ какъ паспорта у меня нѣтъ, и она не знаетъ, чѣмъ я занималась въ Лондонѣ. Быть можетъ, я тамъ была въ какомъ нибудь тайномъ и вредномъ обществѣ.

Я оставила пока свои вещи у матери, и идя къ братьямъ подъ осеннимъ дождемъ, старалась утѣшать себя сладкими словами Іисуса: „Счастливы вы, если васъ выгонятъ, скажутъ про васъ всякое злое слово и нагнутъ на васъ изъ — за моего имени. Радуйтесь и веселитесь, потому что въ небѣ получите за это большую награду.“

Братья жили не далеко отъ матери въ меблированныхъ комнатахъ, занимая маленькій номеръ. Лазарь работалъ въ аптекѣ, а Давидъ служитъ и теперь прикащикомъ въ одномъ магазинѣ. Они очень мнѣ обрадовались. Потребовали самоваръ и наперерывъ спрашивали о Лондонѣ, объ англійскихъ нравахъ, о положеніи евреевъ въ Англіи и т. д. Я отдохнула у нихъ душою. Они охотно согласились оставить меня у себя до пріисканія мною занятій.

Я гостила у братьевъ уже третью недѣлю, и мы постоянно имѣли оживленные разговоры о заграничной жизни. Разъ, поздно вечеромъ братья разсматривали фотографическія карточки сестеръ-діакониссъ и лондонскіе виды, а я разложила на столѣ свой бюварчикъ и усердно строчила на англійскомъ языкѣ письмо къ Сонѣ. Вдругъ дверь отворилась и въ номеръ вошли трое полицейскихъ чиновниковъ. Я встала и по привычкѣ сдѣлала глубокій реверансъ, какъ требовалось отъ младшихъ діакониссъ передъ лицами старшими и почтенными.

Братья оробѣли и поспѣшили показать имъ свои свидѣтельства на жительство. Отстаивать меня они не рѣшились, хотя сознались, что я ихъ сестра. На распросы полицейскихъ я старалась разъяснить имъ, что я нѣсколько лѣтъ жила въ Лондонѣ въ Deaconess-House; была тамъ младшею сестрою или послушницею и т. д. Но, должно быть, я не сумѣла ихъ убѣдить, или просто по причинѣ неимѣнія мною письменнаго свидѣтельства, меня вмѣстѣ съ моимъ бюварчикомъ и находившимися въ немъ письмами отправили куда-то въ сопровожденіи одного низшаго полисмена, или, какъ я теперь уже знаю, просто городского.

Мы вошли по тускло освѣщенной лѣстницѣ въ комнату, въ которую вслѣдъ за нами ввели какихъ-то людей съ такими лицами, какія я встрѣчала въ лондонскомъ рабочемъ кварталѣ. Тогда меня перевели въ другую комнату почище и указали на клеенчатый диванъ. Я сѣла, плохо понимая, гдѣ я и зачѣмъ? Черезъ эту комнату безпрестанно проходили полицейскіе офицеры и служители. Я замѣтила, что у одного изъ нихъ лицо подобрѣе, нежели у другихъ и рѣшилась спросить его, гдѣ я нахожусь?

— Въ полицейскомъ участкѣ-съ, отвѣтилъ онъ съ какою-то неопредѣленною улыбкою.

Я сидѣла на диванѣ, почти боясь шевелиться. Мысли въ головѣ путались, а воображеніе, какъ будто въ насмѣшку надъ моимъ печальнымъ положеніемъ, припоминало лучшія и свѣтлыя картины изъ моей жизни: то всплыветъ радостный день моего крещенія; то я раздаю съ улыбкою букеты цвѣточной миссии и прошу прочесть бумажку, въ которую они обернуты; или я передъ многочисленною публикою на эстрадѣ большой залы пою съ Соней дуэтъ; то вдругъ передъ моими духовными очами встанетъ во весь ростъ м-ръ Холль, умоляющій меня остаться въ больницѣ. Да, еслибы тогда я не струсилась и не спросила совѣта Бетси, теперь я была-бы уважаемая кругомъ миссисъ Джекъ Холль, окруженная вниманіемъ почтеннаго мужа и всѣхъ знакомыхъ. А вотъ сейчасъ я сижу въ полицейскомъ участкѣ.

Но какъ я ни страдала, а дремота одолѣла. Я протянулась на диванѣ, заснула и увидала совсѣмъ не спутанный сонъ. Мнѣ грезилось, будто лордъ Редстокъ ведетъ на высокую гору многочисленную толпу народа. Въ этой толпѣ иду и я. Всѣ нарядные; только я одѣта почти по нищенски. Мы уже подвигаемся къ самой вершинѣ горы и видимъ ея площадку. Вдругъ лордъ Редстокъ обращается къ идущей за нимъ толпѣ и говоритъ: „Лица еврейскаго происхожденія взойти на вершину не могутъ.“ Я оборотилась назадъ; хотѣла сбѣжать съ горы, но ноги мои подкосились; я покатилась и упала. Очнувшись, я увидала, что дѣйствительно скатилась съ клеенчатаго дивана и лежу на полу.

На утро я написала на англійскомъ языкѣ къ гене-

раль-губернатору письмо, въ которомъ разсказала, что я пріѣхала изъ Англіи; не успѣла выправить себѣ паспортъ; за это задержана и прошу приказать меня освободить. Черезъ нѣсколько часовъ пріѣхалъ отъ него чиновникъ и спросилъ, почему письмо къ генераль-губернатору я написала по англійски?

Я отвѣтила, что теперь этимъ языкомъ я владѣю свободнѣе, нежели русскимъ; разсказала, гдѣ я жила и въ доказательство показала бывшія въ бюварѣ записки, которыя подтверждали, что я изъ Лондона, изъ общества діакониссъ.

Меня выпустили изъ полицейскаго участка и дали временный видъ на жительство. Послѣ этого я приписалась къ мѣщанскому сословію города Клина.

Прошло съ того времени семнадцать лѣтъ. Я тружусь на поприщѣ домашней учительницы; но, оставляя мѣсто, съ трудомъ нахожу другое. Удачница Соня возвратилась въ Россію черезъ годъ послѣ меня, и безъ всякихъ непріятностей. Отецъ крайне еѣ обрадовался и она живетъ теперь въ Вильнѣ, любимая жена адвоката и счастливая мать двухъ малютокъ. А я съ разбитою душею, съ распатаннымъ здоровьемъ, плыву одна по жизненной рѣкѣ, лишенная возможности отдохнуть на томъ или другомъ берегу; отъ одного отстала; къ другому не пристала: съ обоихъ меня сталкиваютъ, а силы мои слабѣютъ.

Разсудокъ и разумъ.

(Разсказъ.)

Въ половинѣ пятаго Алексѣй Ивановичъ Лицедарскій возвратился домой по окончаніи служебныхъ обязанностей. Въ столовой уже накрытъ былъ столъ на два прибора: для него и для его двоюродной сестры, завѣдовавшей его хозяйствомъ. Снявъ шубу, онъ прошелъ на минуту въ кабинетъ положить нужныя бумаги; тамъ на письменномъ столѣ онъ нашелъ письмо, присланное по почтѣ. Много лѣтъ ужъ онъ получалъ письма только или отъ просителей или приглашенія на торжественныя обѣды и разныя засѣданія различныхъ обществъ. Красивый мелкій почеркъ на конвертѣ остановилъ его вниманіе и онъ тутъ же распечаталъ письмо. Это была коротенькая безымянная записка такого содержанія: „Я думаю, Алексѣй Ивановичъ, что, при исполненіи своихъ должностныхъ обязанностей въ судѣ, вы такъ свыклись встрѣчаться ежедневно съ человѣческими слабостями, что стали наконецъ къ нимъ снисходительны; затѣмъ я предполагаю, (почему? сама еще не знаю), врожденное у васъ большое великодушіе, и по-этому я рѣшилась написать къ вамъ эту записку, въ

которой хочу васъ просить исполнить одно мое желаніе, а именно: желаніе видѣть васъ и побесѣдовать съ вами. Мнѣ *нужно* съ вами познакомиться; но къ вамъ я не поѣду; къ себѣ васъ пригласить не могу, поэтому я попрошу васъ завтра вечеромъ быть въ маскарадѣ въ Дворянскомъ собраніи. Вѣроятно вамъ непріятно, что я назначаю мѣстомъ свиданія маскарадъ; мнѣ самой это не нравится, но иначе нельзя: мы, женщины, только подъ маской можемъ говорить смѣло. Если вы дѣйствительно свободны и одиноки въ жизни, то исполните мою просьбу“.

Лицедарскій удивился, прочитавъ до конца записку. Онъ выѣзжалъ очень много; можно сказать, ни одного вечера не сидѣлъ дома, но въ маскарадъ не ѣздилъ; онъ слишкомъ почтенное и уважаемое въ Москвѣ лицо. „Что это? искательница приключеній или нѣтъ?“ спрашивалъ онъ самъ себя, и первое его рѣшеніе по прочтеніи записки было, конечно, не ѣхать въ маскарадъ.

Въ этотъ же вечеръ при выходѣ изъ Малаго театра Лицедарскій услышалъ возлѣ себя: „Увидимся завтра, Алексѣй Ивановичъ“? Лицедарскій обернулся, но толпа была такъ велика, что невозможно было узнать къѣмъ были сказаны эти слова. Дорогой и пріѣхавши домой Лицедарскій разсуждалъ: „Почеркъ прекрасный; написано правильно; голосъ пріятный и слова произнесены были не шутливымъ тономъ“.

До слѣдующей полночи онъ не рѣшался ѣхать, не желая сдѣлаться предметомъ шутки; но въ дѣйствительности онъ былъ такъ одинокъ, такъ не балованъ женщинами, что послѣднее его рѣшеніе было отправиться въ маскарадъ. ,

Бальная музыка гремѣла наверху, когда Лицедар-

скій подымался по лѣстницѣ. На площадкѣ передъ зеркаломъ оглядывалъ себя молодой франтъ. Нашъ герой случайно взглянулъ въ трюмо и, увидавъ свою солидную и некрасивую фигуру рядомъ съ этимъ молодцомъ, почувствовалъ себя неловко. Передъ входными въ залу дверьми нѣсколько мужчинъ озабоченно натягивали себѣ на руки перчатки. Это были часы женскаго права.

Только что Лицедарскій сдѣлалъ одинъ шагъ въ залу, какъ по бокамъ его оказались двѣ одинаковаго средняго роста и почти одинаковаго сложенія маски, въ довершеніе, одѣтыя совершенно одинаково. Маски взяли его подъ руки и Алексѣю Ивановичу сдѣлалось еще болѣе неловко.

— Вотъ мерсі, М-г. Лицедарскій, что пріѣхали, сказала звонкимъ, веселымъ голосомъ маска съ лѣвой стороны.

Лицедарскій почувствовалъ себя пошлымъ, тѣмъ болѣе, что въ эту минуту возлѣ нихъ молоденькая маска трунила надъ осьмидесятилѣтнимъ ловеласомъ Вермонъ, который серьезнѣйшимъ образомъ увѣрялъ ее, что она не раскается, если поѣдетъ съ нимъ ужинать.

Наша тройка дошла до гостинной; тутъ лѣвая маска высвободила свою руку изъ руки Лицедарскаго и, сказавъ „bonne chance“, скорой походкой пошла въ залу. Первая маска молча довела своего кавалера до самаго уютнаго уголка и сѣла, указавъ ему мѣсто рядомъ съ собою на диванчикѣ. Прошла минута молчанія.

— А я скажу вамъ, начала маска тихимъ и мягкимъ голосомъ, слегка шепелява: спасибо, Алексѣй Ивановичъ, что вы исполнили мое желаніе.

Лицедарскій вдругъ почувствовалъ себя легче, а къ своей собесѣдницѣ болѣе довѣрія.

— Вы писали, что вамъ *нужно* со мною познакомиться, сказалъ онъ.

— Да, нужно.

— Зачѣмъ-же? Для какой цѣли?

Маска молчала; только рука у нея слегка дрожала.

— Я вамъ отвѣчу прямо и искренно, только не сію минуту, а сначала спрошу васъ: „если вы рѣшились пріѣхать сюда, значитъ-ли это, что вы дѣйствительно одиноки и свободны? Отвѣтите мнѣ пожалуйста правду.

Тихій голосъ говорившей шелъ такъ прямо въ душу Лицедарскаго, что онъ тотчасъ-же отвѣтилъ.

— Да, я совершенно одинокъ и вполне свободенъ.

— Еслибы вамъ женщина предложила свою дружбу, сказала-бы, что чувствуетъ къ вамъ доброе расположеніе, влеченіе, вы не отказались-бы... отъ этой дружбы?

Говорившая затруднялась докончить, а у собесѣдника ея лицо затуманилось и онъ молчалъ. Въ это время по плечу его ударили вѣромъ и веселый голосъ знакомой уже ему сказалъ: „Ахъ, какое у тебя не маскарадное выраженіе лица“ Затѣмъ, нагнувшись мимоходомъ къ его собесѣдницѣ, маска тихонько, но слышно спросила: „L'affaire ne s'avance pas?“. Та ничего не отвѣтила. Лицедарскому сдѣлалось что-то такъ гадко и на себя, и на окружающую обстановку; почувствовалось, будто онъ мишень для куртизанокъ, будто его хотятъ для чего-то опутать, и онъ приподнялся съ мѣста, чтобы уйти. Сидѣвшая съ нимъ маска быстро встала и взяла его за руку.

— Я вижу, я сдѣлала ошибку, назначивши для пер-

ваго знакомства маскарадъ; но я послушалась чужаго совѣта, заговорила она съ волненіемъ.

Лицедарскій подъ обаяніемъ этого голоса опять сѣлъ. Маска тоже сѣла и продолжала:

— Хоть я подъ маской, вѣрьте мнѣ, какъ-бы я говорила безъ маски.

— Такъ снимите вашу маску, сказалъ Лицедарскій.

— Его дама поспѣшно протянула руку къ ленточкѣ, но вдругъ остановилась и сказала:

— Нѣтъ еще погожу; но лучше я вамъ скажу теперь-же, почему мнѣ *нужно* съ вами познакомиться. Я, Алексѣй Ивановичъ, очень дорожу своимъ спокойствіемъ душевнымъ или сердечнымъ, не умѣю вамъ точно опредѣлить. Давно я встрѣчаю васъ почти вездѣ, и въ театрахъ, и въ концертахъ, и въ Обществѣ любителей Россійской Словесности, и въ Окружномъ судѣ. Давно мое вниманіе помимо моей воли обратилось на васъ. Но вотъ три года, то есть съ тѣхъ поръ какъ я овдовѣла, я замѣтила, что это съ моей стороны относительно васъ не одно только простое вниманіе. Я почувствовала, что это расположеніе, наконецъ больше того; какъ-бы потребность васъ часто видѣть; словомъ, я начинала терять свое обычное спокойствіе и, вотъ почему я вамъ написала: мнѣ *нужно* съ вами познакомиться. Какъ начать это знакомство, я не знала и медлила. Моя подруга смѣлѣе меня, и уговорила меня пригласить васъ въ маскарадъ. Я сама въ маскарадѣ только во второй разъ въ жизни.

Слова и голосъ говорившей были такъ задушевные, такъ мягки, что подъ обаяніемъ ихъ Лицедарскій твердо остался на мѣстѣ. Ему хотѣлось слушать дальше свою собесѣдницу. Неловкій въ движеніяхъ, некраси-

вый, онъ никогда не зналъ дружбы съ женщинами и теперь тѣмъ болѣе ему пріятны были такія рѣчи. Отъ его маски вѣяло чистотою, искренностью, страстностью, и хотя онъ всегда убѣжденъ былъ въ женскомъ коварствѣ, но въ настоящую минуту обаяніе брало верхъ надъ сознаніемъ.

— Снимите вашу маску, сказалъ онъ гораздо мягче прежняго.

— Не могу пока.

— Почему-же?

— Извольте, я опять вамъ прямо скажу. Вглядитесь въ меня хорошенько, хорошенько. Мнѣ-бы хотѣлось полюбиться вамъ безъ лица; то есть каково-бы лицо у меня ни было. Я желаю вашего расположенія, но знаю, что мужчина, кто-бы онъ ни былъ, безграмотный-ли, ученѣйшій-ли, вѣтряный-ли, смиренный-ли, прежде всего обращаетъ вниманіе на наружность женщины.

— Вы сознаете, что вы некрасивы? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не это; но видите-ли, вы въ такомъ возрастѣ, вамъ вѣроятно лѣтъ подъ пятьдесятъ, а въ эти года, говорятъ, мужчинамъ нравятся очень молодыя женщины, и, по общему замѣчанію, чѣмъ старше мужчина, тѣмъ больше у него влеченія къ еще болѣе молодымъ, а мнѣ уже тридцать лѣтъ и въ добавокъ я еще не вполнѣ поправилась отъ очень трудной болѣзни. Я сниму маску тогда, когда услышу отъ васъ что-либо для себя пріятное помимо лица.

Лицедарскій улыбнулся.

— Ну, извольте, я вамъ скажу: что у васъ прекрасный станъ, у васъ чудесный голосъ, и вы умѣете имъ управлять. Словомъ, мнѣ нравится *какъ* вы го-

ворите. Больше я ничего не могу сказать, потому что вы очень укутаны въ ваши тюли. Послѣ сказаннаго мною снимите маску?

— Сегодня не рѣшусь еще; но я въ театрѣ буду безъ маски. Билетъ возьму тамъ, гдѣ сидѣла въ послѣдній разъ, какъ васъ видѣла въ Маломъ театрѣ. Помните, 4 декабря во время представленія *Сердце не камень* вы сидѣли въ амфитеатрѣ; я была черезъ два мѣста отъ васъ.

— Да, да я въ этотъ день былъ въ театрѣ, сказалъ Лицедарскій, но какъ же я васъ узнаю?

— Я опять буду вдвоемъ съ моею кузиной, которая вмѣстѣ со мной встрѣтила васъ въ залѣ.

— Не лучше-ли, чтобы вы были одна? спросилъ Лицедарскій.

Маска задумалась.

— Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, не въ театрѣ. Мнѣ гораздо больше по душѣ будетъ увидать васъ въ церкви; туда я хожу одна. Такъ будьте въ субботу за всенощной на Саввинскомъ подворьѣ. Я стану недалеко отъ васъ; возлѣ васъ.

— Извольте, я приѣду въ субботу ко всенощной на Саввинское подворье. А теперь прощайте.

— До свиданія, отвѣтила маска, и они пошли къ выходной двери, гдѣ снова простились.

Легши на свою одинокую постель, Лицедарскій разсуждалъ: „если это все было говорено правда, если желаніе познакомиться вызвано было расположеніемъ, если ей дѣйствительно только тридцать лѣтъ, если тонъ ея не поддѣльный, то это кладъ; такой мягкій голосъ долженъ-бы принадлежать только человѣку съ мягкимъ сердцемъ. Рѣчь правильная; посѣщала Об-

щество любителей словесности и говорить по французски, значить не модистка; но вѣдь теперь много такихъ образованныхъ женщинъ, которыя ѣздятъ въ маскарадъ съ цѣлью изловить себѣ состоятельнаго человѣка; наконецъ у женщинъ бываетъ такое злое кокетство, что онѣ въ совершенствѣ могутъ разыграть заученную роль робкой-ли, влюбленной-ли, словомъ, съумѣютъ прикинуться такою, какая можетъ нравиться выбранному ими мужчинѣ.“

Двумя часами позже этихъ размышлений Лицедарскаго, двѣ женщины, сбросивши съ себя свои маски вели такой разговоръ.

— Нѣтъ, это ужъ черезъ чуръ безразсудно съ твоей стороны. Развѣ можно откровенно говорить мужчинѣ свои года! развѣ можно назначать свиданіе въ церкви въ наше время. Вѣдь это, я помню, только у Загоскина въ Юріи Милославскомъ влюбленные видались у Спаса на Бору; такъ это было, кажется, въ шестнадцатомъ вѣкѣ. А теперь, вспомни, мы живемъ въ концѣ девятнадцатаго вѣка. Значить, ты не послѣдовала ни одному изъ моихъ совѣтовъ. Я увѣрена, что онъ надъ тобой теперь смѣется, и если наши планы не удадутся, виновата не я, а ты, и пеняй на одну только себя.

Такъ говорила одна изъ женщинъ, сидя раздѣтая на креслѣ возлѣ кушетки, на которой полулежала другая, устремивъ задумчиво глаза въ темную залу.

— Знаешь, Катя, заговорила лежавшая, мнѣ даже не по сердцу, что ты мое желаніе подружиться съ нимъ называешь *планами*. Планы—это какъ будто я заранѣе обдумала, во что-бы то ни стало и какими-бы средствами ни было, завлечь его. Понравлюсь ему, полю-

бить меня, буду рада; не понравлюсь—сначала не буду довольна, а потомъ утѣшу себя мыслию: „Богъ ведетъ все къ лучшему“.

— Ты знаешь пословицу, Наташа, Богъ-то Богъ, да самъ-то не будь плохъ.

— Знаю, и все таки буду поступать такъ, какъ будетъ мнѣ подсказывать сердце. Я знаю, что часто человѣкъ своимъ разсудкомъ можетъ направлять дѣла такъ, какъ ему хочется и достигаетъ желаемой цѣли, но въ концѣ концовъ выходитъ неудача. Я это замѣчала на многомъ, и особенно на вымоленныхъ дѣтяхъ; по крайней мѣрѣ изъ извѣстныхъ мнѣ нѣтъ ни одного хорошаго человѣка.

— Ты опять пошла со своими размышленіями; размышлять конечно нужно, но нужно и дѣйствовать. Практическіе умы дѣйствуютъ; человѣкъ съ практическимъ умомъ идетъ по землѣ, не глядя на звѣзды и идетъ вѣрно и твердо, а теоретики заглядятся на небо, да и бухъ въ яму, или на кочку наткнутся.

— Я согласна, что разсудокъ, который ты называешь практическимъ умомъ, дѣлаетъ въ жизни меньше промаховъ, а разумъ, по твоему теоретическій умъ, дѣлаетъ повидимому промахи, но это только по видимому, а конечное послѣдствіе...

— Ну, я вижу, ты на свой конекъ попала; прощай; я спать хочу. Если конечное послѣдствіе у тебя выйдетъ неудача—вина будетъ твоя, а я руки умываю.

Послѣднія слова были произнесены уже въ другой комнатѣ.

Настала суббота.

— Наташа, напрасно ты не назначила Алексѣю Ивановичу свиданіе у Спаса на Бору, трунила Екатери-

на Николаевна Запольская надъ своей двоюродной сестрой. Я увѣрена, что ты, сидя въ деревнѣ, послѣднее время перечитывала Загоскина; такъ-бы ужъ и поступала по писанному; ты-же такъ любишь русскую старину.

— Не смущай меня, Катя, пожалуйста, отвѣчала та; я и такъ теряю самоувѣренность.

Когда заблагоувѣстили ко всенощной, между ними поднялся споръ.

— Ну прошу тебя, умоляю, говорила Екатерина Николаевна, держа въ рукахъ капельную баночку, — положи немножко du rouge, чуть-чуть; совсѣмъ не будетъ замѣтно, а лицо покажется оживленнѣе. Вѣдь не зла-же я тебѣ желаю, Наташа, а добра.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за какія блага въ мірѣ никакой поддѣлки не хочу, отвѣчала Наталья Александровна.

— Да какая-же тутъ поддѣлка? Вѣдь утромъ ты пудрилась-же; развѣ не все равно? Увѣрься ты наконецъ, что тутъ нѣтъ ни поддѣлки, ни грѣха, а только ты будешь интереснѣе.

— Нѣтъ; подрумяниться не могу. Какая есть, такая и буду, настаивала Наталья Александровна.

Когда она совсѣмъ была готова, Екатерина Николаевна бросила на нее послѣдній взглядъ знатока и начала упрашивать надѣть розовый галстучекъ.

Одѣвшись, Наталья Александровна перекрестилась и пошла.

— Наташа, а если ты съ нимъ коротко познакомишься и будешь выѣзжать вмѣстѣ, неужели ты не оставишь и тогда привычки своей креститься при выходѣ изъ дома.

— Нѣтъ, не оставляю.

— Ну, дѣлай все по своему, и я увѣрена, что толку никакого не будетъ; я сомнѣваюсь даже, чтобы онъ пріѣхалъ на Саввинское подворье.

— Да вѣдь онъ общалъ!

— Онъ общалъ не Наталья Александровнѣ Березиной, а маскѣ; подъ маской-же и маскѣ все можно общать, а не все исполнять, съ увѣренностью сказала Екатерина Николаевна.

У Натальи Александровны защемило сердце.

— Охъ, нехорошо было начало, сказала она.

— А еслибы я не совѣтовала тебѣ пригласить его въ маскарадъ, то теперь ты не шла-бы съ пріятнымъ волненіемъ на Саввинское по дворю. Ужъ довѣрься мнѣ, а то у тебя ничего не выйдетъ.

Наталья Александровна подумала, что дѣйствительно она до сихъ поръ не приступила-бы къ знакомству съ Алексѣемъ Ивановичемъ, еслибы не пригласила его по совѣту Екатерины Николаевны въ маскарадъ. А все таки, исполняя совѣты своей родственницы, она всякій разъ съ трудомъ перелаживала себя и потомъ послѣ этого впадала на нѣкоторое время въ тоску.

— Ну-съ, до свиданія и помни одиннадцатую заповѣдь: „не зѣвай“, а я велю поставить самоваръ къ твоему приходу и приготовлю заранѣе стаканъ для кавалера, смѣясь, говорила Екатерина Николаевна, провожая Наталью Александровну.

Уже половина всенощной была отслужена, когда пріѣхалъ Лицедарскій. Пройдя не слышно по ковру, онъ сталъ налѣво отъ двери, не доходя колоннъ. Молящихся и преимущественно дамъ было довольно много. Пока онъ пристально глядѣлъ въ алтарь, возлѣ него незамѣтно стала дама, одѣтая вся въ черномъ съ

блестящею у ворота брошей. Хотя съ боку, но внимательно онъ оглядѣлъ ее. Это была женщина именно лѣтъ придцати съ пріятно округленными чертами лица, въ которомъ не было ни кровинки. Пѣвчіе запѣли *Отъ юности моя*; она опустила на колѣни и лицо ея приняло такое выраженіе, какъ будто она видѣла кого-то, къ кому со страхомъ и благоговѣніемъ обратилась за помощію въ своей слабости. Вставши, и чувствуя на себѣ пристальный взглядъ, она слегка повернула голову въ его сторону и едва замѣтно улыбнулась. Впродолженіе всенощной каждому изъ нихъ не разъ приходилось изловить на себѣ взглядъ другого. По окончаніи, надѣвая шубку, Наталья Александровна видѣла, какъ Лицедарскій, посмотрѣвши на нее довольно долго, улыбнулся и вышелъ на дворъ.

„Я понимаю эту улыбку и этотъ взглядъ, размышляла она, завязывая головной платокъ. Онъ думаетъ: „эти мощи туда-же“; но неужели Катя права и надо было подрумяниться“?

Грустно вышла она на дворъ; на немъ уже никого не было. Выйдя за ворота, она услышала возлѣ себя:

— Ну, а теперь куда назначите мнѣ явиться? Возлѣ нея стоялъ Лицедарскій.

Екатерина Николаевна съ нетерпѣніемъ ждала свою кухню отъ всенощной и хотя сдѣлала распоряженіе о закускѣ и велѣла въ прихожей зажечь большую лампу, но все-таки очень сомнѣвалась, чтобы планы ея относительно знакомства Натальи Александровны съ Лицедарскимъ вполне удались; очень ужъ неумѣлою была, по ея мнѣнію. Березина въ этихъ любовныхъ дѣлахъ.

Когда послышался звонокъ, Екатерина Николаевна

пріотворила дверь залы въ прихожую и увидавъ, что кухня возвращается не одна, начала суетиться въ залѣ возлѣ чайнаго стола и затѣмъ, шутя и смѣясь, привѣтствовала вошедшаго:

— А, попались въ дамскія руки; вотъ мы васъ сдѣлаемъ ручнымъ.

Лицедарскій молча поклонился, чувствуя себя опять не по себѣ. Всѣ усѣлись за чайный столъ. Самоваръ и чай расшевелили общество. Начался разговоръ о проходящемъ сезонѣ. Болѣе всѣхъ и живѣе всѣхъ говорила Екатерина Николаевна, явно старающаяся воодушевлять другихъ.

— Я слышала, между прочимъ, будто Оедотова говорить, что за все время своей службы на сцѣнѣ Малаго театра она никогда еще не играла роли страннѣе роли Вѣры Филипповны въ пьесѣ *Сердце не камень*. Дѣйствительно и я не понимаю этой роли; какая-то экзальтированная религіозность; какое то неестественное прощеніе врагамъ и наконецъ недостатокъ самолюбія, когда она рѣшается выдти замужъ за такого человѣка, который хотѣлъ ее опозорить и притворялся для этого влюбленнымъ въ нея.

— А я не безъ удовольствія слушалъ эту пьесу, сказалъ Лицедарскій. И подумалъ, что если такой характеръ выведенъ писателемъ, то, значить, онъ его подмѣтилъ въ дѣйствительности именно въ этомъ сословіи, которое вѣдь Островскій знаетъ отлично.

У Натальи Александровны оживились глаза.

— Еслибы даже писатель, избранникъ Божій, и не встрѣтилъ въ дѣйствительности такого характера, то онъ своимъ сердцемъ, своимъ разумомъ могъ постичь, что такіе характеры бываютъ, сказала она.

У Екатерины Николаевны передернуло лицо, когда ей кузина произносила слова „избранникъ Божій“; но Березина не обратила вниманія на это и продолжала:

— За послѣднее время въ Маломъ театрѣ я съ особеннымъ удовольствіемъ слушала только *Гамлета*, когда игралъ Ленскій, *Уріеля Акоста* и наконецъ *Сердце не камень*. Да, такой характеръ, какъ у Вѣры Филипповны, бываетъ въ дѣйствительности, и я его понимаю.

— А я нахожу, что это болѣзненное состояніе души, вслѣдствіе замкнутой, одинокой, безотрадной жизни, сказала Запольская.

— И благо, когда замкнутая, одинокая жизнь вырабатываетъ такой, а не иной характеръ, возразила Березина.

Лицедарскій внимательно вслушивался въ слова дамъ и по выраженію ихъ лицъ подмѣтилъ, что теперь у нихъ происходитъ какъ-бы продолженіе какого-то давнишняго спора.

— Вамъ что особенно понравилось въ характерѣ Вѣры Филипповны? спросилъ онъ у Березиной.

— Я еще немного думала объ этой пьесѣ и даже была въ тотъ разъ въ театрѣ нѣсколько разсѣянна, сказала она, слегка краснѣя, но мнѣ особенно понятно въ немъ чувство жалости къ тѣмъ слабымъ людямъ, которые хотятъ ей сдѣлать зло; я чувствую, что на такихъ людей сердиться нельзя, а скорѣе жаль ихъ за ихъ ничтожество; наконецъ я очень хорошо понимаю, что если у человѣка тверда вѣра въ Бога, то онъ никого и ничего не боится. Иногда въ деревнѣ мнѣ приходится идти подъ вечеръ лѣскомъ и ни разу я не ощущала чувства страха; случалось, и глаза

волчьи сверкнуть неподалеку. Думаю: если я еще нужна Богу на землѣ для чего нибудь, то останусь жива, а ненужна, такъ невелика бѣда, если и умру. Вѣроятно въ родѣ этого разсуждала и Вѣра Филипповна, когда нищій хотѣлъ убить ее, а она ему спокойно сказала: „нѣтъ миленькій, ты этого не сдѣлаешь“. Хороша также была минута, когда мужъ съ палкою приближался къ ней, а она спокойно стояла, ожидая его приближенія; жаль только, что Федотова стояла бокомъ къ зрителямъ и нельзя было видѣть выраженія ея лица, а лицо должно было выражать полное спокойствіе и упованіе на Бога.

Запольская не вытерпѣла.

— Наташа, вмѣсто того, чтобы разсуждать объ упованіи на Бога, спой-ка М-г. Лицедарскому *Reine du bal*, сказала она.

И затѣмъ, обращаясь къ гостю, продолжала:

— Кузина не всегда разсуждаетъ о божественномъ, иногда она лучше всякой Альфонсины пропоетъ *Reine du bal*. Ну, Натали, не заставляй себя очень просить.

— Не въ такомъ настроеніи, Катя, а то-бы не заставила себя просить.

— А ты начни и придешь въ настроеніе.

Говоря это, Запольская открыла рояль и заиграла *Стрѣлокъ*.

Наталя Александровна неохотно подошла, грустно улыбаясь; вслушалась въ акомпаниментъ и запѣла: *Il faut que je vous dise, comment du bal je fus éprise*.

Гортанный выговоръ и весь пошибъ пѣнія французскихъ пѣвицъ трудно было передать лучше, но только выраженіе лица пѣвшей отнюдь не соотвѣтст-

вовало словамъ пѣсни. Явно видно было, что Наталья Александровна дѣлала надъ собой большое усиліе. Это похоже было на то, какъ къ трупѣ приставятъ гальваническую машину и заставятъ мускулы его двигаться въ родѣ смѣха или плача. Допѣвши до куплета: *Maintenant je vais danser*, Березина оборвала пѣніе и сказала:

— Нѣтъ, рѣшительно не могу.

Затѣмъ она впала въ какое-то унылое настроеніе духа и до конца молчала, несмотря на усилившееся стараніе Запольской оживлять собесѣдниковъ.

Когда Лицедарскій поднялся прощаться, Екатерина Николаевна просила его навѣщать ее по субботамъ, а когда онъ уѣхалъ она напустилась на свою кузину, упрекая ее въ одичалости, незнанія людей и вообще практики житейской.

На слѣдующую субботу Лицедарскій не пріѣхалъ, и это дало ей поводъ высказать передъ Березиной все свое знаніе жизни и давать той практическіе совѣты. На масляницу онѣ встрѣтились съ Лицедарскимъ въ театрѣ.

Екатерина Николаевна покачала ему съ лукавой улыбкою головой, а Наталья Александровна только внимательно на него посмотрѣла.

До страстной недѣли онъ бывалъ у Запольской черезъ субботу и каждый разъ повторялось одно и то же: Екатерина Николаевна силилась, чтобы ему было весело и старалась разшевелить на свѣтскій ладъ свою кузину. Но Березина не настраивала себя, а оставалась сама собою, то есть спокойною, серьезною, искреннею; это иногда до того бѣсило Екатерину Николаевну, что она отзывала Наталью Алек-

сандровну въ другую комнату и пушила ее такъ, что до Лицедарскаго не разъ долетали слова: „vous êtes une folle, ты сумасшедшая, рѣшительно сумасшедшая!“

Въ субботу на Святой недѣлѣ Лицедарскій засталъ дома одну только Екатерину Николаевну.

— А гдѣ-же Наталья Александровна? спросилъ онъ вскорѣ, какъ успѣли пить чай.

— Я полагала, Алексѣй Ивановичъ, сказала она, что нынѣшнимъ годомъ Наташа сдѣлаетъ исключеніе и пріѣдетъ въ Москву провести Пасху, но ошиблась. Она считаетъ долгомъ встрѣтить этотъ праздникъ въ своемъ сельскомъ приходѣ. Такъ она сдѣлала и нынче, а теперь, какъ началась такая теплая весенняя погода, я ужъ и не знаю, когда она пріѣдетъ; она, кажется, больше всего на свѣтѣ любитъ весну въ деревнѣ. Въ это время она пріѣзжаетъ въ Москву только по какой нибудь крайней необходимости. Вообще она предпочитаетъ деревню городу и съ тѣхъ поръ, какъ умеръ ея мужъ, постоянно живетъ въ этомъ захолустьѣ. Прошлою зимою она пріѣзжала въ Москву въ двѣ недѣли разъ, а нынѣшнею, благодаря вѣроятнo вамъ, я имѣла удовольствіе видѣть ее каждую недѣлю. Изъ ея деревни только два часа ѣзды по желѣзной дорогѣ.

— Кто-же тамъ при ней находится? спросилъ Лицедарскій, внимательно слушавшій разсказъ Запольской.

— Дворникъ, одна женская прислуга, да какіе-то уроды, которыхъ она, не знаю откуда, понабрала. Я-бы, Алексѣй Ивановичъ, очень желала вырвать ее изъ этой одурающей обстановки. Я увѣрена, что въ

такомъ одиночествѣ и при такихъ окружающихъ можно сойти съума. Я даже одно время испугалась за Наташу. Можете себѣ представить, какъ бывало пріѣдетъ ко мнѣ, такъ начинается философствовать о томъ, какое различіе между разсудкомъ и разумомъ. Я, правду сказать, никогда не вдумывалась въ значеніе этихъ словъ и какая между ними разница; но такъ ужъ въ угоду ей сказала, что разсудокъ равняется практическому уму, а разумъ теоретическому. Когда я согласилась съ ней въ этомъ, тогда она стала увѣрять, что высшая степень разума есть премудрость, а высшая степень разсудка—мудрость, что слѣдовательно разумъ выше разсудка. Я спору, что разсудокъ выше, потому что онъ въ жизни нужнѣе, а Наташа старается доказать, что разумъ выше. Наконецъ я предложила ей съѣздить къ моему духовнику; онъ очень умный человѣкъ. Просили мы его рѣшить нашъ споръ. Къ удовольствію Наташи онъ сказалъ, что разумъ выше, но разсудокъ пригоднѣе и полезнѣе въ жизни. Слава Богу, со времени знакомства съ вами она меньше философствуетъ, а то примется бывало разсуждать о премудрости и потомъ толковать.

Читатели помнятъ, какая прекрасная погода была первое мая въ позапрошломъ году. Выѣхавши изъ Москвы въ 9 часовъ 25 минутъ утра по Нижегородской желѣзной дорогѣ, Лицедарскій черезъ два часа былъ на той станціи, отъ которой имѣніе Березиной находится въ десяти верстахъ. У вокзала онъ легко досталъ извозчика, который притомъ хорошо ее зналъ и указалъ даже какъ пройти къ дому, такъ какъ гость не хотѣлъ подъѣхать къ крыльцу. Извозчикъ высадилъ его передъ мелкимъ соснячкомъ, которымъ можно бы-

ло пробраться къ самому фасаду дома. Лицедарскому оставалось пройти еще сажени двѣ до площадки, находящейся передъ террасой; онъ остановился, увидавъ самое владѣлицу съ небольшимъ заступомъ въ рукѣ, разгребавшую куртинку. На Натальѣ Александровнѣ были высокіе кожаные штиблеты, короткая красная юбка и коротенькій черный драповый казачекъ; на головѣ надѣтъ былъ синій ангоровый платочекъ, завязанный сзади, какъ повязываются крестьянки. Отъ солнца и движенія она покраснѣла и имѣла видъ оживленный, совершенно новый для Лицедарскаго. Онъ простоялъ такъ нѣсколько минутъ, любуясь и ея красотою, и живописнымъ, хотя страннымъ, костюмомъ, и граціей въ движеніяхъ. Наконецъ она, должно быть, устала: остановилась, оперлась на свой заступъ, взглянула весело прямо на солнце и въ полголоса запѣла:

„Что намъ до шумнаго свѣта,

Что намъ друзья и враги...“

Лицедарскій вышелъ изъ-за сосенъ и подошелъ къ ней, ласково улыбаясь.

— Такъ вотъ почему васъ не видать въ Москвѣ: вамъ нѣтъ никакого дѣла не только до враговъ, но даже и до друзей, сказалъ онъ, протягивая къ ней руку.

— Она оставила заступъ; протянула къ нему обѣ руки, и, крѣпко сжимая его руки, спросила, глядя ему съ улыбкой прямо въ глаза:

— А какъ дальше шарманщицы поютъ, знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— „Лишь было-бы сердце согрѣто чувствомъ взаимной любви“.

Лицедарскій въ первый разъ въ жизни переживалъ

такую минуту, и ему неловко сдѣлалось подъ этимъ искреннимъ, но пристальнымъ взглядомъ, и потому онъ поспѣшилъ заговорить.

— Вы очень удивлены, Наталья Александровна, что видите меня у себя?

— Я обрадована, но нисколько не удивлена: я васъ сегодня ждала, сказала она спокойно.

— Почему-же вы могли предполагать, что я приѣду и именно сегодня?

— Это я вамъ потомъ скажу почему, а теперь пойдемте, сядемте на террасѣ.

Когда они усѣлись на садовой скамейкѣ, стоявшей на террасѣ, Наталья Александровна свистнула въ висѣвшій у нея на шнуркѣ свистокъ. Шевелившійся за кустикомъ человѣкъ всталъ и подошелъ къ нимъ, вихляя обѣими ногами. Лицедарскій увидалъ передъ собою необыкновеннаго человѣка, точь въ точь похожаго на манекена огнепоклонника, видѣннаго имъ на выставкѣ въ 1867 году. Высокій, черный, высохшій, съ безпокойно бѣгающими глазами и всклокоченными волосами. Человѣку этому было лѣтъ пятьдесятъ, но лицо его сохранило какое-то дѣтское выраженіе.

— Меня что-ли, Александровна? спросилъ онъ.

— Тебя, Ганя, отвѣтила Березина. — Поди скажи Прасковѣ, чтобы она приготовила завтракъ и самоварчикъ поставила-бы.

— Какой странный человѣкъ, замѣтилъ Лицедарскій. Другая барыня побоялась-бы съ нимъ встрѣтиться наединѣ.

— Онъ очень смирный и постоянно что нибудь работаетъ; но иногда, когда его затронутъ, онъ очень разсердится. Всякія оскорбленія онъ переноситъ сми-

ренно, только одно слово приводитъ его не только въ гнѣвъ, но почти въ ярость. Бывало, онъ кидался камнями, когда его ребятишки дразнили.

— Какое же это слово? полюбопытствовалъ Лицедарскій.

— Воробей, тихонько произнесла Березина. У меня въ домѣ это очень обыкновенное слово изгнано изъ употребленія. Ганя чрезвычайно честенъ и въ дѣтствѣ, должно быть, былъ болѣзненно самолюбивъ. Но въ деревнѣ на это не обращали вниманія, заподозрили его въ какомъ-то воровствѣ; избили, приговаривая „бей вора, вора бей“, а если произносить скоро, то и выходитъ воробей. Всю жизнь онъ страдалъ отъ этихъ дразненій, но съ тѣхъ поръ какъ его мать умерла, я взяла его къ себѣ и здѣсь, можно сказать, онъ ужъ отдыхаетъ душою, и преданъ-же мнѣ за это.

Вскорѣ Прасковья пришла доложить, что завтракъ и самоваръ готовы, и спросила, гдѣ барыня прикажетъ подавать.

— Въ домѣ, отвѣтила хозяйка, и когда дверь на террасу была изъ комнаты отворена, пригласила гостя войти.

Лицедарскому бросилось въ глаза отсутствіе жизни въ комнатахъ. Нигдѣ не лежало никакой вещи, свидѣтельствовавшей, что тутъ чѣмъ нибудь занимались. Прасковья при нихъ принялась стирать со столовъ и стульевъ густой слой пыли.

— При такомъ прекрасномъ воздухѣ, сказалъ Лицедарскій, у васъ здѣсь запахъ не жилаго строенія.

— Я здѣсь рѣдко бываю, отвѣтила Наталья Александровна.

— Гдѣ-же вы постоянно находитесь?

— А вонъ видите новенькую избушку? Тамъ моя жизнь, мой храмъ и мои щуры.

— Отчего-го же вы не провели меня прямо туда?

— Городскихъ гостей я принимаю здѣсь, а какъ они часто у меня бываютъ свидѣтельствуешь пыль.

— Отчего же вы не любите городъ?

— Оттого, что „видѣхъ во градѣ беззаконіе и пререканіе, и не оскудѣ отъ стогнѣ его лихва и лесть“, отвѣтила она словами пророка Давида.

— Да, Наталья Александровна, вы обѣщали мнѣ сказать, отчего вы знали, что я сегодня къ вамъ пріѣду.

— А очень просто: видѣла во снѣ. Въ городѣ скажутъ, „что пѣна въ винѣ, то сны въ головѣ“, но это для города будетъ пожалуй вѣрно, а мы тутъ живемъ такъ близко въ природѣ, что и сны наши бываютъ довольно непосредственны; я вижу сегодня, будто я стою на лужайкѣ передъ домомъ, а изъ-за сосенъ выходитъ большая черная собака, которую я въ послѣдній разъ видѣла въ Москвѣ. Я проснулась и сообразила, что, по толкованію простого народа, черная собака — другъ; я прямо подумала на васъ, а когда я отворила окно, ко мнѣ влетѣлъ голубь. Я это приняла за знаменіе. Думайте какъ хотите, а и сонъ, и знаменіе исполнились.

Лицедарскій, слушая это, вглядывался въ говорившую, стараясь отыскать въ выраженіи лица ея манію или слѣпую набожность; но ничего такого не нашель; Березина говорила это очень простымъ и спокойнымъ тономъ.

— А часто вы имѣете вѣще сны и знаменія? спросилъ Лицедарскій.

— Нѣтъ, рѣдко. Я вижу, вы удивляетесь, что я вѣ-

рю снамъ и примѣтамъ, и тому подобному. Я только не двойственна, какъ многіе. Меня такъ удивляетъ эта двойственность нашего общества. Напримѣръ, у васъ въ судѣ принято въ присутствіи священника съ крестомъ и Евангеліемъ давать присягу. Стало быть, судятся и судятъ христіане, то есть послѣдователи ученія Христа. Даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ одному присяжному повѣренному предложили, чтобы онъ перемѣнилъ свою еврейскую вѣру на какую-либо христіанскую, если онъ желаетъ быть членомъ суда. А между тѣмъ многіе-ли или даже кто изъ этихъ господъ христіанъ вѣритъ словамъ Христа? Скажите имъ, что васъ лукавый соблазняетъ, и они засмѣются, что вы дошли до того, что вѣрите въ существованіе злого духа. Между тѣмъ какъ Христосъ всегда говорилъ правду и Своимъ ученикамъ рассказалъ, что когда Онъ былъ въ пустынѣ, то лукавый Его соблазняетъ. Вы удивляетесь, что я вѣрю снамъ, а вѣдь еслибы у васъ были дѣти, вы не выкинули-бы изъ ихъ книжки Вѣтхаго Завѣта рассказы о томъ, какіе сны видѣлъ Іаковъ, фараонъ, Навуходоносоръ; какъ эти сны были истолкованы и какъ они потомъ исполнились. Христосъ, напримѣръ, сказалъ: „какою мѣрою мѣряете, такою и вамъ будетъ отмѣрено“. Въ дѣтствѣ эти слова учатъ; затѣмъ слушаютъ ихъ въ церкви, а въ жизни этому не вѣрятъ, да еще смѣются, когда скажешь, что ни одно преступленіе не останется безъ наказанія. Нынѣшнюю зиму мы съ Катей прочли два романа писателя Авсѣенко; въ обоихъ романахъ выведены героями молодые адвокаты, добивающіеся всяческими средствами благъ житейскихъ, которымъ, какъ видно, и самъ авторъ придаетъ главное значеніе въ жизни.

Когда онъ своихъ героевъ доводитъ до богатства, богатыхъ невѣсть и генеральскаго чина, тогда заканчиваетъ романъ словами: „Читатели ожидали, что зло будетъ наказано, а добродѣтель награждена, но вышло иначе“. Катя сначала соглашалась съ авторомъ, что вышло иначе; но вѣдь онъ героевъ своихъ только довелъ до благъ земныхъ; жизнь-же впереди еще долга, а кара Божія постигаетъ иногда черезъ десять или даже двадцать лѣтъ. Я замѣчала, что разсудокъ дѣлаетъ выводы за нѣсколько лѣтъ, а разумъ за нѣсколько вѣковъ. Писатели, озаренные свѣтомъ разума, на которыхъ лежитъ печать Божьяго дара, тѣ и не стараются доказать, что преступленіе ведетъ за собою наказаніе, но у нихъ это выходитъ вслѣдствіе вдохновенія. Возьмите, напримѣръ, Шпильгагена, такъ любимого теперешнимъ поколѣніемъ всего міра; у него рѣшительно человѣкъ наказывается тѣмъ, въ чемъ виновать бываетъ. Преступленіе сдѣлано и концы скрыты въ воду; но придетъ-же время, что или оно откроется или человѣкъ попадается въ другомъ преступленіи и будетъ обличенъ. Какъ простой народъ выражается, ужъ Богъ попутаетъ. Какъ-то не такъ давно въ газетахъ было напечатано, что на улицѣ раздался поздно вечеромъ крикъ. Поваръ, рубившій котлеты, выбѣжалъ на помощь. На улицѣ лежалъ трупъ зарѣзаннаго человѣка. Вслѣдъ за поваромъ подоспѣла полиція; арестовала повара, какъ единственнаго бывшаго недалеко отъ убитаго, да еше съ поличнымъ въ рукахъ, то есть съ окровавленнымъ говядиною ножомъ. Такимъ образомъ спѣшившаго на помощь судили, какъ убійцу. Видя надъ собою судъ Божій, поваръ чисто-сердечно разсказалъ на судѣ, что въ этомъ убійствѣ онъ

не повиненъ, но былъ съ нимъ такой грѣхъ, только очень давно, еще въ молодости.

Лицедарскій внимательно выслушалъ всю эту длинную рѣчь хозяйки, не нашедши пока возраженій. Завтракъ между тѣмъ былъ конченъ и Наталья Александровна предложила гостю пройтись съ нею по огороду, ягодному и фруктовому саду, а дворнику велѣла заложить лошадь въ тележку.

Когда они гуляли по саду, и она рассказала ему сколько овощей даетъ огородъ, сколько ягодъ, яблоковъ и грушъ собирается и какъ расходуется, какой уходъ требуется за всѣмъ, Лицедарскій удивлялся ея знанію этой отрасли хозяйства; потомъ Степанъ подалъ тележку, и они поѣхали въ поле, и тутъ Березина выказала не малые свѣдѣнія въ сельскомъ хозяйствѣ.

— Кто-же у васъ всѣмъ этимъ распоряжается и заводитъ? спросилъ онъ.

— Да я сама; хозяйство такъ не велико и если вникнешь въ дѣло, то всѣмъ не трудно; что же бы мнѣ-то осталось дѣлать, еслибы я держала управляющаго, а то вотъ съ нынѣшняго мѣсяца и вплоть до глубокой осени мой день такъ бываетъ наполненъ, что и читать некогда: то въ огородѣ, то въ саду, то въ полѣ; только дождь, да темнота загоняютъ меня въ домъ.

— Но вѣдь за то хозяйство держать васъ здѣсь на привязи, возразилъ Лицедарскій.

— А куда-же бы мнѣ ѣздить или уѣхать? Если жить въ Москвѣ, а землю отдать въ аренду, то арендная плата за нее будетъ такъ мала, что мнѣ пришлось-бы въ городѣ жить въ тѣсномъ помѣщеніи или меблиро-

ванной комнатѣ, какъ въ клѣткѣ, только для себя, а тутъ я живу на просторѣ, да еще отъ избытка могу дѣлиться съ другими, болѣе меня бѣдными.

И тутъ Лицедарскій не нашелъ пока, что возразить. Когда они возвращались съ поля, Наталья Александровна велѣла Степану подѣхать къ новому домику.

— Теперь мнѣ остается показать только мою избушку, сказала она Лицедарскому.

Въ сѣняхъ ихъ обдало запахомъ сосны. Въ просторной кухнѣ было очень чисто: большая русская печка; вдоль стѣнъ новыя скамейки; въ переднемъ углу столъ, на которомъ Прасковья отрѣзала ломти отъ домашняго ржаного каравай. Къ полочкѣ подъ кіотою прибитъ разноцвѣтно вышитый конецъ полотенца; на полкахъ аккуратно разставлены были блестящія отъ чистоты кастрюли и тарелки. Кромѣ сѣнной двери въ кухнѣ были еще двѣ низенькія дверки. Наталья Александровна отворила одну изъ нихъ; тамъ на табуреточкѣ сидѣлъ Ганя и хлебалъ кашу съ молокомъ изъ круглой деревянной чашки. Въ его каморкѣ тоже висѣли полочки, и на каждой изъ нихъ стояла его собственная посуда: разнокалиберныя чашечки и надбитыя тарелки и миски. На полу разостлано было сѣно; по стѣнамъ налѣплены разныя картинки и этикетки. Лицедарскій осмотрѣлъ каморку Гани, который, не вставая и не обращая на него вниманія, продолжать усердно ѣсть. Приотворяя вторую дверь, Наталья Александровна громко спросила

— Mme Elie, puis-je entrer?

— Oh, oui-да, слышался въ отвѣтъ грубый старческій, почти мужской голосъ.

Березина вошла, приглашая за собой Лицедарскаго.

Эта комнатка была просторнѣе Ганиной. Въ огромномъ старинномъ креслѣ сидѣла древняя старуха съ французскимъ типомъ лица: длиннымъ носомъ и беззубая, похожая на изображенія бабы-яги. На головѣ у нея была очень высокая повязка, на носу большія мѣдныя очки. На ручкахъ креселъ сидѣли котята; въ ногахъ лежала собаченка, которая отъ старости не могла и залаять на вошедшаго; на полу скакала хромая галка. Старуха бросала ей куски хлѣба, прибирая ее за что-то по французски.

— Это *mme Elie*, няня моей покойной матери, сказала Наталья Александровна.

Старуха искоса посмотрѣла на гостя, и не успѣла еще Березина, уходя отъ нея, затворить за собой дверь, какъ она отъ глухоты громко ей закричала:

— *Nelly, qu'est-ce que ce vieux rôti avec toi?*

— *Silence, mme Elie*, крикнула Наталья Александровна, приотворяя снова къ ней дверь. *C'est un ami de l'empereur des français.*

— Ah, протянула старуха, *et tu ne me l'as pas dit d'avance. Est-il venu inspecter tes biens?*

— *Oui, oui.*

— *Est ce que tout est en ordre chez toi?*

— *Oui, il est très content de tout.*

Лицедарскій, хотя вышелъ уже въ сѣни, но слышалъ весь этотъ разговоръ.

— Давно она въ Россіи? спросилъ онъ.

— Съ 14-го года пришла съ русскимъ солдатомъ изъ Парижа; вышла за него тутъ замужъ, а такъ какъ его звали Ильею, то она и называется *mme Elie*. По русски почти совсѣмъ не выучилась и даже на Ганю ворчитъ по французски.

Сказавши это, Наталья Александровна указала Лицедарскому на дверь, ведущую въ ея комнату.

— Отворите, войдите и все разсматривайте сами.

Лицедарскій отворилъ дверь въ просторную свѣтлую комнату, бревенчатая стѣны которой были гладко выстроганы и ничѣмъ не оклеены. Вся мебель сдѣлана изъ березы и отполирована; на стульяхъ, креслахъ и диванѣ лежали подушечки, обтянутыя парусиной, съ изящно вышитыми по нимъ букетами и вѣнками; скатерти на столахъ тоже изъ парусины, съ вышитыми по угламъ букетами и вѣнками по серединѣ. У входной двери стоялъ большой гардеробъ; въ углу кровать съ покрываломъ тоже изъ парусины съ вышитыми узорами; въ другомъ углу огромный кіотъ съ множествомъ образовъ въ серебряныхъ ризахъ и увѣшанныхъ искусственными цвѣтами; въ третьемъ углу шкафъ со стеклянными дверками, наполненный книгами. На окнахъ тоже парусиновые вышитыя занавѣси, а на скамейкахъ множество горшковъ съ цвѣтами; деревьевъ и всякой зелени было въ комнатѣ очень много.

Лучи солнца, вливаясь въ окна, играли по этой свѣжей желтой мебели и цвѣтамъ.

— Ахъ, какъ тутъ уютно и отрадно, замѣтилъ Лицедарскій, сядя на диванъ. И какой прекрасный воздухъ: запахъ сосны и еще какой-то пріятный ароматъ.

— Резеда цвѣтетъ, сказала Наталья Александровна, снявъ съ головы платокъ и освободившись отъ казачка. Она оказалась въ красномъ платьѣ, спитомъ по крестьянски безъ рукавовъ, вмѣсто которыхъ были бѣлые полотняные рукава кофты. Лицедарскій посмот-

рѣлъ на нее съ ногъ до головы. Въ отвѣтъ на этотъ взглядъ она сказала:

— Я люблю яркіе цвѣта и только въ городѣ надѣваю черное платье.

Потомъ сорвала нѣсколько вѣтокъ резеды и подала ему.

— Вы вѣроятно не знаете, какое значеніе имѣетъ резеда? спросила она, сѣвши возлѣ него на диванѣ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Во-первыхъ, она означаетъ: „ваши достоинства превосходятъ вашу красоту“.

— Съ этимъ значеніемъ и принимаю ее отъ васъ, сказалъ, улыбаясь Лицедарскій.

— Во-вторыхъ, она означаетъ: „твой образъ, забываюсь сномъ, съ послѣдней мыслию сливаю“.

Онъ отдѣлилъ изъ букета нѣсколько цвѣтковъ и подаль ей.

— Съ этимъ значеніемъ возьмите отъ меня, сказалъ онъ.

Она посмотрѣла на него пристально, испытующимъ взглядомъ.

— Отнюдь не шутя? спросила она, принимая цвѣты.

— Я не люблю такихъ шутокъ, да и не съ вами такъ шутить.

Нѣсколько минутъ они просидѣли молча. Она задумчиво глядѣла на цвѣты, а Лицедарскій пристально смотрѣлъ на нее. Наконецъ онъ взялъ ее за руку.

— Возвратилось теперь къ вамъ ваше душевное и сердечное спокойствіе? спросилъ онъ.

— Вполнѣ.

— Въ какомъ отношеніи? Въ томъ-ли, что вы не чувствуете болѣе потребности меня видѣть?

— Нѣтъ, въ томъ смыслѣ я теперь покойна, что вижу васъ здѣсь, хотя и не зазывала васъ къ себѣ.

Наталя Александровна взглянула на часы.

— Назначьте вы, гдѣ намъ обѣдать, здѣсь или въ домѣ? спросила она.

— Не ушелъ-бы отсюда, отвѣтилъ Лицедарскій.

Она вышла приказать Прасковѣ накрывать на столъ.

За обѣдомъ Алексѣй Ивановичъ замѣтилъ, что Наталя Александровна ѣстъ мало мяса.

— Отчего вы мало кушаете мяса? спросилъ онъ.

— Не чувствую потребности.

— Вамъ-бы надо больше употреблять мяса при нашемъ малокровіи, сказалъ онъ.

— Я зимой была такъ блѣдна оттого, что хворала, а вотъ посмотрите, какъ лѣтомъ я безъ мяса поправлюсь. Я замѣчала на многихъ моихъ знакомыхъ, что чѣмъ больше они ѣдятъ мяса для подкрѣпленія своего здоровья, тѣмъ становятся нервнѣе и раздражительнѣе.

— Ну, мы объ этомъ спросимъ мнѣніе доктора, сказалъ Лицедарскій и тутъ же поправился: „врача“. Вѣдь вы не употребляете иностранныхъ словъ. Отчего у васъ такое нерасположеніе ко всему иностранному и европейскому?

— Не могу сказать, чтобы я ненавидѣла все иностранное; но мнѣ кажется, что изъ-за границы къ намъ вывезено съ хорошими товарами много дурныхъ обыкновеній. Я долго путешествовала съ покойнымъ мужемъ, и въ противоположность большинству русскихъ, мало вывезла хорошихъ воспоминаній изъ-заграницы, а самый образецъ человѣка европейца мнѣ сталъ что-то непріятенъ; только и слышишь отъ него: агентуръ, бюро, да ге-

шефтъ. Образовался какой-то бездушный обще-европейскій языкъ, выразительный только для биржи.

— Такъ, но вѣдь нельзя-же отрицать пользу отъ европейскаго просвѣщенія, отъ новѣйшихъ изобрѣтеній, благодаря которымъ мы имѣемъ много удобствъ въ жизни. Вотъ хоть напримѣръ желѣзная дорога; не будь ея, я не могъ-бы въ одинъ день съѣздить къ вамъ и вернуться въ Москву.

— Да, конечно, мы имѣемъ теперь разные, телефоны и микрофоны, телескопы и микроскопы, но вѣдь внутренняя-то сторона, сердце-то человѣческое все то-же.

Обѣдъ былъ конченъ.

— Да, хорошо здѣсь теперь, сказалъ Лецедарскій, сѣвши у окна съ сигарою.—Но неужели зимою вы никогда не чувствуете одиночества и скуки?

— Одиночество, да; но скуки никогда не чувствую; впрочемъ мнѣ некогда бываетъ скучать. Вотъ вы давеча сказали, отчего я не живу въ городѣ. Ну, кому въ городѣ могла-бы я быть полезна? А здѣсь, я знаю, что приношу посильную пользу. Вонъ видите на полочкѣ азбуки, тетрадки? Ко мнѣ съ деревни приходятъ ребяташки учиться грамотѣ и доставляютъ мнѣ и развлеченіе и удовольствіе; потомъ взрослые дѣвушки учатся у меня шить и вязать чулки. Захвораетъ-ли кто, за совѣтомъ-ли какимъ все ко мнѣ бѣгутъ эти безпомощные люди. И такъ въ гости приходятъ, и говорятъ, право, не пусто. Благодаря ихъ рассказамъ, я записала огромную тетрадь народныхъ вѣрованій и преданій, которыя когда-нибудь издамъ, чтобы принести свою лепту для ознакомленія русской „интеллигенціи“ съ русскимъ человѣкомъ. Вчера у меня пили чай два почтенныхъ старожила. Пришли они узнать отъ меня, бу-

детъ-ли война съ Китаемъ? Они помнятъ, что давно, когда они еще были ребятишками, въ деревнѣ былъ дѣдушка Егоръ, который утверждалъ, что придетъ такое время, когда не на лошадяхъ будутъ ѣздить, а на желѣзномъ конѣ, который будетъ питаться деревьями и пожретъ въ Россіи всѣ лѣса. „И правда, говорятъ мои гости, теперь ѣздятъ на желѣзномъ конѣ, про котораго не даромъ сложили пѣсню: „что за лошадь, что за песь, ѣстъ дрова, а не овесъ“. И поѣлъ онъ у насъ ужъ много лѣсовъ. Одно предсказаніе дѣдушки Егора сбылось, какъ-бы не сбылось и другое: онъ все твердилъ, что быть войнѣ съ Китаемъ, а ужъ какъ, говорилъ, „вздымется Китай, такъ сохи бороны кидай.“

Сказавши это, Наталья Александровна вдругъ задумалась; видимо, что-то защемило у нея сердце и на лбу прорѣзалась глубокая вертикальная морщина.

— Какое съ началомъ зимы здѣсь начинается трудное время, продолжала она. Есть крестьяне, которымъ не такъ тяжело; есть между ними и такіе, которымъ трудно по ихъ-же винѣ: пьютъ; но не мало такихъ, которые изо всѣхъ силъ работаютъ и это время страдаютъ невыносимо; напримѣръ одинъ работникъ въ семьѣ, или несчастный случай погубить: послѣдняя скотина падетъ, или семейные перехвораютъ. Я уже много наглядѣлась на нихъ и настрадалась. И вотъ въ это-то время я чувствую, что приношу помощь хотя маленькую, потому что у самой средства не велики. И какъ на грѣхъ, сборъ оброка подгоняютъ или къ храмовымъ или къ годовымъ праздникамъ, такъ что многимъ и праздникъ не въ праздникъ. И она опять задумалась.

— Наталья Александровна, согласны вы будете от-

дать мнѣ на лѣто вашъ пустой домъ? спросилъ Лицедарскій.

Она утвердительно кивнула ему головой.

— Вотъ у васъ и прибавятся средства для помощи меньшей братіи, сказалъ онъ, съ чувствомъ цѣлую ея руку.

Когда Лицедарскій ѣхалъ вечеромъ съ желѣзной дороги, ему безпрестанно попадались щегольскіе экипажи возвращавшихся съ гулянья москвичей. Много сравнений провелъ онъ между сидѣвшими въ этихъ экипажахъ барынями и той одинокой еще молодой и красивой женщиной, которая добровольно отказывается отъ шумнаго свѣта. Онъ чувствовалъ теперь, какъ глубоко засѣла въ его сердце эта странная женщина.

Въ Николинъ день онъ опять пріѣхалъ къ Березиной и уже прямо прошелъ къ ея избушкѣ. Проходя мимо оконъ, онъ видѣлъ, что Наталья Александровна поставила на маленькомъ столикѣ букетъ цвѣтовъ и положила передъ букетомъ земной поклонъ. Это кольнуло его въ сердце. „Странности вслѣдствіе одиночества“, мелькнуло у него въ головѣ.

Когда Прасковья доложила о немъ, хозяйка весело отворила ему дверь и радостно сказала: „Милости прошу“. И потомъ закричала Прасковья: „скорѣй самоварчикъ.“

— Ну чѣмъ васъ угощать? обратилась она къ Лицедарскому. Чаемъ или кофе?

— Позвольте лучше чаю съ дороги, сказалъ онъ, вглядываясь въ ея лицо и отыскивая на немъ слѣды размышленій въ одиночествѣ.

Но лицо ея выражало только удовольствіе его видѣть.

— Ну что, сегодня не видали во снѣ и не имѣли

никакихъ примѣтъ насчетъ моего пріѣзда? спросилъ онъ.

— Ничего рѣшительно: ни сновъ, ни знаменій; спала какъ убитая, какъ всегда лѣтомъ сплю, и занята была такъ, что ни на какія знаменія вниманія не обращала, отвѣтила она спокойно.

Алексѣй Ивановичъ пристально посмотрѣлъ на тотъ столикъ, на которомъ поставленъ былъ букетъ. Только теперь замѣтилъ онъ, что столъ этотъ сдѣланъ былъ въ видѣ жертвенника; на немъ стояла большая темная икона, а передъ ней лежала огромная старинная библія въ кожаномъ переплетѣ. Онъ началъ ходить по комнатѣ, потомъ остановился передъ этимъ столомъ и разсмотрѣлъ икону. Она изображала крылатую женщину, сидящую на престолѣ.

— Какое это изображеніе? спросилъ онъ Наталью Александровну.

— Премудрость Божія, отвѣтила она.

Хотя слова эти произнесены были очень просто, но на этотъ разъ Лицедарскій уловилъ на лицѣ говорившей слѣдъ чего-то.

— Мнѣ никогда не приходилось видѣть этого изображенія, сказалъ онъ.

— Вѣроятно вы видали много разъ, но не обращали на него вниманія; эта икона должна быть во всѣхъ Успенскихъ и Софійскихъ церквахъ, отвѣтила Березина не особенно охотно.

Но это только пуще побудило Алексѣя Ивановича къ дальнѣйшимъ разспросамъ, чтобы набрести на тотъ пунктъ, слѣды котораго онъ подмѣтилъ.

— Разскажите пожалуйста, Наталья Александровна,

если вы хорошо сами знаете, исторію этого изображенія, попросилъ онъ.

— Алексѣй Ивановичъ, займитесь лучше чаемъ и завтракомъ, сказала она, разставляя на столъ посуду.

„Тайная идея фиксъ“, подумалъ онъ.

— А мы можемъ пить чай и разговаривать. Отчего-же вы не хотите подѣлиться со мною своими знаніями, сказалъ онъ мягкимъ тономъ, садясь возлѣ нея и заглядывая ей въ глаза, какъ любимому больному ребенку.

— Я знаю многое, да не хочется что-то объ этомъ говорить, отвѣтила она неохотнѣе прежняго и, пристально посматрѣвъ ему въ глаза, спросила:

— Отчего именно эта икона возбудила ваше любопытство или любознательность?

— Извольте, я откровенно вамъ скажу: во-первыхъ для нея у васъ сдѣланъ особый, такъ сказать, престолъ; во-вторыхъ именно передъ нею вы поставили первые цвѣты, и я видѣлъ, какъ вы клали передъ ней земной поклонъ.

— Я очень чту то, что изображено на этой доскѣ.

— Скажите мнѣ откровенно, почему вы особенно чтите эту икону?

— Я-бы вамъ сказала, да напередъ знаю, что вы посоветуете мнѣ употреблять побольше мяса, холодные души и почаще выѣзжать въ общество. Видите-ли, со мной случилась такая странность, про которую если я говорила образованнымъ людямъ, то получала отъ нихъ именно такіе совѣты; это и отбило у меня охоту говорить.

— А я попросилъ-бы васъ со мною откровенно говорить. Быть можетъ, мы будемъ добрыми друзьями

послѣ того, какъ я у васъ поживу и вы меня лучше узнаете. Вѣрьте мнѣ, что я буду любить все, что вы любите, и буду чтить все, что чтите вы, сказалъ Алексѣй Ивановичъ такимъ дружескимъ тономъ, который покорила наконецъ Наталью Александровну.

— Вотъ какъ это случилось, начала она. Мой мужъ умеръ въ третьемъ годѣ великомъ постомъ. Послѣ его похоронъ, я стала говѣть. Приѣхавши разъ отъ заутрени, я прилегла до часовъ. Мнѣ кажется, что я не спала, такъ какъ видѣла, что Прасковья убираетъ въ комнатѣ; но должна говорить, что спала, потому что въ это-же время я видѣла, какъ передо мною стала крылатая женщина и толковала мнѣ о разумѣ и премудрости, о разсудкѣ и мудрости, и прочла мнѣ, такъ сказать, цѣлый сводъ божественныхъ законовъ. Чтобы не видѣть въ этомъ ничего сверхъестественнаго, я приписала это бреду вслѣдствіе поста и истощенія тѣлесныхъ силъ, хотя, говоря правду, ѣвши постное, я наѣдалась до сыта. Въ ту субботу какъ я пріюбилась, у меня явилось непреодолимое желаніе пересмотрѣть и перебрать все въ кладовой. Когда мы съ Прасковьей тамъ убрали, я велѣла ей снять и обтереть икону. Представьте мое удивленіе: оказалось, что на иконѣ изображена та крылатая женщина, которую я видѣла въ бреду. Понятно, что она не явилась тутъ, но повѣшена по приказанію, быть можетъ, дѣдушки или бабушки; совпаденіе бреда съ иконою можно объяснить случайностью, но вѣдь во всякомъ разѣ случайность странная; меня она поразила. Вы можете подумать, что я въ одиночествѣ сильно предавалась размышленіямъ и полюбила разсуждать о разумѣ и разсудкѣ, и такъ далѣе; ничуть не бывало: я никогда

объ этомъ ни на минуту не задумывалась, а повторяла только то, что слышала въ бреду. Да я вообще не предаюсь никогда глубокимъ размышленіямъ и постоянно занята. Разсмотрѣвши икону, я подумала, что это не есть изображеніе какой-либо святой угодницы; но изображеніе одной ипостаси Высшаго Духа, вселяющейся въ людей чистыхъ сердцемъ; вспомнила, что въ Библии есть Премудрость Соломона и Премудрость сына Сирахова; взяла дѣдушкину Библію и прочла объ премудрости. Премудрость Соломона мнѣ показалось истинною премудростью, потому что онъ говорить, что когда получилъ отъ Бога премудрость, то началъ понимать извѣтіе словесъ, знаменія и чудеса, а мнѣ ясно помнится, что крылатая женщина толковала мнѣ объ извѣтіи словесъ; о томъ, что вѣрованія народныя справедливы; толковала, что истинная премудрость дѣлаетъ добро безрасчетно, безкорыстно, беззавѣтно, но получаетъ награду десятирицею.

Наталя Александровна остановилась.

— На нынѣшній разъ довольно, сказала она. А вы, Алексѣй Ивановичъ, прежде всякихъ разсудительныхъ совѣтовъ прослѣдите внимательно: въ полномъ я разсудкѣ или нѣтъ.

Лицедарскій улыбнулся и кивнулъ утвердительно головою.

Три мѣсяца онъ зорко слѣдилъ за душевнымъ состояніемъ Натальи Александровны, но не нашелъ въ ней ничего похожаго на какую либо душевную болѣзнь или манію. Всегда въ работѣ, всегда веселая; часто, пропалывая грядки съ крестьянскими дѣвушками, она пѣла вмѣстѣ съ ними. Никогда Лицедар-

скій не заставлялъ ея въ задумчивости или углубленную въ чтеніе. Если можно назвать душевною болѣзнію твердую вѣру въ бытіе Высшаго Духа и горячую любовь къ меньшей братіи, то это проявлялось у Натальи Александровны не рѣдко, и когда ей приходилось слышать о чѣмъ либо ловкомъ мошенничествѣ или злой продѣлкѣ, то она съ грустью говорила:

„Вотъ недалъновидный-то человѣкъ: вѣдь онъ очень пострадаетъ за это.“

8 сентября въ большомъ домѣ Березиной за обѣдомъ сидѣло общество изъ нѣсколькихъ московскихъ гостей, присутствовавшихъ въ этотъ день на бракосочетаніи ея съ Алексѣемъ Ивановичемъ Лицедарскимъ.

— Какъ у тебя, Наташа, много сирени въ саду, сказала Екатерина Николаевна.

— Я люблю сирень, отвѣтила Наталья Александровна.

— А я терпѣть ее не могу, потому что она слишкомъ скоро отцвѣтаетъ и напоминаетъ мнѣ, что молодость скоро проходитъ.

— А я за то-то ее и люблю, возразила Наталья Александровна, что она до снѣга сохраняетъ свою зелень и твердость листка и знаменуетъ собою бодрую осень человѣческой жизни, и теперь мнѣ особенно мило это знаменованіе.

— А ты не перестала отыскивать вездѣ знаменій, сказала смѣясь Запольская. Пока ты размышляла, какое будетъ тебѣ знаменіе относительно знакомства съ Алексѣемъ Ивановичемъ, я дала тебѣ разсудительный совѣтъ пригласить его въ маскарадъ и сегодня ты пожинаешь плоды моего разсудка.

— Вы совершенно ошибаетесь, Екатерина Нико-

лаевна, вмѣшался Лицедарскій. Прочитавши приглашеніе въ маскарадъ, я твердо рѣшился не ѣхать и не поѣхалъ-бы, если бы не услыхалъ, какъ серьезно Наталья Александровна спросила меня: „увидимся-ли мы?“ Если бы она со мною поступала шутливо, а не серьезно, то сегодня я не чувствовалъ-бы себя такъ счастливо. какъ я чувствую теперь. На однихъ дѣйствуютъ одни средства, на другихъ другія. Словомъ, у однихъ преобладаетъ разсудокъ, а у другихъ разумъ.

— Алексѣй Ивановичъ! что я слышу? и вы заразились! воскликнула Екатерина Николаевна.

Ночь на Пасху.

(Разсказъ.)

Семнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Срокъ большой, а при воспоминаніи о тогдашней ночи подъ Пасху я всегда вздрагивала и страдала; страдала... одной только мнѣ извѣстно какъ. А всего за два года передъ тѣмъ какъ я мечтала! Какъ радостно билось сердце при мысли о блестящемъ будущемъ! Добрая старая тетушка слышать не хотѣла, чтобы я поступила въ театральнѣй хоръ, и подыскала мнѣ у себя въ Тамбовѣ жениха, какого-то чиновника. Я улыбалась насмѣшливо, читая письма старушки, увѣщавшей меня пріѣхать къ ней и не поступать въ актрисы.

„Это мнѣ-то, думала я, забиться въ глуши, когда учительница пѣнія въ пансіонѣ любовалась моимъ голосомъ, а подружки замирали отъ восторга, когда я пѣла solo? Развѣ можно сравнивать будничную жизнь провинціальной чиновницы съ жизнью столичной пѣвицы?“

И воображеніе мое рисовало картины: большой театръ полонъ. Я пою въ заглавной роли. Голосъ мой разливается. Публика затаила дыханіе. Серебристые

звуки раскатились и замерли. Минута нѣмага восторга, и затѣмъ оглушительный взрывъ рукоплесканій. Я раскланиваюсь. Изъ оркестра мнѣ передаютъ букеты, вѣнки, подарки. Не дурно также исполнять и роль пажа. Мнѣ еще только семнадцать лѣтъ. Костюмъ пажей мнѣ нравится, а въ нѣкоторыхъ операхъ ихъ роль даже не мала. Воображеніе мое играло, играло безъ удержу.

На письма тетушки я перестала отвѣчать, а отправилась въ консерваторію, чтобы прослушали мой голосъ. Меня прослушали и голосъ мой одобрили. Энергично принялась я за хлопоты о поступленіи въ театръ. Опять меня прослушали, и приняли... въ хористки. Маленькое разочарованіе; но унывать не слѣдуетъ. Лишь-бы поступить, а тамъ уже оцѣнять. Вознагражденіе хористокъ было ничтожное, и потому мы съ удовольствіемъ хватались за всякій посторонній заработокъ. Пригласятъ, бывало, въ какойнибудь хоръ, домъ, къ загулявшей компаніи—бѣжимъ съ радостью. И я, сама того не замѣчая, покатила вънизъ по скользкому пути. Вихремъ промчался годъ безпорядочной жизни. Оглянуться на себя, поодуматься—было рѣшительно некогда. На слѣдующій годъ у меня съ режиссеромъ начались частыя непріятныя столкновенія. Въ одномъ изъ нихъ я не выдержала, и наговорила ему много рѣзкостей. Понятно, что послѣ этого я не могла долѣе оставаться въ хорѣ. Дѣло было на масляницѣ. Великимъ постомъ прекратились всѣ мои заработки.

Мало по малу я передвигалась изъ центра города, и къ концу поста очутилась на окраинѣ, въ крошечной комнатѣ у бурнусницы. На страстной недѣлѣ я оказа-

лась въ одномъ платьѣ, лѣтнемъ пальто и старой зимней шапкѣ. Въ такомъ видѣ я стыдилась выходить, чтобы не встрѣтиться съ знакомыми. Нечего и говорить, что весь постъ я сильно постилась, то есть жила въ проголодь. Въ страстной четвергъ я съѣла маленькій калачъ; въ пятницу—ничего; въ субботу меня взялъ страхъ за жизнь, а жить такъ хотѣлось.

Я сидѣла, затворившись въ своей коморкѣ, съ тяжелыми думами, и слушала, какъ моя квартирная хозяйка разсуждаетъ со своею мастерицею о ветчинѣ, куличѣ, пасхѣ; о томъ, какое платье надѣнетъ къ обѣднѣ. Эти женщины искренно радовались великому дню воскресенія. Я-же отъ ранней юности не была религіозна, а потомъ уловила слово „гуманность“.—„Гуманность—вотъ и вся религія“, говорила я. И темными, иногда даже жалкимъ казались мнѣ вѣрующіе, въ родѣ моей тетушки.

Голодъ, однако, меня донимать. Я рѣшилась пойти къ одной хористкѣ, самой доброй и старѣйшей въ хорѣ, которая давно уже устроилась; жила безбѣдно и довольствовалась своею судьбою. Я была увѣрена, что она меня приметъ и даже, пожалуй, выручить. Я дождалась сумерекъ и едва дотащилась до Газетнаго переулка. Къ ужасу моему ея горничная объявила, что Анна Ивановна уѣхала въ Серпуховъ къ роднымъ. Я оставила ей свой адресъ; вышла на улицу и остановилась въ раздумѣ, куда идти? Отъ слабости голова у меня кружилась, а въ желудкѣ начались спазмы. Ко мнѣ подошелъ какой-то мужчина и что-то пробормоталъ. Я разслышала только вопросъ его: „Пойдете со мною?“ Я молча послѣдовала за нимъ. Мы пришли въ небольшую меблированную комнату.

Вскорѣ корридорный принесъ на тарелкахъ закусокъ и двѣ бутылки пива. Я сѣла на диванъ и съ жадностью торопливо принялась за ѣду. Подкрѣпившись пищею, я обратила вниманіе на сидѣвшаго противъ меня молодого человѣка. Онъ былъ брюнетъ, очень красивый, съ черными волнистыми волосами, но съ лицомъ не русскаго типа и интеллигентнымъ. Когда мы разговорились, я рассказала о своемъ выходѣ изъ хора и о трудномъ положеніи, въ которое попала. Онъ внимательно и сочувственно выслушивалъ меня. „Это мой спаситель“, подумала я.

— Неправда-ли, въ комнатѣ душно и дымно; вы позволите отворить половинку окна? спросилъ онъ.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣтила я.

На улицѣ не было слышно ѣзды экипажей; тишина царила необычная. Вдругъ среди этого безмолвія раздался и разлился въ воздухъ густой торжественный звукъ колокола.

Я вопросительно взглянула на сидѣвшаго противъ меня молодого человѣка.

— Распятый воскресъ, сказалъ онъ со странною улыбкою.

На голову мою опустился ударъ молота.

— Какъ ваша фамилья? спросила я его быстро, бросая сыръ и хватаясь за шапку.

— Гольденталь, отвѣтилъ онъ.

Я набросила на себя пальто и выскочила изъ номера.

— Возьмите денегъ, крикнулъ онъ мнѣ вслѣдъ.

Но я бѣжала безъ оглядки. Мнѣ показалось, будто онъ засмѣялся; потомъ словно смѣхъ его подхватили нѣсколько голосовъ. Я бѣжала такъ шибко, какъ толь-

ко позволяли мнѣ мои силы, стараясь обогнать что-то большое, черное, грѣховное и преступное, бѣжавшее рядомъ со мною. Сторонясь отъ людей, выходившихъ изъ церкви, я добѣжала до своей квартиры.

Ученица хозяйки завязывала въ скатерть подносъ, на которомъ лежали куличъ, пасха и яйца; она собиралась нести ихъ въ церковь для освященія. Я вошла въ свою темную, неуютную комнатку и бросилась на кровать въ отчаяніи, такъ какъ тутъ только поняла, что мнѣ никуда не убѣжать отъ ставшаго возлѣ меня страшнаго призрака, какъ не убѣжать отъ самой себя. Я не спала; но безпрестанно забывалась и въ этомъ забытіи мнѣ чудились ужасныя видѣнія.

Утромъ хозяйка окликнула меня и пригласила разговѣться съ ними, Я отказалась, чувствуя себя недостаточною. Два дня я то вставала съ постели и садилась на стулъ, то, чувствуя слабость, опять ложилась на кровать. Мысли путались въ головѣ, и я ощущала только одно, что на моемъ лбу горитъ клеймо позора.

Поздно вечеромъ на другой день я услыхала голосъ хористки, къ которой ходила въ субботу. Она разспрашивала обо мнѣ у хозяйки.

— Онѣ здѣсь живутъ, отвѣчала та; но, должно быть, нездоровы или горе какое съ ними случилось.

Анна Ивановна вошла ко мнѣ, оглядѣла комнату и съ удивленіемъ остановилась передо мною.

— Что съ вами? спросила она. — На васъ лица нѣтъ. Я поспѣшила къ вамъ потому, что моей горничной вы показались разстроенною. Вижу по всему, что вы безъ денегъ. Такъ развѣ можно этимъ такъ убивать себя? Вы-бы давно ко мнѣ обратились.

Она вынула изъ портъ-монэ десять рублей и подала мнѣ.

— Теперь ужъ поздно, сказала я съ отчаяніемъ въ голосъ.

— Что поздно? Можетъ-ли быть въ ваши годы чтонибудь поздно? Особенно съ вашимъ голосомъ! Не въ Москвѣ, такъ можете въ другомъ городѣ поступить на сцену.

— Нѣтъ, со сценою все кончено. Все для меня кончено!

— Да вы, я вижу, больны; у васъ разстройство нервъ отъ тревогъ и лишеній. Это очень понятно; только къ чему приходитъ въ такое отчаяніе.

Я сидѣла со стиснутыми зубами, устремивъ глаза въ одну точку.

— Вотъ что, я васъ такъ не оставлю; поѣдѣте ко мнѣ,—сказала она почти строго и подала мнѣ лежавшія неубранными шапочку и пальто.

Анна Ивановна почти насильно увезла меня къ себѣ; она старалась развеселить меня и заставить разсмѣяться. Пѣла, передразнивала режиссера, или представляла, что она — Патти и заливается трелями.

Столбнякъ, однако, меня не покидалъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ вдругъ меня озарила ужасная догадка. Я въ отчаяніи схватилась за голову и застонала.

— Что съ вами? съ тревогою крикнула Анна Ивановна.

— Бросьте меня! не выручайте меня: я не стою, твердила я съ лихорадочною дрожью.

— Да что, что такое? спрашивала она съ участіемъ.

— Ужасно! ужасно! Я—будущая мать антихриста!

Анна Ивановна покачала головою.

— Ну, теперь я понимаю, какое у васъ горе, сказала она.—Душечка моя, съ кѣмъ такого горя не случилось. Вамъ все представляется въ ужасномъ видѣ, потому что ваши нервы слишкомъ разстроены.

Я молчала. Столбнякъ меня оставилъ. Въ груди что-то закипѣло и забушевало.

„Лишить себя жизни или нѣтъ?“ размышляла я. „Нѣтъ, жизни себя я не лишу, но за то умершвлю свое тѣло трудомъ и постомъ, а душу измучу на поминаніи“. Затѣмъ я какъ будто пробудилась отъ смутныхъ, страшныхъ грезъ; но за то.... возненавидѣла себя.

О! какое это ужасное, мучительное состояніе!

Должно быть, на лицѣ моемъ отразилась рѣшимость.

— Вы что-то задумали нехорошее, съ беспокойствомъ замѣтила Анна Ивановна.

— Ровно ничего, отвѣтила я спокойнымъ тономъ. Мнѣ хочется побольше работать, чтобы поменьше думать.

Послѣ этого я, не разгибаясь, не покладая рукъ, работала, часто замѣняя прислугу. Въ половинѣ января родился ребенокъ—не антихристъ, а дѣвочка. Я назвала ее Христиною, размышляя про себя, что Христосъ долженъ побѣдить въ ней антихриста, и оставила ее при себѣ. Анна Ивановна крестила ее и очень полюбила; но у меня не было къ ребенку никакого нѣжнаго чувства. Часто только я пристально вглядывалась въ глаза дѣвочки, стараясь подмѣтить: нѣтъ ли въ нихъ выраженія лукавой и темной силы.

Черезъ годъ изъ Тамбова пришло извѣщеніе о смерти тетушки и о томъ, что послѣ нея мнѣ остался въ

наслѣдство домъ. Анна Ивановна просила меня оставить Христину въ Москвѣ, но я не согласилась и увезла съ собою.

Поселившись въ своемъ домѣ, я начала приводить въ исполненіе мысль объ умерщвленіи тѣла, терзаніи души и строгомъ воспитаніи Христины. Самый домъ былъ занятъ жильцами. Я помѣстилась въ маленькомъ флигелѣ, устроила себѣ постель на однѣхъ доскахъ кровати, покрытыхъ ковромъ. Въ головахъ положила подушку, набитую сѣномъ. Одѣвалась въ черное коленкоровое платье; также одѣвала и дѣвочку. Сама стирала бѣлье, мыла полы, мела дворъ, готовила кушанье, конечно, самое постное.

Изъ дома я выходила только въ церковь, покрывшись чернымъ платкомъ. Дѣвочку ничѣмъ не занимала: у нея не было ни куколъ, ни игрушекъ. Я не била ее, но обращалась съ ней строго, сурово, какъ бы разговаривала со взрослымъ человѣкомъ. Если она кричала и плакала, я повторяла ей раза три, чтобы она замолчала, потомъ оставляла ее въ покоѣ, и читала про себя „Да воскреснетъ Богъ“. Въ церкви я подводила ее при выносѣ и старалась, чтобы она попала подъ окуриваніе ладаномъ. Еслибы тогда меня видѣлъ психіатръ, онъ назвалъ бы меня душевнобольной; можетъ быть, нашелъ бы даже научный терминъ для опредѣленія моего душевнаго состоянія.

Я какъ будто раздвоилась внутренно. Одно *я* устаетъ, бывало, мыть полы и подумаетъ: „прилечь-бы немного отдохнуть“. Но тутъ-же другое *я* заставитъ меня носить еще воду и безъ передышки дѣлать какое-нибудь дѣло. Одно *я* подумаетъ: „чайку-бы выпить“, какъ другое *я* съ негодованіемъ спрячетъ са-

моваръ подъ столъ и прикроетъ его отъ глазъ. Ребенку тоже не было ни потачки, ни повадки, ни лакомства, ни ласки.

Замѣчательно еще, что я не чувствовала на себѣ свѣта солнца. Все ярко залито солнечнымъ свѣтомъ, а я иду безъ зонтика, будто подъ какою-то тѣнью.

Я лишилась способности плакать, смѣяться, болѣть и простужаться, хотя, вспотѣвъ отъ тяжелой работы, стояла на сквозномъ вѣтру или босикомъ ходила по холодной землѣ на дворѣ.

Въ заутреню на Пасху я съ особеннымъ безпокойствомъ слѣдила, чтобы Христина не задремала и не заплакала, когда запоютъ „Христосъ воскресе!“ Когда ей было пять лѣтъ, она что-то вертѣлась въ церкви, а когда запѣли „Христосъ воскресе“, я по обыкновенію бросилась на землю и велѣла ей встать на колѣни; но она раскапризничалась и начала кричать. Моя тревога усилилась: мнѣ казалось, что въ ней сила бѣсовская мечется отъ присутствія Христа.

Вы-бы ее вынесли изъ церкви, замѣтила стоявшая рядомъ женщина.

— Нельзя, отвѣтила я.

Утромъ Христина попросила у меня кулича.

— Тебѣ нельзя, рѣзко сказала я, и дала ей кусочекъ чернаго хлѣба.

Должно быть, я была страшна въ эту минуту. Дѣвочка съ кускомъ хлѣба забилась въ уголь, тихонько всхлипывала и со страхомъ на меня взглядывала. Замѣтивъ, что она забилась въ лѣвый уголь я вытащила ее оттуда, поставила подъ образами и начала окуривать

ладаномъ. На слѣдующій день я ее приобщила и только послѣ причастія дала ей кулича и пасхи.

Съ годами Христина замѣтила, что всегда на Пасху я бываю особенно сурова и строга къ ней и потому въ это время пугливо смотрѣла на меня, а я въ свою очередь подозрительно всматривалась въ нее.

Первое слово, которое я научила ее говорить, было „Богъ“. Себя я велѣла ей называть „тетя“. Она рано начала учиться читать, и, конечно прежде всего молитвы. Ей тоже не полагалось свободного времени; рано я посадила ее за чулокъ и шитье, а по праздникамъ заставляла читать евангеліе. До сихъ поръ она не знаетъ ни одной свѣтской пѣсни и только иногда напѣваетъ молитвы.

Я жила надеждами на искупленіе, прощеніе и воскресеніе. Эти надежды подкрѣпляли меня, и я твердо вѣрила, что онѣ осуществятся. Но въ чемъ-же проявится это искупленіе, прощеніе и воскресеніе? Я ждала дня, когда почувствую, что тяжесть грѣха снята съ меня; когда я легко вздохну всею грудью, сердце радостно забьется; солнце освѣтитъ меня и отъ этого блаженнаго состоянія, на лицѣ снова появится улыбка, а на глазахъ слезы, но слезы радостныя. Я чувствовала всею душою, что это должно произойти со мною тогда, когда Распятый воскреснетъ и воскреситъ страждущихъ. Но проходили годы, а съ ними и дни Пасхи, для меня болѣе тревожныя, чѣмъ другіе дни въ году.

Христинѣ наконецъ исполнилось шестнадцать лѣтъ. Она выровнилась въ рослую дѣвушку съ моими свѣтлыми волосами, но не съ моими, а съ черными глазами. За послѣдній годъ въ характерѣ ея обнаружилась рѣзкая перемѣна: въ немъ откуда-то взялась само-

стоятельность. Въ обращеніи со мною проявлялись снисходительность и великодушіе здороваго челоуѣка къ больному. Походка у нея стала твердая; движенія ровныя, спокойныя. Она у меня не спрашивала уже позволенія, а прямо заявляла: „Я завтра пойду къ заутрени, а не къ обѣдни.“ Или: „Мнѣ нужно сходить въ лавочку купить коленкору.“

На страстной недѣлѣ, придя изъ церкви, она сѣла шить себѣ бѣлое бриллиантинное платье и кончила его къ четвергу; потомъ выгладила и повѣсила. Въ пятницу безъ спросу принялась чистить образа, убирать комнату. Въ субботу накарсила яицъ и на одномъ изъ нихъ довольно искусно вырѣзала воскресеніе Христа.

Мы отправились къ заутрени. Я, по обыкновенію, съ тревогою, сурово взглядывала на нее; но она стояла спокойно и усердно молилась. „Христосъ воскрес!“ грянулъ хоръ пѣвчихъ. Не успѣла я съ обычнымъ безпокойствомъ взглянуть на Христину, какъ она, съ озареннымъ свѣтомъ лицомъ, какая-то сіяющая, подошла ко мнѣ и радостно сказала: „Христосъ воскрес!“

Передо мною какъ будто явилось изображеніе архангела Гавріила въ бѣлой одеждѣ съ свѣтлыми локонами по плечамъ.

Въ первый разъ въ жизни я обняла ее. Она подавала мнѣ яйцо съ вырѣзаннымъ на немъ воскресеніемъ. Я бросилась на землю; слезы ручьями полились изъ глазъ, а внутренній голосъ твердилъ:

— Нынѣ отпускаеши рабу твою.

Когда, послѣ обѣдни, мы возвращались домой, на душѣ у меня было легко; сердце радостно билось и я чувствовала, что солнце свѣтитъ и на меня.

Загадка.

(Разсказъ.)

— Въдь только въ романахъ мы можемъ читать о такихъ совпаденіяхъ, являющихся, какъ *deus ex machina*, а въ жизни это представляется невѣроятнымъ.

Эги слова говорила мнѣ лѣтомъ одна молодая женщина. Дѣло въ томъ, что она за мѣсяць до встрѣчи со мною получила крайне неожиданно три тысячи руб. въ наслѣдство отъ двоюродной бабки и получила ихъ именно въ такое время, когда ея мужъ потерялъ мѣсто, и они уже начали бѣдствовать, не предвидя никакого хорошаго исхода.

Конечно для молодой женщины, еще почти ничего не испытавшей въ жизни, свалившееся къ ней такъ кстати наслѣдство казалось ей уже необыкновеннымъ случаемъ. Но въ то время, какъ она высказывала мнѣ свое удивленіе, я думала про себя: „Да и въ романахъ не часто прочтешь о такихъ приключеніяхъ, какія случаются въ жизни.“

Недальше, какъ дня за два передъ этимъ я имѣла такую встрѣчу или, лучше сказать, встрѣтилась съ такою загадкою, которая не выходитъ у меня изъ головы.

Начало этой загадки было 27 лѣтъ назадъ. Двадцать семь лѣтъ! Вѣдь это болѣе четверти вѣка! А если болѣе четверти вѣка, то, мнѣ кажется, можно ее рассказать.

Тогда, то есть 27 лѣтъ назадъ, я гостила въ одной сѣверо-восточной губерніи у своей двоюродной сестры, недавно вышедшей замужъ за чиновника родомъ изъ Ковно. Онъ былъ очень благовоспитанный и красивый молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ петербургскомъ университетѣ и пріѣхавшій въ этотъ городъ за три года до женитьбы.

Была зима. Губернскій городъ развлекался, какъ могъ. Кузина, ея мужъ и я, тогда всѣ еще очень молодые, ни одного вечера не проводили втроемъ дома: то въ собраніи, то въ театрѣ, то въ гостяхъ, или у насъ гости и такъ безъ передышки. Разъ кузина и я, оттанцовавши въ собраніи кадрили, направлялись къ дамской уборной. Козловскій, мужъ ея, подошелъ къ намъ и сказалъ, что на часокъ отлучится изъ собранія къ знакомому, по фамиліи Летучихъ. Мы кружились въ танцахъ, не замѣчая времени.

Когда кончился какой-то танецъ, въ залу вошли Козловскій и его пріятель Петровъ, оба очень взволнованные; но кузининъ мужъ старался имѣть спокойный видъ. Когда заиграли кадрили, Петровъ пригласилъ кузину, Козловскій—меня. Мы стали vis-à-vis. Кавалеръ кузины собрался было ей что-то рассказывать, какъ Козловскій подбѣжалъ къ нимъ и сказалъ женѣ:

— Петровъ хотѣлъ сочинить что-то про меня, чтобы напугать тебя. Не слушай его.

Петровъ пристально взглянулъ на него и замолчалъ. Послѣ этой кадрили мы уѣхали дѣмой.

На утро кузина говорила мнѣ, что Витольдъ спалъ очень тревожно; къ утру у него явился сильный жаръ; очевидно, выходя изъ собранія, онъ простудился и теперь остался лежать въ постели.

Въ полдень навѣстить больного пріѣхалъ Петровъ. Затѣмъ вечеромъ тотъ-же Петровъ привезъ съ собою доктора Огіевича. Они пріѣзжали вдвоемъ и еще нѣсколько дней.

Разъ въ корридорѣ возлѣ спальни я остановилась въ раздумьѣ, припоминая, зачѣмъ шла въ столовую? что такое мнѣ нужно было тамъ сдѣлать.

Въ это время въ спальнѣ Огіевичъ говорилъ:

— Сильно больной... Антонъ Кунцевичъ... пересылается на поселеніе въ Томскъ.

— Да, поразительное сходство съ тобою, подтвердилъ Петровъ.

Я не придавала никакого значенія этимъ словамъ. И что могло быть проще и естественнѣе того, что докторъ Огіевичъ, который осматриваетъ и лечитъ пересыльныхъ, рассказываетъ Витольду, что одинъ пересыльный сильно боленъ, а Петровъ, завѣдующій пересыльною тюрьмою, находитъ большое сходство между Козловскимъ и пересыльнымъ Кунцевичемъ.

Я прошла въ столовую и сдѣлала, что мнѣ было нужно. Возвращаясь, я увидала, что дверь въ спальню плотно затворена и тамъ идетъ очень оживленный разговоръ вполголоса.

Черезъ нѣсколько дней за чаемъ Огіевичъ говорилъ кузинѣ, что ея мужъ долженъ серьезно полѣчиться и

на нѣкоторое время совсѣмъ оставить службу, передавъ веденіе дѣлъ другому лицу.

Такъ какъ передавать дѣла не удобно было въ спальнѣ, то больной перешелъ на это время въ кабинетъ и легъ тамъ на большомъ диванѣ. На слѣдующій же день пріѣхалъ чиновникъ для пріема отъ него бумагъ. Передача продолжалась четыре дня.

Еще чиновникъ сидѣлъ въ кабинетѣ, какъ Козловскій позвалъ туда свою жену и сказалъ:

— Душенька, всѣ эти дни ты сидишь дома. Покатайтесь съ Маней; заѣзжайте къ Литашевскимъ; попойте тамъ, поиграйте на рояли, а я, какъ кончу передачу дѣлъ, отдохну.

— Ну пожалуй, мы на часочикъ съѣздимъ, отвѣтила кузина.

— Нѣтъ, нѣтъ, гуляй весь вечеръ; ты очень засидѣлась.

Одѣвшись, мы заглянули въ кабинетъ. Козловскій съ улыбкой поманилъ къ себѣ жену, крѣпко поцѣловалъ ея руку, потомъ въ губы и опять руку; пристально посмотрѣлъ на нее и проговорилъ:

— Желаю тебѣ пріятно провести время.

Литашевскіе жили на противоположномъ концѣ города. Мы проѣхали туда почти полчаса. Въ большомъ и веселомъ обществѣ мы не замѣтили, какъ пролетѣли три часа; такъ что домой мы вернулись уже къ одиннадцати часамъ вечера.

На нашъ звонокъ вмѣсто горничной дверь отворилъ Петровъ и сказалъ, что Витольдъ спитъ. Огіевичъ тихо ходилъ по залѣ, слабо освѣщенной двумя стеариновыми свѣчами. Въ кабинетѣ было почти темно; только въ углу мерцалъ красноватый свѣтъ лампадки.

Вслѣдъ за нами пришла горничная; ее посылали сначала съ запиской на квартиру Петрова, а оттуда въ аптеку, гдѣ ей пришлось долго ждать приготовленія лекарства; такъ что ее тоже весь вечеръ не было дома. Кухарка все время была внизу въ кухнѣ.

Я распорядилась, чтобы въ столовую подали ужинъ и пригласила Петрова и Огіевича. Они хотя и сѣли за столъ, но ѣли мало, а больше пили, и оба были очень взволнованы, хотя старались бодриться и шутить. Кузина замѣтила тревожное выраженіе лица Огіевича и сказала:

— Докторъ. я вижу по вашему лицу, что Витольдъ опасно заболѣлъ. Скажите мнѣ правду.

— Дѣйствительно, Любовь Ивановна, я не совсѣмъ спокоенъ, потому что Витольдъ Игнатьевичъ сильно утомилъ себя этою передачею дѣлъ. Напрасно онъ такъ спѣшилъ. Теперь, какъ я замѣтилъ, съ нимъ начался кризисъ. Переломъ болѣзни можетъ повести къ выздоровленію, а можетъ и...

Люба бросила ѣсть и разрыдалась.

— Я пойду къ нему и просижу возлѣ него въ креслѣ всю ночь, говорила она сквозь слезы.

— Что вы, что вы, Любовь Ивановна, поберегите себя, просилъ ее докторъ. Я и Семень Ивановичъ поочередно будемъ сидѣть возлѣ него, а вы ложитесь отдохнуть.

Но съ Любой сдѣлалась настоящая истерика. Докторъ размѣшалъ въ рюмкѣ успокоительныхъ капель и поставилъ ее выпить; потомъ давалъ ей нюхать спиртъ. Всѣ оставили ужинъ. Продолжая еще тихонько всхлипывать, кузина пошла на цыпочкахъ въ кабинетъ; взглянула на больного, который лежалъ, отвернув-

пились къ стѣнѣ и опустилась въ кресло. Петровъ и Огіевичъ стояли въ дверяхъ кабинета. Черезъ нѣсколь-
ко времени ко мнѣ въ столовую вернулся Петровъ и
попросилъ, чтобы я велѣла поставить самоваръ. А ко-
гда мы уже пили чай, вошелъ Огіевичъ и сказалъ,
что кухня спокойно заснула.

Не смотря на выпитыя двѣ чашки чаю, сонъ смо-
рилъ меня, и я крѣпко уснула. Что было ночью,—я
не знаю. Люба проснулась передъ разсвѣтомъ. Голова
у нея сильно болѣла и она едва поднялась, чтобы
взглянуть на продолжавшаго спать мужа. Огіевичъ
подъ руку довелъ ее до спальни и сказалъ, что Ви-
тольдъ два раза просыпался принимать лекарство. Гор-
ничная и я раздѣли ее и уложили въ постель. Докторъ,
крайне тревожный, безпрестанно подходилъ къ спаль-
нѣ освѣдомиться о Любѣ. Она была въ забытѣи и какъ
будто въ бреду. Когда разсвѣло, Петровъ уѣхалъ, но
вскорѣ вернулся; потомъ на короткое время отлучался
докторъ. Побывъ недолго въ кабинетѣ, онъ вызвалъ
меня изъ спальни въ залу и затворилъ плотно дверь.

— Пожалуйста не отлучайтесь отъ Любови Ивано-
вны, сказалъ онъ. У нея, какъ я замѣчаю, начина-
ется горячка.

— А что Витольдъ? спросила я.

Докторъ смутился. потомъ съ разстановкою прогово-
рилъ:

— Витольдъ. уже отошелъ.... въ вѣчность.

У меня подкосились ноги, и я опустилась на стулъ.
Такъ недавно мы всѣ втроемъ беззаботно веселились,
и вотъ! Витольда уже нѣтъ, а Люба лежитъ безъ
сознанія.

— Бодритесь, бодритесь, говорилъ мнѣ докторъ

Смотрите за больной, а насчетъ похоронъ мы съ Петровымъ распорядимся всѣмъ.

Къ вечеру тѣло Витольда было положено въ гробъ, поставленный въ залѣ на обѣденномъ столѣ. Отставной солдатъ католикъ едва слышно читалъ псалтирь. Я вошла въ залу и поклонилась передъ гробомъ. Въ первый разъ я видѣла близкаго покойника, который такъ недавно былъ полонъ жизни и такъ быстро угасъ. Я была еще очень молода, и мнѣ жутко было вечеромъ поглядѣть на его лицо, на половину прикрытое бѣлою кисеею. Два съ половиною дня тѣло простояло въ залѣ. При немъ поочередно находились то Петровъ, то Огіевичъ; они не допускали въ залу знакомыхъ, ссылаясь на серьезную болѣзнь Любы. Меня тоже все это время удерживали при ней. Только передъ выносомъ тѣла допущены были сослуживцы покойнаго Козловскаго.

Въ городѣ не было католическаго ксендза; поэтому отслужить панихиду и отпѣть пригласили православнаго священника. Все время лицо усопшаго было прикрыто кисеей; его открыли только тогда, когда передъ выносомъ знакомые начали съ нимъ прощаться. Всѣ поражены были происшедшею съ нимъ переменою: волосы потемнѣли, носъ сдѣлался гораздо длиннѣе и тоньше. Едва можно было признать, что это трупъ Витольда.

Когда я высказала свое удивленіе, Огіевичъ началъ мнѣ объяснять научно, вслѣдствіе чего происходитъ съ умершими такая переменна. Я удовлетворилась его объясненіями, но, продолжая глядѣть на покойника, я поразилась переменою въ ушахъ.

— Неужели и уши становятся гораздо больше? Вѣдь

у живаго Витольда уши были очень маленькія, а теперь какія большія, замѣтила я съ удивленіемъ. Огіевичъ, немного смутившись, опять принялся мнѣ толковать о растяженіи членовъ послѣ смерти.

— Боже мой! вскрикнула я, гдѣ-же его обручальное кольцо?

Докторъ взглянулъ на Петрова.

— Когда его стали обмывать, сказалъ Семенъ Ивановичъ, я снялъ кольцо съ пальца и положилъ, помнится, на письменномъ столѣ. Оно или еще тамъ лежитъ, или не захватилъ-ли его этотъ обмывальщикъ. Мы тогда поищемъ; я увѣренъ, что найдемъ.

Но я сама пошла въ кабинетъ искать кольцо и обнаружила другую пропажу.

— Семенъ Ивановичъ, крикнула я Петрову, смотрѣвшему, какъ заколачиваютъ гробъ, съ письменнаго стола исчезла большая Любина фотографическая карточка.

Будьте покойны; потомъ все найдется. Одѣвайтесь скорѣе; сейчасъ гробъ станутъ выносить.

Съ похоронъ Петровъ и Огіевичъ привезли меня домой и напились у насъ чаю. Они чувствовали себя крайне утомленными, но печали никакой не было замѣтно на ихъ лицахъ, несмотря на то, что они считались лучшими друзьями покойнаго Козловскаго.

Люба, благодаря молодости, выздоравливала быстро. Ее исподволь приготавливали къ вѣсти о смерти мужа, такъ что она только тихонько плакала, а не металась въ отчаяніи.

Когда она совсѣмъ уже оправилась отъ болѣзни и разъ при Петровѣ грустила о Витольдѣ, Семенъ Ивановичъ сказалъ ей:

— Еслибы вы все знали, Любовь Ивановна, то вы скорѣе примирились-бы съ его смертью.

— Что такое все? спросила Люба.

— А то, что нетолько вся служебная карьера Витольда Игнатьевича была-бы испорчена, но впереди вся жизнь его, ваша и еслибы у васъ были дѣти, то и дѣтей вашихъ, была-бы чрезвычайно трудна; быть можетъ и непосильно тяжела для васъ.

— Отчего-же это? съ изумленіемъ спрашивала кузина.

— А оттого, что покойный мужъ вашъ, погорячившись, совершилъ такой проступокъ, за который былъ-бы лишенъ и своего дворянскаго званія, и положенія и совѣмъ оказался-бы въ безчестіи, а теперь мы похоронили его съ честью, и вы остались носить безупречное имя.

— Боже мой, Семенъ Ивановичъ, какъ вы меня интригуете! Что-же такое сдѣлалъ Витольдъ?

— А вотъ что: въ послѣдній разъ съ бала изъ собранія онъ пріѣхалъ къ полковнику Летучихъ. Тамъ было много гостей. Я былъ тамъ-же. Вашъ мужъ ходилъ по комнатамъ. Летучихъ, совѣмъ забывъ, что Витольдъ Игнатьевичъ литвинъ, обозвалъ всѣхъ его соотечественниковъ браннымъ словомъ. Витольдъ Игнатьевичъ поблѣднѣлъ, подошелъ къ полковнику и, поймете-ли вы, Любовь Ивановна, нанесъ ему оскорбленіе дѣйствіемъ; да еще какимъ! Отъ изумленія всѣ притихли. Я схватилъ вашего мужа за руку, почти оттащилъ въ прихожую, накинулъ на него шубу, кой-какъ набросилъ на себя пальто, и мы уѣхали. До сихъ поръ не понимаю, какимъ образомъ молва объ этомъ случаѣ не разнеслась на другой-же день по го-

роду. Но я знаю, что Летучихъ началъ дѣло. Со смертью Витольда Игнатьевича дѣло это, конечно, прекращено. Теперь понимаете, Любовь Ивановна, какая бѣда грозила-бы вашему мужу и вамъ?

Когда начались пароходные рейсы, Люба и я возвратились въ родную Москву. Люба очень тосковала по мужѣ и иногда говорила:

— Мнѣ какъ-то не вѣрится, что онъ умеръ. Мертвымъ я его не видала. Въ послѣдній разъ при жизни онъ такъ ласково прощался со мною, когда посылалъ меня прокатиться къ Литашевскимъ. И мнѣ представляется иногда, что онъ только уѣхалъ куда-то.

Я уже давно припоминала всѣ обстоятельства, сопровождавшія смерть ея мужа, и въ меня невольно закралось сомнѣнiе: его-ли мы похоронили? не оплакивали-ли мы того пересыльнаго Кунцевича, который былъ, по словамъ Петрова и Огневича, поразительно похожъ на Витольда. Сдѣлали-же они это ради избавленія своего друга отъ тяжелой кары.

Подмѣна была совершена очевидно тогда, когда насъ отослали къ Литашевскимъ; горничную выслали на цѣлый вечеръ, а кухарка ничего не могла видѣть, потому что все время была внизу въ кухнѣ.

Быть можетъ, и понюхать Любѣ докторъ поднесъ не спиртъ, а какое нибудь усыпительное средство. Этотъ пересыльный не былъ-ли въ горячкѣ, которою потомъ заразилась Люба. А какъ долго меня не допускали къ покойнику, чтобы я не успѣла его разсмотрѣть. А эти большія уши? Развѣ это Витольдовы уши? Докторъ меня только морочилъ своими объясненiями о растяженiи членовъ у покойниковъ. Наконецъ обручальное кольцо очевидно онъ оставилъ у

себя на рукѣ, а фотографическую карточку Любы взять съ собою на память. Больше она никому не была нужна.

Надумавшись въ своихъ предположеніяхъ, я иногда едва сдерживалась, чтобы не высказать ихъ Любѣ и даже нѣсколько разъ уже начинала:

— Люба знаешь, что я тебѣ скажу...

— Что?

Но я опоминалась и равнодушнымъ тономъ продолжала:

— Не пройтись-ли намъ погулять?

Мысли о подмѣнѣ Витольты долго не давали мнѣ покоя. Но летѣли года за годами и унесли четверть вѣка. Воспоминанія ослабѣвали, и я перестала объ этомъ думать. Какъ вдругъ!..

Прошедшимъ лѣтомъ я сѣла въ вагонъ нижегородской дороги на станціи Кусково. Противъ меня сидѣли двое мужчинъ; одинъ молодой, другой уже пожилой и сѣдой. Думая о предстоящихъ покупкахъ, я разсѣянно глядѣла на него. Мало по малу мнѣ начало казаться, что это какой-то мой давнишній знакомый, но инфлуэнца, ослабившая мою память, сдѣлала со мною то, что я стала забывать имена. Гдѣ? когда? при какихъ обстоятельствахъ я знала этого человѣка. Онъ заговорилъ и шепелявое произнесеніе звука с меня еще болѣе убѣдило, что я этого человѣка когда-то хорошо знала. И онъ внимательно и съ любопытствомъ взглядывалъ на меня.

Изъ разговора ихъ я увидала, что они ѣдутъ изъ Сибири въ Западный край.

Поездъ подходилъ къ станціи. Пассажиры засуе-

лись съ багажами. Мои визави собирали съ полокъ свои пожитки.

— Господинъ Кунцевичъ; положите свой чайникъ въ мою корзинку, сказалъ молодой.

„Кунцевичъ,... какъ знакома фамилія“, думала я, стараясь припомнить, какой Кунцевичъ былъ мнѣ хорошо знакомъ.

Въ это время носильщики ворвались въ вагоны и алчно хватались за багажъ пассажировъ. Въ суматохѣ мои визави куда-то скрылись.

И только когда я уже сидѣла въ конкѣ, мнѣ [ясно припомнилось, что фамилія пересыльнаго, похожаго на Витольда, была Кунцевичъ; затѣмъ меня озарила догадка, что пожилой господинъ напомнилъ мнѣ Козловскаго. Теперь онъ долженъ быть именно такой.

Такъ я и не разгадала загадку. А что еслибы на моемъ мѣстѣ въ вагонѣ сидѣла Люба?

Маньякъ.

(Разсказъ.)

На верху висѣли темныя тучи; внизу къ ногамъ липла слякоть, а все пространство между тучами и тротуаромъ наполнено было, какъ паромъ, мельчайшимъ и несноснѣйшимъ осеннимъ дождемъ. Среди холоднаго тумана тускло мерцали фонари; эти газовые фонари, про которые въ дѣтствѣ мы слыхали такія чудеса, будто въ Петербургѣ на Невскомъ отъ нихъ вечеромъ такъ-же свѣтло, какъ днемъ. Тоскливая осенняя картина; ее не замѣчаютъ только тѣ, у кого вслѣдствіе какихъ нибудь удачъ легко и весело на душѣ. А у меня на душѣ было тяжело. Три дня назадъ я пріѣхала изъ деревни въ Москву и поспѣшила побывать у знакомыхъ, которыхъ полгода не видала. Была и въ бѣдныхъ квартиркахъ, была и въ богатыхъ хоромахъ и вездѣ-то одно и то-же: или жалобы на плохую торговлю, или прямо банкротство, или смерть дорогого человѣка, или болѣзнь. Никому изъ всѣхъ этихъ несчастливцевъ облегчить горя не могу, а также не могу не скорбѣть вмѣстѣ съ ними. Впечатлѣніе получилось крайне тягостное, а вѣдь впечатлѣніе и настрое-

ніе духа играютъ громадную роль въ нашей жизни; подѣ вліяніемъ того и другого совершаются и низкіе, и высокіе поступки. Но какъ избавиться отъ тяжелаго впечатлѣнія, отъ тоскливаго настроенія? Что временно ослабляетъ тягость думъ и заботъ? Пока высокое духовно-нравственное удовлетвореніе не облегчитъ тяжести какаго-либо впечатлѣнія, временно ослабляютъ ее внѣшнія удовольствія: тепло, свѣтъ, благоуханіе, музыка и пѣніе. Да, необходимо поспѣть въ свѣтъ и тепло, забыться подѣ звуки музыки или пѣнія. Съ такими мыслями я шла по узкому переулку вдоль длинной каменной стѣны.

Гдѣ-то близко раздался ударъ колокола и разлился въ воздухѣ мягкимъ, вибрирующимъ звукомъ; за нимъ послышался другой, третій ударъ. Да, вѣдь сегодня суббота; это благовѣстятъ ко всенощной. Въ каменной стѣнѣ оказались отворенныя ворота; среди обширнаго двора стоитъ невысокая старинная церковь въ окна ея видна освѣщенная свѣчами и лампадами внутренность храма. „Вотъ тутъ теперь тепло, свѣтло и будетъ благоуханіе и пѣніе,“ подумала я и вошла въ церковь.

Разсматривая изображенія на стѣнахъ этого стариннаго храма, бывшаго нѣкогда монастыремъ, я не замѣтила, какъ онъ наполнился народомъ. Служба уже шла, когда возлѣ меня одна молодая дѣвушка сказала другой: „Вотъ онъ.“ Я посмотрѣла въ ту сторону, куда она указывала, и увидала, что возлѣ лѣваго клироса стоитъ высокій молодой человѣкъ съ густыми, кудрявыми черными волосами, одѣтый въ дешевое драповое пальто. Онъ, кажется, совсѣмъ не клалъ крестныхъ знаменій, но благоговѣйно внимательно слушалъ

службу. Я поняла такъ, что молодыя дѣвушки интересуются имъ, какъ героемъ извѣстнаго имъ романа.

Передъ шестопсалміемъ во всѣхъ нашихъ церквахъ начинается обыкновенно движеніе: кто ищетъ стула присѣсть; кто выходитъ изъ церкви подышать свѣжимъ воздухомъ или даже покурить; кто подходитъ къ знакомымъ перекинуться съ ними нѣсколькими словами. Я обернулась поискать себѣ стула и удивилась, что движенія никакого нѣтъ и всѣ стоятъ на своихъ мѣстахъ, а тѣмъ временемъ посреди церкви возлѣ меня оказался этотъ самый молодой человѣкъ. Онъ глядѣлъ вверхъ, какъ будто тамъ видѣлъ кого. Лѣвая рука его была опущена, правая прижата къ груди. Звучнымъ голосомъ, неторопясь и выразительно, соблюдая всѣ ударенія, онъ наизусть читалъ псалмы. Казалось, онъ никого не видитъ вокругъ себя и потому искренно кается и умоляетъ Бога простить и помиловать его. При нѣкоторыхъ выраженіяхъ покаянія мнѣ казалось, что онъ сейчасъ зарыдаетъ и бросится на землю.

— И вотъ такъ все время будетъ читать на память, шептала дѣвушка своей подругѣ.

— Какъ прекрасно читаетъ! замѣтила одна дама.

Сзади меня велся тихій, но оживленный разговоръ. У стѣны стояла пожилая женщина изъ простого сословія. Ей многіе задавали вопросы, а она, отвѣчая имъ, грустно и тревожно смотрѣла на молодаго человѣка. До моего слуха долетѣли ея слова: „онъ живетъ у насъ“.

Я пристально вглядывалась въ чтеца, стараясь припомнить, гдѣ я его видала, а что гдѣ-то и когда-то я его встрѣчала, въ этомъ я была увѣрена; только гдѣ

и когда? Его лобъ и виски выдавали въ немъ человѣка съ упорною думою, идеею fixe, словомъ маньяка! И меня онъ очень заинтересовалъ. Передъ окончаніемъ богослуженія я подошла къ пожилой женщинѣ и сказала ей:

— Какъ хорошо читалъ псалмы этотъ молодой человѣкъ. Вы, кажется, говорили, что онъ живетъ у васъ?

— Да, онъ у насъ мастеромъ.

— Какимъ мастеромъ?

— У насъ тутъ въ приходѣ сапожное заведеніе.

— Гдѣ-же это онъ такъ хорошо научился читать? продолжала я допрашивать, выходя вмѣстѣ съ ней изъ церкви.

— Мы ужъ грамотнымъ взяли его въ ученье; онъ всегда любилъ книжки читать, а вотъ теперь отъ книжекъ-то этихъ съ нимъ и приключилось... и дочитался.

— Что-же съ нимъ приключилось?

— Вотъ тутъ засѣло, отвѣтила она, указывая пальцемъ на лобъ.

— Разсудокъ разстроился?

— Нѣтъ, онъ очень разсудительный, смирный и старательный, только началъ понимать о себѣ,... будто онъ не человѣкъ. И какъ это съ нимъ началось, мы и не замѣтили. Ну, покупалъ книжечки и покупалъ; по праздникамъ или вечеромъ ихъ читалъ, а тутъ, глядимъ, все вертитъ въ рукахъ одну и ту-же книжечку; читаетъ ее, да перечитываетъ; смотритъ на картинку въ ней, да задумывается. Разъ изъ-за занавѣски, я гляжу, а Михайло то посмотритъ на картинку въ книжкѣ, то на себя въ зеркальцо, да такъ мѣсколько разъ. Потомъ тряхнулъ головою и улыбнулся, и такъ улыб-

нулся, что мнѣ даже жутко стало. Я начала говорить мужу, что съ нашимъ мастеромъ что-то неладно. Мужъ мой говоритъ. „вотъ что, говоритъ, пора ему жениться. Парень онъ смирный и работающій; посватай ему племянницу Аннушку.“ Это дочь моей сестры, моя родная племянница; дѣвушка тоже хорошая. Вотъ я ему разъ и говорю: „Михайло, говорю, не пора-ли тебѣ жениться? У меня и невѣста есть, хорошая и съ приданымъ.“ — „Что вы это, говоритъ, Матрена Васильевна, нешто мнѣ можно жениться?“ — „Да отъ чего-же, говорю, тебѣ нельзя жениться?“ — „Это, говоритъ, даже никакъ не возможно“ — „Отчего же невозможно-то?“ Задумался молодецъ, потомъ говоритъ: „Вѣдь я на землѣ на короткое время“. — „Всѣ люди не на долгое время, говорю, а вѣдь женятся-же. Или ты помирать собираешься?“ — „Не помирать, говоритъ, а жить; только не на землѣ. Черезъ шесть лѣтъ сами увидите, что со мною будетъ“. Я опять таки намекнула ему на женитьбу. А онъ мнѣ говоритъ: „Что-бы ужъ вы, Матрена Васильевна, оставили меня съ эstimъ въ покоѣ, я прямо вамъ скажу: вѣдь я не человѣкъ“. — „Какъ, говорю, не человѣкъ? кто-же ты?“ — „Да я, говоритъ, андиль“. Такъ меня варомъ и обварило. — „Христось надъ тобою, говорю, Михайло, какой-же ты андиль, когда ты изъ пригульныхъ. Вѣдь мы съ Семеномъ Ивановичемъ взяли тебя изъ питомцевъ Вошпитательнаго дома.“ — „Въ томъ-то, говоритъ, и сила, что у меня родителей нѣтъ.“ И съ этого времени сталъ еще тише и смирнѣе, а въ слободное время все псалтырь читаетъ, все грѣхъ какой-то отмаливаетъ. И ужъ такъ намъ его жалко и чѣмъ все это кончится? когда онъ въ себя придетъ—ужъ и не знаю. А что безумнаго въ немъ ничего нѣтъ.

Конечно, эта безграмотная женщина не может догадаться, отчего „приключилось“ съ ихъ мастеромъ, а мнѣ кажется, что онъ читалъ внимательно книжку графа Толстого „Чѣмъ люди живы“ и его поразило въ разсказѣ и въ его жизни совпаденіе мастерства, именъ его, хозяина и хозяйки, а также и то, что онъ не знаетъ своихъ родителей и дѣйствительно очень похожъ на ангела Михаила, нарисованнаго на обложкѣ этой книжечки. Оттого-то, можетъ быть, и мнѣ казалось, будто я его гдѣ-то видала.

Отверженная.

(Разсказъ).

— Извозникъ! на Домниковскую улицу 25 к., кричитъ съ тротуара господинъ.

— Это кое мѣсто будетъ? спрашиваетъ извозникъ.

Наниматель вспоминаетъ, что Домниковскою улица эта называется только на дощечкахъ, прибитыхъ на угловыхъ домахъ; москвичамъ же, особенно извозникамъ, она извѣстна не иначе, какъ Дьяковка.

— Ну на Дьяковку, говоритъ онъ.

— Дьяковку, какъ не знать, отвѣчаетъ извозникъ, и непременно добавляетъ: а далече отъ бань?

Эту чрезвычайно бойкую улицу стараются теперь облагородить улучшеніемъ домовъ; но худая слава долго держится.

Такъ какъ къ Дьяковкѣ ведутъ нѣсколько вокзаловъ, то извозники охотно доставляютъ иногороднихъ прїѣзжихъ въ изобилующіе на ней номера.

А прїѣзжіе, незнающіе какова эта Дьяковка, остаются довольны, что извозникъ взялъ немного и номера не дороги. Такимъ образомъ и мы съ женою по-

пріѣздѣ въ Москву попали въ номера на Дьяковкѣ; но, къ удивленію, въ номерахъ этихъ жили или пріѣзжіе порядочные люди или небогатая интеллигенція, служащая на желѣзныхъ дорогахъ.

Большинство номеровъ занято было людьми семейными.

Дамамъ дозволялось готовить кушанья въ общей кухнѣ и потому онѣ всѣ между собою перезнакомились. Я былъ очень доволенъ, что во время моихъ отлучекъ, жена не сидитъ одна, и возвращаясь, заставалъ у нея цѣлую компанію дамъ.

Черезъ номеръ отъ насъ проживали мужъ и жена по фамилии Гернеръ. Съ этой дамой жена моя сошлась больше чѣмъ съ другими, потому что каждый день въ кухнѣ научалась отъ нея новымъ вкуснымъ и недорогимъ кушаньямъ или какимънибудь рукодѣльямъ. Одѣвалась г-жа Гернеръ просто, но съ большимъ вкусомъ и по послѣдней модѣ.

Только внимательно присмотрѣвшись къ ея костюму, можно было догадаться какихъ ухищреній стоило ей сдѣлать изъ разныхъ лоскутковъ цѣлый приличный нарядъ. Шила же она все сама не только на себя, но даже на мужа.

Каждый вечеръ сосѣдки собирались у насъ и очень пріятно бесѣдовали на различнѣйшія темы, начиная отъ нарядовъ и кончая политикой и религіей.

Не знаю почему на жену мою напала манія увѣрять и доказывать разными примѣрами, что если челоѣкъ сдѣлалъ преступленіе и оно сошло ему съ рукъ, то непременно онъ попадется въ чемъ нибудь другомъ или вынужденъ будетъ обстоятельствами поступить

такъ, что наконецъ будетъ осужденъ и понесетъ на землѣ наказаніе.

Когда жена съ необыкновеннымъ жаромъ повторяла эти убѣжденія, даже ораторствовала, глядя прямо въ глаза своимъ слушательницамъ, г-жа Гернеръ начинала глядѣть внизъ и на губахъ ея блуждала странная улыбка, а если въ числѣ присутствовавшихъ бывалъ ея мужъ, то она съ тою, но еще болѣе выразительною улыбкою поднимала глаза на него и какъ будто молча спрашивала его: „Неужели это вѣрно?“ Разъ я не выдержалъ и спросилъ жену:

— У тебя нѣтъ другаго разговора, какъ о преступленіи и наказаніи? Что съ тобою дѣлается съ нѣкоторыхъ поръ?

— А вѣдь это правда, замѣтила жена. Я пожалуй всѣмъ вамъ наскучила моими философскими или ужъ не знаю какими разсужденіями. Милая мадамъ Гернеръ, я вамъ больше всѣхъ надоѣдаю со своими неотвязчивыми мыслями, а вы такъ терпѣливо меня выслушиваете.

На губахъ у г-жи Гернеръ появилась ея странная улыбка и она промолчала.

Молоденькая жена студента разъ глядя на мою жену сказала:

— Объясните мнѣ пожалуйста, отчего это, когда я встрѣчаюсь одна въ корридорѣ съ вашей пріятельницей, мадамъ Гернеръ, то непременно вся вздрогну, какъ ужаленная, и почему-то ее боюсь, хотя знаю, что она очень милая, такая благовоспитанная, такая обходительная.

— Это несчастная въ замужествѣ женщина, отвѣтила жена.

Кромѣ замѣченной мною у г-жи Гернеръ странной улыбки при упомянутыхъ разглагольствованіяхъ моей жены, я въ ней ничего особеннаго не находилъ. Росту она маленькаго, худая брюнетка, цвѣтъ лица блѣдно-смуглый. Спина немного выпуклая, а носъ и ротъ самые обыкновенные; но болотно-зеленоватаго цвѣта глаза то выражаютъ мольбу, то грусть, то небезпричинную жестокость. Тихія, мягкія манеры внушали къ ней довѣріе.

Мужъ ея высокій, рыжій, съ придавленнымъ лбомъ, отнюдь не имѣлъ вида человѣка образованнаго. Да онъ и не пускался въ мудреные разговоры, а въ практическихъ знаніяхъ былъ замѣчательно свѣдущъ и опытенъ. Чего только онъ не умѣлъ самъ сдѣлать? Часы разбиралъ и исправлялъ какъ часовщикъ; сапоги чинилъ какъ сапожникъ; стряпалъ какъ поваръ; мѣховыя шапочки шилъ какъ шапочникъ.

Жена его давала уроки иностранныхъ языковъ, а онъ ждалъ обѣщанную ему должность кондуктора на конкѣ.

Проходя мимо ихъ номера по корридору, сосѣди слыхали иногда, какъ онъ кричалъ:

— Гадина! перестанешь ты когда нибудь врать?

И дамы ужасались, слыша такія слова.

— Нужно совершить большой грѣхъ передъ Богомъ, чтобы заслужить себѣ подобнаго мужа, говорила одна квартирантка.

Разъ послѣ такой домашней сцены, когда самъ Гернеръ ушелъ со двора, моя жена вошла въ ихъ номеръ и застала г-жу Гернеръ въ глубокой задумчивости, такъ что она не замѣтила ея прихода, а когда жена окликнула ее, она такъ вся задрожала, что руки долгое время не могли придти въ спокойное состояніе.

— О чемъ вы такъ задумались? спросила жена.

По губамъ г-жи Гернеръ скользнула ея странная улыбка. Она немного помолчала, а потомъ едва слышно проговорила.

— Едва могу совладѣть съ собою; такъ и хочется отравить его.

Жена въ ужасѣ отскочила.

— Что вы это говорите! сказала она. Если Господь послалъ вамъ такой крестъ, значить, Онъ васъ любить. Терпите до конца.

— Вѣдь я совершенно невѣрующая, твердо проговорила г-жа Гернеръ.

— Это очень жаль, замѣтила жена.

— Мнѣ такъ лучше, заговорила медленно г-жа Гернеръ. Если бы я была вѣрующая, мнѣ не захотѣлось бы жить, а въ безвѣріи такъ хочется жить, наслаждаться жизнью.

— Мнѣ, думается, наоборотъ, сказала жена.

Г-жа Гернеръ отрицательно покачала головою.

— Если бы вы были вѣрующая, продолжала жена, вамъ не пришла бы въ голову такая страшная, такая ужасная мысль—лишить человѣка жизни.

Гернеръ устремила на мою жену долгій, пристальный и такой странный взглядъ, отъ котораго той стало жутко, и она вышла, размышляя про себя: „Что означаетъ этотъ взглядъ? отчаяніе ли? зависть ли моему семейному спокойствію?“

Вечеромъ, проходя по корридору, я услыхалъ, хотя и черезъ затворенную дверь, что Гернеръ громко говорилъ:

— Гадина! вѣдь благодаря моему имени съ тобою

разговариваютъ порядочные люди. Въ ихъ ли обществѣ твое мѣсто? Ты должна бы теперь быть на кат...

Вслѣдъ за этимъ послышалось сильное движеніе, возня, и мужъ хриплымъ голосомъ кричалъ:

— Нѣтъ... со мною тебѣ не сладить... я не дѣвочка.

Я вошелъ въ свой номеръ и сказалъ женѣ:

— Этотъ грубый нахаль, кажется, бьетъ свою жертву.

— Заступись за нее, пожалуйста, просила жена. Въдь отъ отчаянія бѣдной женщинѣ приходятъ въ голову ужасныя мысли.

Въ это время въ прихожей послышался, какъ всегда, вкрадчивый и ласковый голосъ г-жи Гернеръ.

— Позвольте минутку у васъ посидѣть, вздохнуть и всплакнуть.

— Отдохните, дорогая моя, сказала жена. Вотъ сядьте тутъ въ темнотѣ на диванъ и поплачьте, а я стану подрублять платки.

И жена сѣла въ уголъ комнаты, освѣщенный лампою подъ темнозеленымъ абажуромъ.

— Петя, обратилась она ко мнѣ, голубчикъ, поди къ г. Гернеру; усовѣсти его; скажи, что такъ нельзя обращаться съ женщиною.

Я вошелъ къ Гернеру. Онъ спокойно сидѣлъ передъ лампою и пришивалъ оторванный отъ пиджака воротникъ.

— Извините, сказалъ я, садясь въ кресло, что я позволяю себѣ вмѣшиваться въ ваши семейныя дѣла; но тяжело видѣть, какъ такую деликатную и порядочную женщину вы подвергаете, простите меня, грубому обхожденію.

Гернеръ поднялъ голову отъ работы и просто проговорилъ.

— Въдь это изъ дряней дрянь. Когда ей напominiшь объ... одномъ ея... поступкѣ, она сейчасъ бросается меня душить своими цѣпкими руками. Да со мною ей развѣ сладить? Видите, какой я здоровенный. Только вотъ воротникъ оторвала. А поглядите, какъ я пришиваю, какъ настоящій портной. А часы-то, слышите, какъ ровно ходятъ. Купилъ этотъ будильникъ со всѣмъ испорченный на Сухаревкѣ у какого-то мальчишки за четвертакъ.

И Гернеръ занялъ и заинтересовалъ меня практическими разговорами. Наконецъ воротникъ былъ пришить. Гернеръ полюбовался на свою работу и сказалъ:

— Будьте добры, вызовите мою жену изъ своего номера. Мнѣ сильно ѣсть хочется, да ужъ и пора ужинать.

Когда я вошелъ къ себѣ, объ женщины, сидѣвшія въ темномъ углу, быстро вскочили. Гернеръ поспѣшно ушла, а жена моя остановилась посреди комнаты съ опущенными руками и не шевелилась.

— Что ты стоишь, какъ статуя? спросилъ я.

— Ой, погоди, дай опомниться, тихо проговорила жена.

— Что такое случилось?

Жена опустила въ кресло и начала рассказывать:

— Я сидѣла въ свѣтломъ углу и шила. Въ темномъ углу на диванѣ слышались тихіе вздохи. Я говорю: „какъ могли вы, мадамъ Гернеръ, вступить въ такой неравный бракъ? Вы—образованная, тактичная, деликатная, а мужъ вашъ, извините меня, такой грубый и невѣжливый“.

Въ темиомъ углу слышался глубокий вздохъ и тихій голосъ:

— Нужно было переимѣнить фамилію.

— А какъ была ваша фамилія до замужества? спросила я.

Въ темномъ углу продолжительное молчаніе.

— Ну, скажите-же, настаивала я.

— Если я назову свою прежнюю фамилію, вы отъ меня отвернетесь, какъ отъ отверженной. Всѣ отъ меня отворачиваются, когда узнаютъ кто я. Вы, вѣроятно, читали тотъ громкій процессъ, въ которомъ я фигурировала, проговорила по прежнему тихо и уныло Гернеръ.

У меня съ быстротою молніи промелькнуло въ головѣ, что одинъ процессъ оставилъ во мнѣ страшное впечатлѣніе: помнишь дѣтубійство съ корыстною цѣлью десять лѣтъ назадъ. Подозрѣніе, вѣдь, падало на мужчину и на женщину; я тогда назвала эту женщину извергомъ и представляла ее себѣ чудовищною, а отнюдь не похожею на эту маленькую и благовоспитанную Гернеръ.

Въ эту минуту у меня упалъ на полъ наперстокъ. Я нагнулась его поднять и проговорила:

— Такъ какъ-же была ваша прежняя фамилія?

Изъ глубины темнаго угла слышалась фамилія той подсудимой. Я похолодѣла; но потомъ подумала, что это съ моей стороны слабость. Взяла стулъ; поставила его прямо противъ нея; нагнулась къ ней лицомъ къ лицу и тихонько спросила:

— Кто-же убійца?

Она молчала; только на губахъ появилась, знаешь, эта ея странная улыбка; потомъ губы перекосило, а глаза

сдѣлались такіе страшные, такіе страшные! Лицо какъ-то слилось съ темнотою угла и только эти глаза блестя и приближались ко мнѣ. Меня охватилъ ужасъ и я вскочила; я даже не знала, что ты вошелъ. Эту женщину я представляла себѣ всегда совсѣмъ другою. Помнишь, на судѣ и въ газетахъ говорили, что она ненормальная—сама не знаетъ, что говорить и дѣлаетъ, а между тѣмъ изъ всѣхъ здѣсь живущихъ дамъ самая сдержанная и тактичная эта Гернеръ. У нея каждое слово и каждый шагъ обдуманы.

По настоятельной просьбѣ жены я досталъ газеты, въ которыхъ печатался этотъ громкій процессъ. Наружность подсудимой, по описанію газетнаго отчета, и Гернеръ была тождественна.

Впродолженіе нѣсколько дней мы не встрѣчались съ Гернерами и они къ намъ не заходили. Въ одинъ вечеръ Гернеръ напился пьянъ и шумѣлъ въ своемъ номерѣ. Когда онъ вышелъ въ корридоръ, жена его заперлась. Онъ ходилъ по корридору взадъ и впередъ и всякій разъ стучалъ въ свою дверь; наконецъ онъ остановился передъ своимъ номеромъ и громко крикнулъ:

— Отоприте! А то вѣдь я всѣмъ расскажу, кто вы такая.

Послѣ этихъ словъ г-жа Гернеръ отперла ему дверь.

На слѣдующее утро горничная принесла моей женѣ записочку, въ которой г-жа Гернеръ говорила, что тиранъ ея ушелъ; она лежитъ больная и хотѣла-бы побесѣдовать съ нею.

— Мнѣ теперь какъ-то жутко оставаться вдвоемъ съ этой женщиной, замѣтила жена. Но любопытно, что хочетъ она мнѣ сказать. Впрочемъ, теперь день. Похо-

ди по корридору, пока я тамъ буду сидѣть, а дверь ея я оставляю пріотворенною.

Жена вошла въ номеръ къ Гернеръ, а я началъ ходить по корридору. Нѣкоторое время тамъ было тихо, едва слышался слабый женскій голосъ. Потомъ вдругъ раздался топотъ нѣсколькихъ ногъ. Я быстро отворилъ дверь. Жена блѣдная упала прямо мнѣ на руки. Сзади ея стояла въ бѣлой юбкѣ и бѣлой кофтѣ, въ однихъ чулкахъ, Гернеръ.

— Что такое случилось? спросила я.

— Ваша жена такъ мнѣ сочувствуетъ; говорила такъ утѣшительно, что я вскочила съ постели и хотѣла обнять ее, но она почему-то побѣжала, произнесла Гернеръ обычнымъ вкрадчивымъ тономъ, глядя на меня своими умоляющими глазами.

Жена крѣпко взяла меня подъ руку и тихонько сказала:

— Пойдемъ поскорѣе къ намъ.

Долго она не могла придти въ себя и даже вздрагивала.

— Расскажи, что такое между вами произошло? спросилъ я.

— Я вошла къ ней; она лежитъ вся въ бѣломъ и голова повязана бѣлымъ, только эти страшные глаза... ахъ какіе страшные! Я сѣла на стулъ въ дверяхъ спальни. Ближе къ ней какъ-то жутко было сѣсть. Она рассказывала свою прежнюю жизнь, какъ она была чиста и нравственна, пока съ ней не случился переворотъ, когда она влюбилась въ первый разъ. Она вѣдь не жена Гернера; у него есть законная жена, которая давно съ нимъ не живетъ, а эта у него на порукахъ и потому должна находиться постоянно при немъ. Жаловалась мнѣ, какой онъ тиранъ. Говорила, что у нея

начинаетъ болѣть грудь отъ тревожной жизни съ нимъ; боится, что какъ бы это не было началомъ чахотки, а ей такъ сильно хочется жить; она любитъ земныя блага и тому подобное. Когда она это говорила, у меня вдругъ вырвалось: „А развѣ не хотѣлось жить тому ребенку?“

Какъ она вдругъ вскочить съ кровати со страшнымъ выраженіемъ лица и уцѣпилась руками въ мое горло. Я едва вырвалась и побѣжала безъ памяти. Мнѣ кажется, она хотѣла меня задушить.

Мнѣ вспомнились слова Гернера: „когда ей припомнишь объ одномъ ея поступкѣ, она бросается душить.“

Жена весь день была разстроена; не выходила въ въ корридоръ и меня не отпускала отъ себя, а на слѣдующій день Гернеры выѣхали изъ номеровъ, такъ какъ онъ получилъ мѣсто кондуктора на конкѣ.

Вскорѣ и мы уѣхали изъ Москвы.

Конфета.

(Разсказъ).

Довольно просторная комната, оклеенная дорогими обоями, раздѣлена на двѣ половины синей занавѣсью изъ толстой шелковой матеріи. Красивая низенькая и мягкая мебель обита такою-же синею матеріей. Въ правомъ углѣ стоитъ изящной работы изъ чернаго дерева кюль, за стекломъ котораго видно мраморное Распятіе. Въ простѣнкѣ между окнами отъ самаго пола большое трюмо.

На столѣ передъ диваномъ слабый свѣтъ лампы съ темнымъ абажуромъ выдѣляетъ изъ полумрака блѣдное, но красивое и пріятное лицо мужчины лѣтъ тридцати, задумчиво сидящаго въ креслѣ.

По ту сторону драпировки въ большой кровати среди множества подушекъ видно исхудалое и блѣдное лицо женщины, на которомъ выражается и страданіе болѣзненное, и нетерпѣніе, и временами злоба. Непріятно, даже жутко было-бы видѣть постоянно возлѣ себя это лицо.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ кровати за столомъ, заставленнымъ стеклянками съ лекарствами, сидитъ по-

жилая съ добрымъ лицомъ сестра милосердія, а возлѣ самой кровати въ ногахъ на скамеечкѣ пріютилась горничная, уже не молодая и имѣющая видъ старинныхъ вышколенныхъ дворовыхъ дѣвушекъ.

Больная нетерпѣливо заметалась въ подушкахъ и едва слышно, съ разстановкой и капризнымъ голосомъ, забормотала:

— Варвары, закройте форточку. Вы рады, что я не могу встать. Вы хотите, чтобы я поскорѣ умерла. Дождетесь, дождетесь.

Горничная и сестра милосердія бросились за драпировку посмотрѣть не отворена-ли дѣйствительно форточка, а сидѣвшій господинъ быстро всталъ съ кресла и подошелъ къ кровати.

— Успокойся, душенька, форточка давно закрыта, сказалъ онъ тихимъ и мягкимъ голосомъ.

Больная взглянула на него и злобно прошептала:

— Погодите радоваться: скоро будете свободны и тогда безобразничайте открыто.

Онъ опустилъ глаза, тихонько вздохнулъ и возвратился на свое кресло. Прошло еще нѣсколько минутъ. Больная опять начала метаться въ кровати.

— Приведите ко мнѣ дѣтей, слабымъ голосомъ сказала она.

Мужъ опять подошелъ къ ней.

— Милая, теперь ужъ десять часовъ; дѣти спятъ, заговорилъ онъ. Если разбудить ихъ, то пожалуй испугаешь.

Больная посмотрѣла на него взглядомъ змѣи и по змѣиному-же прошипѣла:

— Варваръ, тиранъ, злодѣй! Вы даже не хотите до-

пустить, чтобы мать, умирая, благословила своихъ дѣтей. О, Господи! пошли мнѣ только терпѣніе!

— Аннушка, разбуди тихонько дѣтей и принеси ихъ сюда, сказалъ онъ съ грустью горничной.

Въ это время больная умолкла, затихла и, не шевелясь, вперила внимательно глаза въ пустое пространство, какъ будто видѣла передъ собою что-то, отъ чего не могла оторваться.

Аннушка и няня принесли двухъ малютокъ и, держа ихъ на рукахъ, стали возлѣ кровати въ ожиданіи, когда мать обратитъ на нихъ вниманіе, но больная продолжала лежать, какъ статуя, и упорно глядѣть въ одну точку. Вдругъ на лицѣ ея выразился ужасъ и она прошептала:

— А на другой ничего!... погибла!... Ахъ! конфета... та самая... Надѣ Поповой.

Послѣ этого она закрыла глаза и тихо уснула. Малютки тоже задремали и отецъ велѣлъ унести ихъ въ дѣтскую. Возвратясь оттуда, горничная изъ-за занавѣски тихонько отозвала его и радостнымъ шепотомъ доложила:

— Петръ Ивановичъ пріѣхали и сидятъ у васъ въ кабинетѣ.

— Хорошо, я пойду къ нему, а ты тогда позови меня, если барыня проснется или что спросить.

И онъ на цыпочкахъ пошелъ въ кабинетъ. Горничная съ сожалѣніемъ посмотрѣла ему вслѣдъ и подумала: „мученикъ, сердешный“!

Войдя въ кабинетъ, онъ радостно улыбнулся, увидавъ брата. и сердечно обнялъ его.

— Спасибо, Петя, что пріѣхалъ ко мнѣ въ такую трудную для меня минуту, говорилъ онъ, цѣлуясь съ нимъ.

Они усѣлись въ кресла и закурили сигары.

— Бѣдный Одея, какъ ты исхудалъ и измѣнился, сказалъ Петръ Ивановичъ, съ грустью вглядываясь въ брата. Хоть я и далъ обѣщаніе, что моя нога не будетъ у тебя въ домѣ, но мама, сестры и вообще всѣ мы такъ нетерпѣливо желаемъ знать, въ какомъ положеніи теперь болѣзнь твоей жены, что я рѣшился нарушить свое обѣщаніе.

— Плохо, очень плохо, съ искреннею печалью отвѣтилъ Оедоръ Ивановичъ.

Братъ пристально на него смотрѣлъ и качалъ головою.

— И ты опасаясь, что она не выздоровѣетъ? спросилъ онъ съ сожалѣніемъ.

— Да.

— Одея, Одея, иеужели ты недостаточно настрадался? Ты знаешь, что отнюдь не въ правилахъ нашего семейства одобрять разрушеніе браковъ, но вѣдь мы всѣ хорошо знаемъ какъ ты, благодаря своему честному характеру, оказался скрученнымъ женитьбою съ женщиною, въ сравненіи съ которой шекспировская „Строптивая“—ангелъ кротости. Посмотри, на кого ты сталъ похожъ. Прости мнѣ, но я откровенно тебѣ говорю, что мы всѣ желаемъ, чтобы наконецъ Самъ Господь освободилъ тебя. Вѣдь не станешь ты отрицать, что она тебя не мучила ежеминутно, а можно-ли любить своего мучителя?

— Должно и можно любить свой крестъ, мать своихъ дѣтей, сказалъ тономъ убѣжденности и покорности Оедоръ Ивановичъ.

— Я вижу, Одея, ты проникся толстовскимъ ученіемъ о несопротивленіи злу.

— Не толстовскимъ; это правило, и съ большимъ челоѣколюбіемъ, чѣмъ у него, преподано было гораздо раньше его. Да, я не сопротивляюсь; согласенъ, что моя жена имѣетъ крупныя недостатки, но я не виню ее за нихъ; я пришелъ къ тому убѣжденію, что сама она не виновата, имѣя такой характеръ.

— Какъ не виновата? Развѣ невольно, не обдуманно писала она анонимныя письма, полныя клеветы на молодыхъ дѣвушекъ, твоихъ-же сестеръ? Выдѣ только жалѣя тебя, я не привлекъ ее къ суду. Развѣ не обдумавши напередъ, обвиняетъ она постоянно своихъ прислугъ въ воровствѣ у нея цѣнныхъ вещей и треплетъ по камерамъ мировыхъ судей честное имя нашей семьи? Я знаю, что послѣднее дѣло стоило тебѣ большихъ хлопотъ и денегъ, чтобы уговорить кормилицу не начинать дѣла о клеветѣ.

— И все таки она не виновата, съ твердостью повторилъ Федоръ Ивановичъ.

— Что съ тобою, Одея?

— Да, я пришелъ къ тому убѣжденію, что при самомъ рожденіи люди получаютъ отъ природы тотъ или другой типъ характера, а опредѣленныхъ такихъ типовъ три: одинъ, наиболѣе распространенный, это — средний, такъ сказать, челоѣческій типъ; онъ относится къ остальнымъ двумъ, какъ туловище къ крыльямъ у существъ крылатыхъ. Самое большое число людей обладаетъ такимъ характеромъ: Семень обидѣлъ Ивана, Иванъ жалуется на него мировому судѣ; обидитъ Иванъ Семена—Семень тянетъ его къ мировому. Словомъ, поступаютъ по моисеевски: око за око и зубъ за зубъ. Затѣмъ—лѣвое крыло: это типъ гонителей и оскорбителей, какъ на примѣръ истори-

ческія лица: Саулъ, Неронъ и другіе. Наконецъ правое крыло: типъ характера смиренныхъ и гонимыхъ, какимъ былъ кроткій Давидъ. Средній типъ характера остается навсегда неизмѣняемымъ; остальные-же два, вслѣдствіе какого нибудь случая, выходящаго изъ обыкновеннаго порядка вещей, могутъ измѣняться, и гонители превращаются въ кроткихъ.

— Оеда, Оеда, съ грустью сказалъ его старшій братъ, я вижу, что горе и страданія выработали изъ тебя какого-то мистика. Но уже во всякомъ случаѣ по своей теоріи ты не причислишь Евгенію Петровну къ правому крылу?

— Нѣтъ. Я причисляю ее дѣйствительно къ лѣвому; но, повторяю, она въ этомъ не виновата.

^{Видно, что} Петръ Ивановичъ печально покачалъ головою.

— Ну, прощай, Оеда, сказалъ онъ, вставая и обнимая брата. Я очень радъ былъ тебя увидать; только прошу тебя, береги себя и не предавайся мистическимъ размышленіямъ.

Возвратившись въ спальню, Оедоръ Ивановичъ тихонько подошелъ къ кровати больной и, увидавъ, что она продолжаетъ спокойно спать, прошелъ въ столовую, гдѣ за круглымъ столомъ уже сидѣла и закусывала сестра милосердія.

— Евгенія Петровна съ тѣхъ поръ не просыпалась? спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ; это у нея въ первый разъ такой покойный сонъ, отвѣтила она. Богъ милостивъ, можетъ быть, теперь дѣло пойдетъ къ выздоровленію.

Говоря это, въ глубинѣ души сестра милосердія очень жалѣла Оедора Ивановича, такъ какъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ его домѣ,

она не мало насмотрѣлась, какъ онъ страдаетъ отъ жены и терпѣливо переносить эти страданія.

По окончаніи ужина они оба возвратились въ спальню. Тамъ все было тихо. Ѳедоръ Ивановичъ сѣлъ въ кресло и задремалъ. Такъ прошло часа два. Наконецъ больная проснулась. Горничная привстала со своей скамеечки и вопросительно ждала, чего потребуетъ барыня; но барыня пристально на нее посмотрѣла, слабо улыбнулась и сказала:

— Бѣдная Аннушка, какъ ты измучилась со мною. Поди отдохни.

Горничная, не привыкшая къ такому ласковому тону и такимъ добрымъ словамъ со стороны своей госпожи, стояла въ недоумѣніи: какъ принимать ей эти рѣчи больной: за дѣйствительность или за бредъ.

— Ступай, милая, отдохни, повторила больная.

— Ничего-съ; я посижу, пока Любовь Алексѣевна отдыхаютъ, отвѣтила она.

Услыхавъ разговоръ, Ѳедоръ Ивановичъ очнулся отъ дремоты и подошелъ къ кровати. Больная встрѣтила его долгимъ, внимательнымъ и нѣжнымъ взглядомъ.

— Милый мой, заговорила она ласковымъ голосомъ, раздѣнься, лягъ спать въ кабинетъ; вѣдь ты очень изнурился безъ сна эти ночи.

Ѳедоръ Ивановичъ нагнулся поцѣловать ея исхудалую руку, а она съ искреннимъ чувствомъ поцѣловала его.

— Ну хорошо, я пойду спать, сказалъ онъ. И ты постарайся опять заснуть. Я такъ былъ радъ, что ты нѣсколько часовъ проспала спокойно.

— Милый, добрый, другъ мой, говорила Евгенія

Петровна совершенно несвойственнымъ ей ласковымъ голосомъ.

Аннушка, сидя на скамейкѣ, не вѣрила своимъ ушамъ и глазамъ.

Всю ночь больная не тревожила никого своими капризами; напротивъ, если къ ней подходили съ лекарствомъ или спрашивали, не нужно-ли ей что, она отвѣчала самымъ добрымъ тономъ, стараясь никого не беспокоить.

На утро, когда Ѳедоръ Ивановичъ вошелъ въ спальню, Евгенія Петровна радостно встрѣтила его. Она давно уже проснулась и нетерпѣливо его ждала.

— Хорошо-ли спалъ, мой другъ? ласково спросила она.

— Очень хорошо, а ты какъ себя чувствуешь?

— Тѣломъ, конечно, слаба; но на душѣ такъ хорошо, какъ будто въ эту ночь я родилась или воскресла. Ахъ, Ѳедя, что со мной было! Ѳедя, ты святой. Вѣроятно на правой чашкѣ твоихъ вѣсовъ много хорошаго, говорила Евгенія Петровна, съ любовью и довѣріемъ глядя на мужа.

— Что такое съ тобою было, душенька? спрашивалъ Ѳедоръ Ивановичъ.

— Мнѣ нетерпѣливо хочется подѣлиться съ тобою тѣмъ, что я испытала; хочется, словомъ, исповѣдаться передъ тобою. Скажи, чтобы насъ на нѣкоторое время оставили вдвоемъ.

— Душа моя, нельзя-ли отложить эту бесѣду до того времени, когда ты поправишься и окрѣпнешь? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; терпѣнія нѣтъ ждать. Будь покоенъ, я не утомлюсь. Сейчасъ вышла двѣ чашки чаю и подкрѣпилась.

— Ѳедоръ Ивановичъ попросилъ сестру милосердія и горничную выйти изъ спальни и сѣлъ у кровати жены.

— Ну, разкажи, что такое съ тобою случилось, говорилъ онъ своимъ добрымъ и мягкимъ голосомъ.

— Ѳедя, вѣдь я поняла теперь, какъ я была зла и несправедлива кругомъ со всѣми. Это мнѣ было вчера вечеромъ показано во очію. Когда я потребовала, чтобы ко мнѣ привели дѣтей и сердилась, и оскорбляла тебя, вдругъ передо мной что-то мелькнуло; потомъ какъ будто кто притянулъ мои глаза на это мелькнувшее и на синемъ фонѣ, какъ въ пустомъ пространствѣ, я отчетливо увидала большіе вѣсы. Гляжу, на лѣвой чашкѣ вѣсовъ появляется бумажка, на которой крупными буквами написано: „отнимала у младшихъ братьевъ и сестеръ лакомства и лгала матери, будто они сѣли твои лакомства“. И, Ѳедя, я тутъ-же въ одну минуту вспомнила всѣ эти случаи. Затѣмъ, на ту же чашку опускается новая записка: „воровала у матери варенье и говорила ей, будто няня научала воровать для нея“. Третья бумажка: „лгала матери на гувернантку, будто она бьетъ и щиплетъ тебя до синяковъ“. Четвертая: „въ училищѣ сваливала свои вины на смиренныхъ дѣвочекъ и ябедничала на всѣхъ подругъ наставницамъ“. Пятая: „писала анонимныя письма про молодыхъ дѣвушекъ къ ихъ женихамъ, чтобы разстроить свадьбу“. Затѣмъ: „прятала свои цѣнныя вещи и обвиняла прислугъ, будто они ихъ украли.“ Наконецъ цѣлая груда записокъ съ моими провинностями противъ тебя. И каждая такая записка сопровождалась объяснительною картиною, какъ всѣ эти люди пострадали изъ-за меня. Милый Ѳедя, тебя я видѣла та-

кимъ чистымъ и прозрачнымъ, какъ праведника, и поняла, какъ я тебя терзала. Я чувствовала въ эти минуты, что надо мною совершается судъ, что я стою на порогѣ въ другую жизнь, съ полною чашею грѣховъ, а на правой чашкѣ вѣсовъ нѣтъ въ мое оправданіе ни одного добраго дѣла. Меня охватилъ такой ужасъ, что я чувствовала, какъ холодѣю и какъ волосы на моей головѣ поднимаются дыбомъ. Въ эту страшную и отчаянную минуту невидимая рука тихо опустила на правую чашку большую конфету и эта конфета перетянула все, лежавшее на лѣвой чашкѣ вѣсовъ. Я взглядѣлась въ конфету, узнала картинку на ней и ясно припомнила, какъ еще въ училищѣ, когда мнѣ было лѣтъ десять, мать принесла мнѣ много лакомствъ. Я наѣлась до сыта, а самую большую конфету съ картинкою спрятала. Запирая шкатулку, я взглянула нечаянно на Надю Попову, у которой не было родственниковъ и она никогда не ѣла лакомствъ; она печально сидѣла одна на своей кровати. Мнѣ вдругъ стало необыкновенно жаль ее. Я вынула изъ шкатулки конфету и отдала ей отъ полноты сердца. На душѣ у меня тогда сдѣлалось такъ свѣтло и хорошо, что я начала прыгать и обнимать всѣхъ. И вчера, какъ я увидала на правой чашкѣ вѣсовъ эту самую конфету, мой страхъ пропалъ, а на душѣ стало такъ же легко, какъ тогда въ дѣтствѣ.

Федоръ Ивановичъ серьезно и внимательно выслушалъ этотъ рассказъ, радостно посмотрѣлъ на просвѣтлѣвшее лицо жены и тихонько сказалъ:

— Я почти съ увѣренностью ждалъ подобнаго необыкновеннаго случая съ тобою.

Грибы.

(Сказка.)

Августовская ночь. Большой лѣсъ окутанъ густымъ мракомъ. Пернатые обитатели его еще спятъ. Вздremнулъ и вѣтеръ, бушевавшій цѣлый день. Тихо. Только слабый таинственный шопотъ даетъ знать, что тутъ не мертвое, а живое царство: еще лѣтнею жизнью живутъ и деревья, и птицы, и трава, и грибы, и букашки; ихъ-то легкій и непонятный людямъ лепетъ и нарушаетъ полную ночную тишину лѣса.

На окраинѣ просѣки подъ большимъ густымъ дубомъ два бѣлыхъ гриба вели между собою тихую бесѣду. Одинъ изъ нихъ былъ въ полномъ разцвѣтѣ жизненныхъ силъ; онъ жилъ уже цѣлыхъ трое сутокъ и на своемъ вѣку успѣлъ наглядѣться на жизнь лѣса и наслушаться всякихъ толковъ. Его товарищъ, еще юноша, только что показавшійся на Божій мѣръ, представлялъ собою совершенство грибной красоты.

— А потомъ что будетъ? — спрашивалъ послѣдній своего опытнаго сосѣда.

— Потомъ взойдетъ солнце; станетъ свѣтло, какъ вчера вы застали. Все проснется, встрепенется; заще-

бечуть птицы; застрекочутъ кузнечики. По лѣсу начнутъ бродить люди, для которыхъ и существуетъ все наше лѣсное царство. Они придутъ именно искать грибовъ, и если который изъ насъ имъ понравится, они вырвутъ его изъ земли, положатъ въ корзинку и потомъ приготовятъ себѣ въ пищу. Вчера я слышалъ ихъ разговоръ объ этомъ. Больше всего любятъ нашу породу.

— А какъ-же васъ не взяли?

— Случайно; я былъ прикрытъ листьями сныти. Сегодня, вѣроятно, меня уже замѣтятъ.

— И вы спокойно ждете своей участи?

— Что-же дѣлать? Утѣшаюсь тѣмъ, что уже посмотрѣлъ на Божій міръ, а потомъ послужу для удовлетворенія первой потребности человѣка.

— Нѣтъ; я съ этимъ не примирился-бы,—сказалъ молодой мечтатель.—Мнѣ хотѣлось-бы вполнѣ насладиться жизнью лѣса; потомъ, исполнивъ свое прямое назначеніе, то-есть, принеся собою пользу человѣку, какъ пища, оставить все-таки по себѣ какой-нибудь слѣдъ на свѣтѣ. Грустно думать, что безслѣдно пройдешь такую короткую жизнь.

Въ эту минуту, предвѣстница солнца, утренняя заря бросила слабый свѣтъ на просѣку. Сидѣвшая въ ближайшей кочкѣ сѣро-зеленоватая и крѣпкая, какъ хрящъ, сыроѣжка Дарья зѣвнула и, втянувъ въ себя изъ кочки влагу, съ сознаниемъ собственного достоинства рыгнула:

— Слава тебѣ, Господи, день начинается,—сказала она.—Вотъ люди-то придутъ, да первыхъ болтуновъ-то и посорвутъ. Всю-то ноченьку напролетъ та-та-та, шу-шу-шу, и о чемъ только трещать—и сами того не

понимають. Ишь, недоволенъ своею судьбою. Да ты что такое-ча? Грибъ, а грибъ, такъ—твое мѣсто въ кузовѣ, да во щяхъ. И будь этимъ доволенъ. Дольше сидѣть захотѣлъ! А подольше посидишь, такъ улитка заживо твою голову продолбить. Слѣды, ишь, по себѣ хочется оставить! А сказать тебѣ, какой слѣдъ опосля тебя будетъ?

Многочисленное и немудрствующее семейство маслять покатилося со смѣху отъ словъ Дарьи. Хихикнула и показавшаяся возлѣ нея розовенькая сырофжечка Груня.

— Пустосмѣшка ты, — огрызнулась на нее Дарья.

Отъ конфуза Груня пуще зарозовѣла и тихонько взглянула въ сторону бѣлыхъ грибовъ, желая знать, такъ-ли и они о ней понимаютъ; но на бѣду она взглянула: молодой красавецъ мгновенно плѣнилъ ея розовенькое сердечко, и оно затрепетало и застучало: тукъ, тукъ, тукъ!

„Хоть-бы только въ одинъ кузовъ съ нимъ попасть“, — думала Груня, не спуская съ него глазъ.

Совсѣмъ уже разсвѣло. На просѣлкѣ показались два лѣсныхъ сторожа: отставной солдатъ Матвѣичъ и молодой парень Семень. У Матвѣича былъ кузовъ на рукѣ.

— Какой славный бѣлый грибъ, — сказалъ солдатъ, срывая старшаго изъ собесѣдниковъ.

— Не я-ли говорила, что болтуны прежде всѣхъ въ кузовѣ будутъ, — насмѣшливо замѣтила Дарья.

— Э, да какая знатная сырофга, — продолжалъ Матвѣичъ, нагнувшись надъ нею. Дарья съ бахвальствомъ окинула всѣхъ взглядомъ, какъ-бы говоря: видите, какъ обо мнѣ люди понимаютъ; но солдатъ, словно отгадывая ея мысли, сказалъ:

— Что-жъ, нашему брату-солдату и сыроѣжка во щахъ годится.

Несмотря на это замѣчаніе, Дарья, покачиваясь въ рукѣ старика, важно полѣзла въ кузовъ.

— У, да какая прорва маслять,—сказалъ Матвѣичъ, присѣвъ надъ грибами.

И веселые маслята, радуясь сами не зная чему, со смѣхомъ попрыгали одинъ за другимъ въ кузовъ сторожа.

— Вотъ такъ подосиновичъ!—замѣтилъ старикъ, срывая красный грибъ.

— Дядя Матвѣичъ, да это мухоморъ,—сказалъ Семень.

— И, чтобъ те пусто было; я сослѣпу-то и не замѣтилъ этихъ проклятыхъ бѣлыхъ помѣточекъ,—заворчалъ солдатъ, бросая грибъ назадъ.—Вотъ, я тебѣ скажу, парень,—продолжалъ онъ,—и съ людьми такъ то бываетъ, Иной разъ смотришь ты на человѣка и думаешь: „вотъ дѣльный человѣкъ“, а поведешь съ нимъ дѣло, такъ и окажется, что онъ ни къ чему не годенъ, не плоше мухомора.

Слушая это, сидѣвшіе кругомъ мухоморы краснѣли отъ стыда и досады. Сторожа пошли дальше, а по просьбѣ пробѣжали ребятишки и палочками посшибали головы съ озлобленныхъ мухоморовъ.

Молодой бѣлый грибъ осмотрѣлся кругомъ и остановился взглядомъ на сидѣвшей недалеко отъ него Грунѣ. Влюбленная въ него сыроѣжечка была замѣчательно хороша для своей породы: розовенькая, какъ только что распустившаяся роза, стройная и крѣпкая, на округленной толстенькой ножкѣ, она похожа была на фарфоровую игрушку. Бархатистый мохъ, въ которомъ она сидѣла, наложилъ на ея изящную головку

свою шелковистую вѣточку. Груня понимала, что эта зеленая вѣточка служить ей украшеніемъ, и не старалась отъ нея освободиться. Подъ пристальнымъ взглядомъ бѣлаго гриба она вся затрепетала отъ восторга.

— Кажется, только мы съ вами уцѣлѣли,—сказаль онъ съ ласковою улыбкою.

— Я этому очень рада,—отвѣтила Груня.—Мнѣ такъ понравилось; какъ вы давеча хорошо говорили. Не знаю, почему только тетенька Дарья посмѣялась; да, впрочемъ, она такая была недобрая: все сердилась и ворчала, да другихъ на смѣхъ подымала. Я очень даже довольна, что ся теперь здѣсь нѣтъ. Конечно, и я тоже желала-бы посидѣть подольше въ лѣсу... возлѣ васъ... и память по себѣ оставить.

Бѣлый грибъ улыбнулся и продолжалъ мечтать.

— Да, пріятно теперь въ лѣсу. Я сейчасъ думаль, какъ хорошо быть деревомъ! Вершиною своею оно смотреть на небо, а густыми листьями защищаетъ даже человѣка отъ солнечнаго жара и отъ дождя. Какъ бы я желаль служить такимъ защитникомъ отъ зноя и ливня!

— А мнѣ-бы хотѣлось постоять подъ вашею защитою,—сказала влюбленная въ него сыроѣжечка.

Лѣсной духъ давно уже носился по просѣкѣ; слышалъ весь наивный разговоръ и искреннія желанія юныхъ грибовъ. При послѣднихъ словахъ Груни онъ улыбнулся себѣ въ бороду, подумавъ: „А что-жъ, это можно осуществить“, и полетѣлъ въ графскій дворецъ.

Въ полдень на просѣкѣ показалась коляска; въ ней сидѣла красивая женщина съ компаніонкой. Возлѣ экипажа ѣхаль верхомъ всадникъ. Это былъ владѣлецъ лѣса, сопровождавшій свою молоденькую жену,

которой на зарѣ приснилось, будто она гуляетъ по лѣсу, и она, проснувшись, настойчиво пожелала прокатиться туда.

Доѣхавъ до большого дуба, графиня захотѣла пройти пѣшкомъ и, выпрыгнувъ изъ коляски, она подбѣжала къ дереву.

— Ахъ, какая прелесть!—крикнула она,—неужели это растетъ розовый грибокъ, а не цвѣтокъ? Я никогда не видала такихъ розовенькихъ грибовъ. Et comme cela se marie, le rose et le vert; эта зеленая вѣточка на розовомъ фонѣ.

— Розовое съ зеленымъ очень гармонируетъ, замѣтила компаніонка.—Во время моей молодости въ большой модѣ было украшать середину зеленого корсажа розовымъ бантомъ.

Молодая лѣсовладѣлица нагнулась надъ Груней и, срывая ее, замѣтила бѣлый грибъ.

— Pierre, Pierre,—закричала она,—какіе я грибы нашла, просто прелесть.

И, сорвавъ оба гриба, она поднесла ихъ мужу. Въ изящной ручкѣ дамы влюбленная Груня прижалась къ своему objet.

— Что-то насъ ожидаетъ?—шептала она.—Но какъ я рада, что мы вмѣстѣ!

— Мнѣ тоже пріятнѣе быть въ вашемъ обществѣ, нежели одному,—отвѣтилъ бѣлый грибъ.—Повидимому, намъ будетъ недурно, а впрочемъ... можетъ быть и хуже, чѣмъ другимъ.

— Знаете, какая оригинальная мысль пришла мнѣ въ голову,—сказала графиня своей компаніонкѣ.—Я велю модисткѣ сдѣлать изъ шелковой матеріи такіе точно грибы и приколю ихъ къ своей деревенской

шляпкѣ. Вѣдь прикалывали-же птицъ, обезьянокъ и букашекъ.

— Мысль, дѣйствительно, оригинальная, — замѣтила пожилая дама, — но, не знаю почему, грибы на шляпѣ страннѣе видѣть, чѣмъ обезьянокъ и птичекъ.

— Это мы посмотримъ, — отвѣтила графиня. Всю дорогу любовалась она грибами, не подозрѣвая ихъ думъ и опасеній. Приѣхавъ домой, она попросила гостившаго у нихъ живописца немедленно срисовать съ нихъ портреты. Когда снимки были сдѣланы, грибы отнесли къ повару, а за обѣдомъ ихъ подали графинѣ на маленькомъ фарфоровомъ блюдѣ зажаренными въ сметанѣ. Она, какъ ребенокъ, радовалась, что ѣстъ въ первый разъ грибы, сорванные ея руками; находила ихъ очень вкусными и всѣхъ угощала.

Послѣ обѣда, художникъ, разсматривая свой снимокъ съ грибовъ, сказалъ:

— Графиня, чтобъ эти грибы остались въ памяти вамъ, я посовѣтую поставить въ саду бесѣдку въ видѣ бѣлаго гриба, а въ бесѣдкѣ розовый столикъ, совершенно такой, какъ эта сыроѣжка. Я даже нарисую на немъ вѣтку зеленого моха.

Эта мысль очень понравилась графинѣ и вскорѣ была осуществлена. Такимъ образомъ, лѣсной духъ исполнилъ желаніе молодыхъ грибовъ.

И когда въ теплую лѣтнюю ночь на скамеечкѣ въ бесѣдкѣ пріютится молодая парочка и лепечетъ ласковыя рѣчи, — грезится тогда бесѣдкѣ, что она не бесѣдка, а бѣлый грибъ въ большомъ лѣсу, и подъ защитою его стоитъ не розовый столикъ, а влюбленная въ него сыроѣжка Груня.

На землѣ и надъ землею.

(Фантастическій разсказъ.)

Люди, не видавшіе ни одной отрадной минуты въ жизни, и тѣ не охотно расстаются съ землею, все надѣясь: авось желанное счастье улыбнется имъ когда-нибудь.

Не хотѣлось разставаться со своимъ пребываніемъ на землѣ и русскому духу 1885 года. Когда-то онъ явился къ людямъ бодрымъ, полнымъ благихъ желаній и надеждъ; но вскорѣ увидалъ, что съ укоренившимися наклонностями людей бороться трудно; сначала онъ загрустилъ; былъ нѣкоторое время разочарованнымъ; потомъ свыкъся съ господствовавшимъ у людей настроеніемъ и даже самъ сталъ помогать имъ въ служеніи Ваалу.

Уже смерклось; наступалъ вечеръ, послѣдній вечеръ 31-го декабря. Прощаясь съ русскою землею, пролеталъ надъ нею угрюмый и печальный старый русскій духъ 1885 г. На улицѣ подъ чьими-то бодрыми шагами хрустѣлъ снѣгъ. А,—это идетъ именно ненавистный и непокорный старому духу Иванъ Русскій. Ста-

рикъ смекнулъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ, и раньше его влетѣлъ въ магазинъ одного книгопродавца.

— А, г. Русскій! мое вамъ почтеніе. За деньгами пришли? такъ встрѣтилъ вошедшаго книгопродавецъ.

— Да, за деньгами; сегодня нужно расплатиться за многое.

— Вамъ приходится 228 руб.

„Давай ему билетъ 1-го внутренняго займа съ выигрышами“, напечатывалъ книгопродавцу старый духъ 1885 года, въ надеждѣ, что Русскій выиграетъ, собьется съ честнаго пути и начнетъ служить Ваалу.

— Вотъ-съ, послѣ всѣхъ уплатъ только и остались два билета внутренняго займа, сказалъ книготорговецъ.

— Такія бумаги теперь неудобны для расчетовъ.

— Если угодно—берите, а другихъ денегъ нѣтъ-съ.

Русскій долженъ былъ согласиться, а купецъ подсунулъ ему билетъ съ обрѣзанными купонами за будущій 1886 г.

Банки и банкирскія конторы были уже заперты, а изъ магазиновъ ни въ одномъ не хотѣли принять и размѣнять билетъ съ обрѣзанными за будущій годъ купонами. Русскій возвратился домой не совсѣмъ довольный, но вскорѣ успокоился и сѣлъ писать. Онъ былъ литераторъ, или лучше сказать, готовился къ литературному поприщу. Еще по выходѣ изъ университета онъ съ жаромъ принялся за литературный трудъ. Не трудъ, а наслажденіе, и волновавшія его чувства и мысли онъ изложилъ въ беллетристической формѣ романа. Его герой, жаждущій идеальной правды, старается въ каждомъ своемъ шагѣ, каждомъ словѣ, каждымъ помыслѣ проводить и осуществлять завѣтную

идею; онъ вѣрить въ увеличеніе на землѣ добра и въ прогрессъ человѣческой нравственности.

Товарищи Русскаго увѣряли его, что теперь, не имѣя еще литературнаго имени, трудно прорваться въ какой-либо журналъ, такъ какъ каждая редакція есть заколдованный, замкнутый кругъ. Несмотря на эти замѣчанія товарищей, Русскій понесъ на другой день свой романъ въ одну редакцію.

— Ваша рукопись очень обширна, замѣтилъ ему секретарь. Теперь требуются покороче. Небольшія рукописи печатаются гораздо скорѣе. Я совѣтоваль-бы вамъ сократить ее. Кромѣ того, въ нашей редакціи уже дано слово извѣстнымъ литераторамъ (имя рекъ) непременно напечатать ихъ сочиненія.

„Сократить, размышлялъ Русскій, но вѣдь я думалъ надъ каждымъ словомъ; я выстрадалъ каждую картину. Да развѣ творецъ-художникъ можетъ поддѣлываться подъ требованія? Не онъ-ли напротивъ долженъ направлять вкусы общества?“

Онъ взялъ свою рукопись и отнесъ ее въ другую редакцію.

— Черезъ два мѣсяца можете получить отвѣтъ, сказалъ ему секретарь.

Ровно черезъ два мѣсяца явился Русскій за отвѣтомъ.

— Я прочелъ внимательно вашу рукопись, сказалъ редакторъ. Она написана хорошо; но скажу вамъ откровенно, я никакъ не могъ понять ея тенденцію.

— Мнѣ кажется, что тенденція очень ясна, отвѣтилъ Русскій. Герой—честный человѣкъ, горячо преслѣдующій свой нравственный идеалъ...

— Нѣтъ, я не про это говорю. Конечно, не симпатично выставить героя негодяя. Но жаль, что вашъ

герой принадлежитъ къ интеллигенціи и вращается только въ интеллигентномъ кругу. Если-бы, напри- мѣръ, вы изобразили человѣка, дѣйствующаго въ на- родной средѣ, въ средѣ фабричныхъ рабочихъ... те- перь всѣ такъ интересуются фабричнымъ вопросомъ, что гораздо болѣшій спросъ на сочиненія именно это- го рода.

„Требованія и спросъ на сочиненія, размышлялъ Рус- скій. Такимъ образомъ литературу сведутъ на ремес- ло; станутъ „заказывать“ беллетристическія произве- денія, какъ пару платья, по извѣстному образцу. Уго- ждаты требованіямъ толпы, рисовать только то, что есть, не давая идеаловъ,—развѣ въ этомъ задача ли- тературы? Быть можетъ, такихъ, какъ я не мало, но имъ загораживаютъ дорогу“... Русскій рѣшилъ все- таки не оставлять литературнаго поприща, какъ по- лезнаго для служенія человѣчеству словомъ и направле- ніемъ его на лучшіе идеалы. Онъ сталъ внимательно изучать русскую литературу, останавливаясь по дол- гу на ея лучшихъ типахъ; затѣмъ принялся за ино- странную литературу, причемъ онъ дѣлалъ изъ нея добросовѣстные и талантливые переводы лучшихъ про- изведеній, находя, что пока и этимъ, повидимому не- замѣтно, но приносить пользу обществу. За продажу этихъ-то переводовъ онъ и получилъ съ книгопродав- ца неожиданно билетъ внутренняго займа.

Въ обширной, ярко освѣщенной залѣ собралось мно- гочисленное общество: молодые юристы, инженеры, медики, журналисты, чиновники, кушцы, офицеры, да- мы и дѣвицы. Бьетъ двѣнадцатый часъ. Эффектно вы- летааетъ пробка отъ шампанскаго; бокалы полны. По- слѣдній ударъ часовъ. Ура! Новый годъ! Стулья задви-

гались, бокалы зазвенѣли, ударяясь одинъ о другой. Всѣ оживились. „Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Желаю вамъ выиграть двѣсти тысячъ!“—„Пожелайте мнѣ выиграть двѣсти тысячъ!“...

— А вы желаете выиграть двѣсти тысячъ? спросила одна молодая дѣвушка, чокаясь съ Русскимъ, съ грустью смотрѣвшимъ на всю эту компанію.

— Вполнѣ равнодушенъ къ этому, отвѣтилъ онъ.

— Да у него навѣрно нѣтъ билета, сказалъ шутя одинъ изъ товарищей.

— Къ моему собственному удивленію, есть.

— И вы не желаете выиграть двѣсти тысячъ? это невѣроятно. Такой геніальный человѣкъ, какъ Наполеонъ I, и тотъ сказалъ, что деньги—все.

— Это правда, деньги—все! подхватили другіе.

— Чего же вы желаете? продолжала допрашивать Русскаго молодая дѣвушка.

— Я хотѣлъ-бы на будущій новый годъ услышать, что первое главное желаніе всѣхъ—нравственное совершенствованіе нашего общества, а потомъ ужъ могутъ желать главный выигрышъ, съ помощью котораго можно оказать много добра.

— Это хорошо! О, прелестный идеалистъ! Онъ желаетъ не денегъ, а нравственнаго совершенствованія общества; между тѣмъ къ розыгрышу запаса билета внутренняго займа.

И опять продолжалось: „Желаю вамъ выиграть двѣсти тысячъ!“—„Пожелайте мнѣ выиграть двѣсти тысячъ“. Раздались звуки рояля; послышался опереточный напѣвъ „Пусть новый годъ съ собой несетъ“, и такъ далѣе, и тру-ля-ля, и кувыркомъ...

Такъ было на землѣ.

Отдѣленное отъ земли облаками, освѣщенное сверху звѣздами, возсѣдало многочисленное собраніе безсмертныхъ разныхъ народовъ. Самыя почетныя мѣста занимали богъ боговъ грекъ Зевесъ, гречанка Юнона, отецъ боговъ скандинавъ Одигъ, богини земли гречанка Цибела, скандинавка Герта и богъ земли славянинъ Зембогъ. Кубки уже были наполнены нектаромъ. Поднявъ свой кубокъ, Зевесъ поочередно чокнулся со всѣми присутствовавшими и потомъ, обратившись къ богамъ земли, сказалъ: „Въ настоящую минуту находящаяся подъ нашимъ покровительствомъ планета вступаетъ въ свой новый путь вокругъ солнца. Весьма желательно, чтобы это вступленіе земли на ея новый путь послужило началомъ вступленія ея обитателей на новый путь нравственнаго усовершенствованія. Слишкомъ долго эти слабые смертные служили финикіанину Ваалу, руководясь (къ сожалѣнію единоплеменными мнѣ) злыми геніями, лаврами и правилами злаго египтянина Тифона. Стараясь добиться скоробогатства, они молились только индусу Куверъ и моему соотечественнику Плутусу. Ради приобрѣтенія ихъ даровъ, они прибѣгали къ растратамъ, хищеніямъ, убійствамъ, шантажу и всѣмъ средствамъ, доставляемымъ для этого хитрымъ скандинавомъ Локомъ. Я, почтенный отецъ нашъ Одигъ и Юнона, мы стали получать многочисленныя жалобы отъ Гименея, пенатовъ, Психеи, Минервы и мудраго Будды. Но болѣе всего насъ тронули жалобы многоуважаемыхъ славянскихъ боговъ Свѣтовида и Бѣлобога, а также честнаго Радегаста. Они просили насъ употребить всѣ наши усилія и помочь имъ снова водворить въ ихъ странахъ добрую нравственность и высокіе идеалы; осо-

бенно въ самомъ обширномъ славянскомъ царствѣ— Россіи. Дѣйствительно, эта еще молодая страна заслуживаетъ нашихъ заботъ о ней и мы рѣшили, чтобы съ наступающимъ новымъ годомъ въ ней начались добрыя нравственныя вѣянія. Настоящимъ нравственнымъ состояніемъ общества недовольны многіе смертные; они просятъ свѣта истинныхъ звѣздъ, жаждутъ услышать могучее слово честнаго руководителя. Такого мы отмѣтили и онъ совершенно приготовился къ тому общественному поприщу, на которое мы его назначаемъ. Итакъ, я поднимаю кубокъ за лучшее направление нравственности въ Россіи“!

При этихъ словахъ Зевесъ чокнулся съ Свѣтовидомъ, Бѣлобогомъ и Радегастомъ. Потомъ поочередно стали подходить къ нему и другіе бессмертные. Богиня изобилія гречанка Аннона, въ сопровожденіи боговъ богатства Куверы и Плутуса, подошла къ Зевесу и сказала: „Намъ троимъ было-бы желательно, чтобы на сегодняшнемъ-же собраніи бессмертныхъ рѣшено было, надъ кѣмъ высыпать Фортунѣ изъ ея рога двухсотъ-тысячный выигрышъ, такъ какъ она должна будетъ сдѣлать это завтра“.

Всѣ разошлись опять по своимъ мѣстамъ. Гречанка Θεмида и краснорѣчивый скандинавъ Бальдуръ заявили, что небогатые начинающіе юристы просили ихъ ходатайства, чтобы главный выигрышъ достался на ихъ долю. Каждый изъ просившихъ давалъ имъ обѣщаніе защищать на судѣ безвозмездно бѣдныхъ кліентовъ.

— Когда разбогатѣютъ, тогда забудутъ свои обѣщанія, отвѣтилъ имъ на это Зевесъ.

Затѣмъ выступили съ ходатайствами о своихъ слу-

жителяхъ грекъ Эскулапъ, соотечественница его Гигея и египтянинъ Сераписъ; они тоже заявили, что небогатые медики просили ихъ о главномъ выигрышѣ, обѣщая послѣ этого лѣчить бѣдныхъ паціентовъ.

— Сомнѣваюсь и относительно этихъ, замѣтилъ богъ боговъ.

Просили за своихъ служителей боги и богини художествъ и искусствъ, грекъ Аполлонъ и кельтъ Абеліонъ, кельтичка Белизана, египтянка Нейѳа и индуска Сарасвати, увѣряя, что ихъ *protégés* могутъ въ хорошемъ смыслѣ вліять на русскихъ смертныхъ и на улучшение ихъ нравовъ.

— Ихъ вліяніе можетъ быть только въ ограниченномъ кругу и непродолжительно, сказалъ Зевесъ.

Тогда выступилъ египтянинъ Озиридъ со своимъ ходатайствомъ за смертныхъ, трудящихся надъ полезными изобрѣтеніями.

— Полезныя изобрѣтенія, отвѣтилъ Зевесъ, идутъ впередъ и безъ нашей поддержки; но на совершенствованіе нравственныхъ сторонъ смертныхъ они не имѣютъ вліянія. Мы-же рѣшили оказать наше содѣйствіе человѣку, который можетъ имѣть хорошее вліяніе на большой кругъ, и такимъ мы признаемъ именно писателя. Слово распространяется даже дальше, нежели добрый примѣръ дѣломъ.

Муза легкой поэзіи гречанка Эрата и ея другъ шутникъ Момусъ со свойственнымъ имъ легкомысліемъ очень обрадовались и подошли уже ближе, чтобы выразить Зевесу благодарность за своихъ служителей.

— О нѣтъ, не имъ желаемъ мы помочь, отвѣтилъ богъ боговъ. Они и безъ нашего содѣйствія процвѣтають. Довольно съ нихъ; они и такъ слишкомъ давно

уже вліяють на слабое челоуѣчество, а доброй пользы отъ нихъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! возразила Эрата. Во-первыхъ, они приучили держать въ рукахъ печатные листки и читать ихъ такихъ людей, которые безъ нихъ никогда не принялись-бы за чтеніе, какъ напимѣръ, дворники, извозчики, прачки. Во-вторыхъ, сколько удовольствія доставляютъ сочиненія моихъ служителей бѣднымъ гостиннодворскимъ прикащикамъ, которые, утомившись капризами служительницъ Венеры, отдыхаютъ и развлекаются за чтеніемъ этихъ листовъ.

Снисходительная улыбка мелькнула по лицу Зевеса

— Твои служители были-бы полезны, когда, приучивъ людей держать въ рукахъ печатный листокъ, они изображали-бы въ этомъ листкѣ лучшіе, болѣе высокіе идеалы,

— Напротивъ, напротивъ, люди не хотятъ такихъ идеаловъ. Я недавно прочла въ одной газетѣ стихи и показала ихъ Венерѣ, такъ какъ тутъ нѣсколько касается и ея; въ этихъ стихахъ люди прямо говорятъ:

„Поэтъ, не увлекаетъ насъ
Твоя задумчивая нотка,
Памъ пужно не идей, а фразъ,
И не богиня, а кокотка“.

— Мы именно желаемъ, сказалъ Зевесъ, чтобы будущіе писатели не давали того, чего просить толпа. И теперь есть талантливые литераторы, но они изображаютъ только тѣ типы, какіе есть. Между тѣмъ необходимо, чтобы выступили на литературное поприще талантливые писатели, которые напоминали-бы

смертнымъ лучшіе идеалы четныхъ десятковъ послѣд-
няго столѣтія ирисовали-бы имъ будущіе высокіе идеалы.

Въ это время одинъ изъ духовъ служителей до-
ложилъ, что русскій духъ 1880 года желаетъ сказать
нѣсколько словъ.

— Пусть предстанетъ, сказалъ Зевесъ.

Изъ толпы духовъ, стоявшихъ рядами позади боговъ,
выступилъ сѣдой старецъ, поклонился и заговорилъ:
„Бывши на землѣ, я старался водворить то, чего вы
теперь желаете. Я собралъ смертныхъ на чествованіе
памяти поэта Пушкина. На этомъ собраніи честный
и искренній писатель Достоевскій произнесъ такую
рѣчь, которая потрясла смертныхъ, слушавшихъ его;
они сознали въ это время всю свою душевную пустоту;
повидимому, прониклись словами оратора, но разъ-
ѣхались съ собранія и все слышанное повыкинули изъ
головы“.

— Нѣтъ, возразилъ Зевесъ, не все выкинули изъ
головы. Брошенная Достоевскимъ искра не угасла и
теперь въ душѣ нѣкоторыхъ смертныхъ, иначе не бы-
ло-бы недовольныхъ теперешнимъ нравственнымъ со-
стояніемъ общества, не было-бы среди ихъ унынія и
грусти, при видѣ господствующаго духа меркантиль-
ности. И еще въ только что окончившемся году одинъ
профессоръ взялъ на себя трудъ поднять духъ своихъ
современниковъ и указать имъ, что каждый изъ нихъ,
заботясь о своемъ личномъ нравственномъ совершен-
ствованіи и направляя къ добру свои поступки, этимъ
самымъ сослужить обществу службу и принесетъ по-
сильную ему пользу. Устарѣвшій теперь русскій духъ
1885 г. былъ въ это время еще юнъ; самъ не окрѣпъ
и потому не въ силахъ былъ удержать общество подъ

тѣмъ впечатлѣніемъ, какое оно вынесло отъ лекціи этого профессора. Но однѣми лекціями нельзя держать толпу подъ постояннымъ вліяніемъ и потому мы рѣшились выслать на общественное служеніе писателя, который можетъ благотворнѣе вліять на общество. Умственное и нравственное настроеніе теперешняго человѣчества таково, что оно не окажетъ ни нравственной, ни матеріальной поддержки даже самому геніальному человѣку, не составившему себѣ богатства; тѣмъ болѣе, что вѣдь теперь безкорыстныхъ геніальныхъ людей, не подходящихъ подъ шаблонъ, приравниваютъ къ глупцамъ или сумасшедшимъ. Только одни мы, бессмертные, можемъ и должны поддержать такого человѣка; поэтому мы намѣрены послать ему главный выигрышъ въ 200,000 и просимъ нашу многоуважаемую соотечественницу богиню Фортуны, чтобы она опрокинула свой рогъ изобилія надъ намѣченнымъ нами человѣкомъ, писателемъ Русскимъ.

По синему воздушному пространству, окруженное бѣлыми облаками, мчится колесо Фортуны. Она прокатила уже большое разстояніе и ея рука, держащая рогъ изобилія, начинаетъ уставать. „Нѣтъ, думаетъ богиня, не смотря на все мое желаніе, долѣе я не могу. И никогда ко мнѣ не предъявляли такихъ требованій. Я не привыкла соображаться; наконецъ, глаза мои слабы: я ничего не вижу. Хватить силъ донести полный рогъ до назначеннаго Зевесомъ мѣста—донесу, а не хватитъ—опрокину его по обыкновенію тогда, когда рука устанетъ держать полный рогъ“.

Кругъ времени.

(Картинки жизни.)

Нѣсколько троечныхъ саней вереницею выѣзжаютъ изъ заставы на шоссею дорогу. Сидящіе въ нихъ обоихъ половъ и разныхъ возрастовъ люди весело перекликаются между собою; шутятъ и острятъ другъ надъ другомъ. При видѣ широкой и снѣжной равнины, въ саняхъ, наполненныхъ молодыми людьми, хоромъ запѣли „Вотъ мчится тройка удалая.“

— Не простудите горло, кричатъ имъ опытные люди изъ другихъ саней.

— Санюша, тебѣ не холодно? спрашиваетъ одинъ отецъ сидящую у него въ ногахъ семилѣтнюю дочь, только голова которой выглядываетъ изъ-подъ мѣховой полости.

— Нѣтъ, мнѣ тепло, отвѣчаетъ дѣвочка, безгранично счастливая, что ее тоже взяли къ бабушкѣ на елку и что она ѣдетъ на тройкѣ. Въ первый разъ видитъ она въ зимній вечеръ безконечную снѣговую равнину, звѣздное небо и встрѣчающіяся по сторонамъ дороги деревья, покрытыя густымъ инеемъ.

„Какъ хорошо“, думаетъ дѣвочка, прижимаясь головою къ колѣнямъ отца.

Сани сворачиваютъ на узкую дорогу, обсаженную по обѣимъ сторонамъ елями, наряженными, какъ невѣсты, въ бѣлоснѣжное одѣяніе. Лошади останавливаются передъ крыльцомъ помѣщичьяго дома въ одной изъ ближайшихъ подмосковныхъ деревень. Приѣхавшіе гости выскакиваютъ изъ саней, вылѣзаютъ, вытаскиваютъ дѣтей. Потомъ всѣ толпятся въ передней, гдѣ лакеи и горничныя спѣшатъ снимать съ нихъ шубы. Большинство изъ прибывшихъ оказались замаскированными; дѣти тоже въ костюмчикахъ и съ вуальками на лицахъ.

Зала вся освѣщена. Бабушкины сыновья, дяди офицеры, встрѣчаютъ гостей. Санюша, въ голубомъ контушикѣ, вертится передъ любимымъ дядей Ваней, увѣренная, что онъ ее не узнаетъ.

— А это чья такая барышня? спрашиваетъ онъ, притворяясь, будто онъ не узнаетъ ее.

Дѣвочка про себя смѣется надъ его несмѣтливостью; но вскорѣ не вытерпливаетъ: приподнимаетъ вуальку и хохочетъ надъ недогадливымъ дядей.

— Ба! ба! да это Санюша! говоритъ онъ и поднимаетъ ее на высоту своего роста.

Дѣвочка, заливаясь смѣхомъ, теребитъ ему на головѣ волосы и припѣваетъ: „Карбинерный офицеръ, въ мундирѣ все его имѣнье, а въ карманѣ грандъ-мизеръ.“

Мало по малу и другіе начинаютъ снимать вуальки и маски. Лакеи разносятъ на подносахъ чай. Дѣтей усадили пить чай почему-то въ гостиной. Дверь въ столовую заперта и туда никого не пускаютъ.

Наконецъ чай отпить. Дѣтей подозвали къ дверямъ столовой; взрослые сгруппировались позади. Вдругъ двери въ столовую распахнулись настежь. Раздались

восторженные дѣтскіе крики: посреди комнаты стояла большая елка, ярко освѣщенная множествомъ восковыхъ свѣчей и увѣшанная сверху до низу золочеными орѣхами, красными яблоками и конфетами въ яркихъ и золотыхъ бумажкахъ. На нѣкоторыхъ вѣткахъ висѣли игрушки.

Всѣ гости вошли въ столовую, окружили елку и разсматривали украшенія на ней.

Дядя Ваня взялъ на руки Саню и спросилъ:

— Что тебѣ снять съ елки?

— Вонъ ту звѣзду, сказала она, указывая на фольговое украшеніе.

Дядя снялъ звѣзду и приколотъ ее къ груди дѣвочки. Другія дѣти съ завистью глядѣли на Саню.

Въ это время большіе стѣнные часы начали отбивать двѣнадцать полночныхъ ударовъ. На верху елки обозначился темнокрасный транспарантъ, на которомъ ярко блестѣли цифры „1899“. Къ потолку съ шумомъ взлетѣли пробки отъ бутылокъ съ шампанскимъ. Въ залѣ на рояли заиграли тушъ. Раздалось громкое „ура!“ Начались чоканья бокалами и взаимныя поздравленія „съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, съ новымъ здоровьемъ!“ Послышались звуки галопа „Champagne“.

Взрослые изъ столовой разбрелись по всѣмъ комнатамъ. Лакей сталъ гасить на елкѣ свѣчки; черезъ нѣсколько минутъ темная елка лежала на полу, а бонны и гувернантки пріѣхавшихъ изъ Москвы дѣтей торопливо срывали съ нея украшенія, лакомства и игрушки. Саня побѣжала въ залу къ дядѣ Ванѣ, чтобы попросить его снять съ елки конфетъ и куклу; но дядя танцевалъ и такъ занятъ былъ разговоромъ

со своей дамой, что совсѣмъ не замѣчалъ бѣгавшую за нимъ дѣвочку и не слыхалъ взывавшаго къ нему дѣтскаго голоса. Видя, что за дядей ей не угоняться, Саня побѣжала въ кабинетъ къ отцу, чтобы къ нему обратиться съ тою-же просьбою о куклѣ и конфетахъ; но отецъ углубленъ былъ въ самый интересный для него разговоръ о различіи въ военныхъ мундирахъ: кантики, нашивки, лампасы.

Сколько дѣвочка не теребила его за рукавъ, онъ только отвѣчалъ ей: „погоди, дружокъ.“ Постоявъ возлѣ отца и потерявъ терпѣніе, Саня побѣжала назадъ въ столовую. Елка лежала уже вся обобранная и общипленная. Дѣти выходили оттуда съ игрушками, а ихъ няни съ полными лакомствъ ридикюлями. Едва удерживаясь отъ слезъ, Саня стояла съ пустыми руками; только на груди у нея блестѣла уже помятая фольговая звѣзда.

II.

Уѣздный городъ въ сѣверо-восточной Россіи. Въ одномъ изъ самыхъ большихъ, конечно деревянныхъ домовъ, обстановленномъ свѣженькою мебелью, по комнатамъ бродитъ молодая женщина, средняго роста блондинка, одѣтая въ хорошенькій домашній нарядъ. Дойдя до гостиной, она въ легкомъ раздумьѣ опускается въ кресло.

Въ комнату входитъ молодой человекъ, высокій, стройный, съ волнистыми каштановыми волосами, изящными чертами и матовымъ цвѣтомъ лица.

— Ты окончилъ свои занятія въ кабинетѣ? спросила она.

— Окончилъ, отвѣтилъ онъ, садясь возлѣ нея. А ты приготовила себѣ туалетъ къ вечеру?

— Нѣтъ еще. Еслибы ты зналъ, Jean, какъ мнѣ не хочется одѣваться и ѣхать ночью въ такой холодъ. Теперь у насъ есть свое *chezsoi*, свой домашній очагъ, и мы должны-бы встрѣтить новый годъ дома.

— Душенька, я тоже желалъ-бы пробыть эту ночь у себя, но вѣдь мы раньше обѣщали старикамъ встрѣтить новый годъ съ ними. Они хлопотали, приглашали гостей и именно для насъ устраиваютъ этотъ вечеръ.

— Да, но тамъ мы должны первыя пожеланія на новый годъ говорить старикамъ, а мнѣ хотѣлось-бы, чтобы первыя привѣтствія мы высказали другъ другу.

— Это можно сдѣлать, сказалъ онъ, улыбаясь. Я переведу свои кабинетные часы на часъ впередъ; по нимъ встрѣтимъ новый годъ у себя, а потомъ поѣдемъ къ старикамъ.

— Ну, хорошо, уже весело отвѣтила молодая женщина. Давай, разставимъ посреди залы столъ, поставимъ на немъ закуски, вина, твои кабинетные часы и будемъ ждать.

— Согласенъ.

И молодые люди, позвавъ лакея и горничную, принялись устраивать себѣ встрѣчу новаго года.

Когда столъ былъ накрытъ и убранъ, они ходили вокругъ него, внимательно осматривая и переставляя иногда блюдо съ одного мѣста на другое.

— А знаешь, Alexandrine, чего не хватаетъ?

— Чего?

— Зелени. У насъ въ Вильно столы для вилии и для свѣнцоновъ всегда украшаются зеленью.

— А это мы сейчасъ сдѣлаемъ.

И въ одну минуту горшокъ съ цвѣтами она переставила съ окна на середину стола.

— Нѣтъ, нѣтъ, душенька, этого не надо дѣлать, съ испугомъ сказалъ мужъ. Матап говоритъ, что горшокъ съ землей на столѣ дурная примѣта, къ покойнику.

Молодая женщина съ укоромъ посмотрѣла на него.

— Я краснѣю за тебя, Jean. Матап—женщина старая; она не кончила, какъ ты, курса въ университетѣ. Какіе-же вы, католики, суевѣрные; у насъ у православныхъ такихъ суевѣрій нѣтъ. А посмотри, какъ хорошо освѣщается эта зелень канделябрами.

И она, отступя на шагъ отъ стола, любовалась зеленью. Затѣмъ они удалились и вернулись черезъ нѣсколько времени одѣтые для вечера. Лакей, стараясь соблюдать серьезный видъ, подставилъ къ серединѣ стола два стула и отошелъ на разстояніе. Молодые люди чинно сѣли за столъ. До ихъ новаго года оставалось только пять минутъ.

— Гавридо, сказалъ серьезно хозяинъ, приготовься откупорить шампану.

Лакей, взявъ бутылку и салфетку, исподтишка ухмылялся на забаву господъ. Бокалы налиты. Часы показываютъ 12. Молодые люди чокнулись и поцѣловались.

— Поздравляю тебя съ новымъ 1864 годомъ, сказалъ мужъ; желаю тебѣ новаго счастья и новаго здоровья.

— Подумалъ-ли ты, что ты говоришь? замѣтила жена. Какого наваго счастья и новаго здоровья ты мнѣ желаешь, когда я здорова и счастлива.

— Ну, желаю оставаться при прежнемъ счастьѣ и при прежнемъ здоровьѣ. А мнѣ чего ты желаешь?

— Мое желаніе возможное; но, не знаю, удобо-ли исполнимое? Мнѣ сильно хотѣлось-бы, чтобы ты перешелъ на службу въ столицу. Я часто думаю: какъ это такъ вышло? Ты—изъ Петербурга, я—изъ Москвы, а залетѣли мы куда Макарь телятъ не гонялъ. Мнѣ иногда приходитъ въ голову, что если мы проживемъ тутъ нѣсколько лѣтъ, то кончится тѣмъ, что ты погрузишься въ карточную игру и научишься пить водку, а я совершенно одурѣю и ополѣю. Мнѣ съ здѣшними дамами невыносимо скучно. Весною самый оживленный разговоръ у нихъ былъ о томъ, у кого когда занеслись куры; лѣтомъ только и говорили о вареньѣ, осенью главнымъ предметомъ ихъ бесѣдъ были огурцы, картофель и капуста, а теперь при каждой встрѣчѣ освѣдомляются одна у другой: „ваша коровка еще не отелилась?“ Конечно, все это очень почтенно и полезно; но пока я еще не могу вполне имъ сочувствовать и погрузиться въ одно только хозяйство; да у меня и нѣтъ ни куръ, ни коровы, ни огорода. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось-бы бывать въ театрахъ, въ концертахъ, на литературныхъ вечерахъ! Въ здѣшнемъ захолустѣ, мнѣ кажется, спокойно можно жить и отдыхать уже тогда, когда достаточно попользуешься благами столичной жизни, подъ старость. Теперь же.... просто страшно за тебя и за себя!

— А развѣ я не мечтаю о томъ-же? сказалъ Jean. Иногда я думаю: хоть-бы на меньшемъ окладѣ жало-

ванья, хоть-бы въ маленькой квартиркѣ на пятомъ этажѣ, но жить въ Петербургѣ.

— А я готова, не покладая рукъ, трудиться надъ переводами и бѣгать по урокамъ въ столицѣ.

— Да; но необходимо потерпѣть два-три годика, замѣтилъ съ грустью молодой человѣкъ.

— Ай! что мы сдѣлали! вскрикнула Alexandrine. Вѣдь ужъ безъ двадцати пяти минутъ 12.

И они побѣжали въ переднюю одѣваться.

— Гаврила, не убирай со стола, а чтобы къ нашему приѣзду былъ готовъ самоваръ! распорядился Jean, выходя на крыльцо.

— Знаешь, душенька, говорилъ онъ, уже усѣвшись въ баулъ, я хочу, чтобы вышло такъ, какъ будто всю ночь мы встрѣчали новый годъ у себя и только на короткое время, какъ-бы въ другую комнату, отлучались поздравить стариковъ. Мы пробудемъ у нихъ недолго. Вернувшись, опять сядемъ у себя за столъ и будемъ пить чай.

— Что-же, это очень хорошо, отвѣчала жена.

Домой однако молодые люди возвратились въ пятомъ часу утра, донельзя пресыщенные обильнымъ ужиномъ и до того утомленные танцами, что пробѣжали черезъ залу, и не взглянувъ на свой убранный столъ. Гаврила спросилъ-было, подавать-ли самоваръ?

— Убирайся ты со своимъ самоваромъ! Раздѣвай меня поскорѣе, говорилъ его молодой баринъ.

III.

Небольшая квартира въ Москвѣ. Лучшая комната во всемъ помѣщеніи обставлена разнокалиберною ме-

белью; въ ней чисто, но неуютно. Въ правомъ углу не видно иконы; на стѣнахъ нѣтъ картинъ; на подоконникахъ ни одного горшка съ зеленью. Столы не покрыты скатертями; полъ безъ ковровъ.

Въ прадедовскомъ креслѣ сидитъ старикъ лѣтъ за шестьдесятъ въ сѣромъ драповомъ халатѣ. Голова у него вся голая; усы и широкая, длинная борода бѣлые, какъ лунь. Черезъ большіе серебряные очки онъ внимательно читаетъ газету.

За письменнымъ столомъ сидитъ еще молодая женщина, блѣдная и худая, съ обстриженными волосами, въ черномъ суконномъ платьѣ. Она усердно что-то пишетъ.

Уже много часовъ они сидятъ въ этой комнатѣ, не перекинувшись ни однимъ словомъ. Тишина нарушается только скрипомъ пера, переворачиваніемъ листа газеты и тиканьемъ часовъ.

Старикъ взглянулъ на стоявшій передъ нимъ на столѣ будильникъ; отложилъ газету и снялъ очки.

— Санюша, несмѣло сказалъ онъ, это ты свою азбуку все составляешь?

— Да, отрывисто отвѣтила женщина.

— Я давеча безъ тебя просмотрѣлъ ее. Это очень хорошо, что у тебя тамъ много говорится о растеніяхъ и животныхъ; но отчего-же ты, дружокъ, не вписала туда ни молитвъ, ни стиховъ никакихъ?

— Судья тоже, насмѣшливо отозвалась она.

— Что это, Санюша, заговорилъ онъ жалобнымъ голосомъ, ты обращаешься со мною какъ съ безграмотнымъ какимъ. Вѣдь въ своемъ полку я считался однимъ изъ самыхъ образованныхъ офицеровъ; многіе мои товарищи...

— Тысячу разъ слыхала, прервала она, что многіе

твои товарищи фамиліи своей правильно подписать не умѣли, а ты географію зналъ.

Старикъ съежился въ креслѣ и плотнѣе запахнулъ халатъ, какъ-будто на него повѣяло холодомъ. Долго онъ сидѣлъ въ печальномъ раздумѣ, иногда только взглядывая на будильникъ.

— Санюша, опять робко заговорилъ онъ, я велю Дуняшѣ поставить самоварчикъ?

Что это ты меня спрашиваешь, какъ начальницу. Хочешь пить чай, такъ пей. Какое мнѣ до этого дѣло.

— Да мнѣ хотѣлось-бы, чтобы ты тоже со мной сѣла за самоваръ. Черезъ часъ новый годъ наступитъ. Мы-бы встрѣтили его за однимъ столомъ. Все какъ-будто повеселѣе.

— Можетъ быть, выпью стаканъ.

Старикъ вышелъ и велѣлъ кухаркѣ ставить самоваръ. Черезъ четверть часа столъ передъ диваномъ покрытъ былъ красной скатертью; на немъ весело шумѣлъ чистый самоваръ. Старикъ принесъ варенье и булокъ, и тутъ-же поставилъ свой будильникъ. Комната приняла болѣе жилой и уютный видъ. Молодая женщина приставила къ чайному столу стулъ и сѣла.

Старикъ все посматривалъ на будильникъ.

— Ну, вотъ и новый годъ наступилъ, сказалъ онъ, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ и потомъ проговорилъ вслухъ: „Благослови вѣнецъ лѣта благости Твоея, Господи, на сей 1866 годъ.“ Поздравляю тебя, Санюша, съ новымъ годомъ и желаю тебѣ переменъ къ лучшему. Пожелай и ты мнѣ чего-нибудь хорошаго.

— Что ты пустяя слова-то говоришь, отецъ. Не все-

ли равно тотъ или другой годъ, и въ началѣ, и въ концѣ года я всегда желаю, чтобы ты былъ здоровъ.

— Санюша, будь ты со мною посписходительнѣе. Вѣдь, можетъ быть, это и послѣдній годъ моей жизни, смиренно говорилъ отецъ. Вѣдь вотъ твоя сестра Наденька полегкомысленнѣе тебя, а все какъ-то помягче. Прошедшій годъ она встрѣчала со мною, и подружекъ поназвала, и разныхъ лакомствъ накупила. Мы и пошутили, и посмѣялись, и поздравляли другъ друга съ новымъ годомъ. А ты какая-то ужъ черезъ-чуръ суровая и холодная. Мнѣ подчасъ просто жутко съ тобою.

— Не понимаешь, отецъ: только у такихъ, какъ я, живая душа и горячее сердце, а твоя Наденька и подобныя ей—куклы, маріонетки.

И, глядя задумчиво куда-то въ пространство, она вслухъ проговорила: „Да, этотъ немногочисленный рядъ людей подобенъ тепловодному гольфстрему среди холодного океана.“ Услыхавъ слово „гольфстремъ“, старикъ съ наивнѣйшимъ видомъ сказалъ:

— Я надняхъ читалъ объ этомъ самомъ гольфстремѣ. Удивительное дѣло! Горячая рѣка течетъ посерединѣ холодного океана. Да, дивны дѣла Твои, Господи!

Выпивъ стаканъ чая, дочь возвратилась къ письменному столу и начала прибирать бумаги.

— Ты еще будешь работать, Санюша? спросилъ отецъ.

— Нѣтъ, лягу спать. Завтра надо рано встать.

— А завтра тоже будешь работать?

— Буду.

— У тебя, я думаю, всѣ руки-то въ мозоляхъ.

Дочь подставила къ свѣчкѣ свою правую руку.

— А и въ самомъ дѣлѣ, проговорила она. Три мозоли: отъ пера, отъ иголки и отъ спицы. Тѣмъ лучше: „слава трудовому поту; честь мозолистымъ рукамъ“.

— Завтра, заговорилъ отецъ, добрые люди въ храмъ Божій пойдутъ и колѣнопреклоненно просить будутъ у Господа благословенія и милостей на начинающійся годъ.

Дочь быстро обернулась къ нему и молча пронизала его холоднымъ, насмѣшливымъ взглядомъ.

Старикъ опять съежился и прижался въ уголъ дивана. Потомъ по лицу его пробѣжала какая-то мысль; онъ смѣлѣе взглянулъ на дочь и твердымъ голосомъ сказалъ:

— Я вижу, сударыня, что ты слишкомъ рано овдовѣла и совѣтоваль-бы тебѣ опять выйти замужъ. Тогда блажь-то эту выкинешь изъ головы.

— Давай эти совѣты своей Наденькѣ, а я не кукла и не самка, рѣзко возразила она, направляясь къ двери.

— Спаси тебя Царица Небесная отъ всякихъ напастей, говорилъ старикъ, провожая ее грустнымъ взглядомъ.

IV.

Увѣнчанная короною, одиноко, безъ колокольной, стоитъ высокая, бѣлая церковь, какъ исполинскій призракъ, надъ спящимъ селомъ и глядитъ на самую середину широкой улицы.

Снѣгъ густо завалилъ и эту улицу, и стоящія по обѣимъ ея сторонамъ деревянные домики.

Тишина мертвая, полночная. Даже собаки деревенскія уснули спокойно; имъ не на кого лаять: всѣ жители села давно уже спятъ глубокимъ сномъ. Только въ крайнемъ къ лѣсу, стоящемъ на отшибѣ двухъ-этажномъ домѣ черезъ щели внутреннихъ ставней просвѣчиваетъ огонь, хотя слѣдъ къ дому заметенъ свѣжимъ снѣгомъ.

Просторная комната съ бревенчатыми сосновыми стѣнами, необклеенными обоями, освѣщается висящею съ середины потолка лампою, свѣтъ которой отражается въ большомъ старинномъ зеркалѣ.

Въ правомъ углу передъ художественнымъ изображеніемъ Воскресенія Господня теплится огонекъ въ красной лампадкѣ. Вдоль стѣнъ разставлены старинные столы и стулья.

Одинъ уголъ комнаты имѣетъ видъ зеленой горки: онъ снизу до верху заставленъ маленькими елями и соснами въ горшкахъ, стоящихъ на широкой лѣстницѣ.

На одной стѣнѣ виситъ портретъ мужчины лѣтъ сорока пяти съ ярко обозначеннымъ на мундирѣ орденомъ, ради котораго, очевидно, написанъ и самъ портретъ; подъ этимъ портретомъ стоитъ старинное большое кресло.

На всѣхъ предметахъ лежитъ отпечатокъ такой чистоты, какъ-будто недавно все заново отполировано. Отъ сосновыхъ стѣнъ и отъ зеленой горки распространяется пріятный смолистый запахъ свѣжаго лѣса.

Подъ лампою, облокотившись на столъ, сидитъ и читаетъ книгу блѣдная и исхудалая женщина среднихъ лѣтъ, въ ватерпруфѣ изъ сѣраго трико, перетянутомъ кожанымъ поясомъ.

Стѣнные часы возлѣ зеленой горки начали отбивать полночь. Она отняла голову отъ книги; взглянула на часы; потомъ обвела глазами всю комнату и мысленно проговорила: „Вотъ уже и 1880 годъ насталъ. Третій новый годъ встрѣчаю я въ этомъ баснословномъ, невыносимомъ одиночествѣ. Умри я теперь—и больше недѣли меня никто не хватится. Да и нѣтъ до меня никому никакого дѣла. Отъ домовъ причта я сижу одна на разстояніи нѣсколькихъ сотъ саженой; слѣва семь пустыхъ дворовъ; сзади лѣсъ, поле, опять лѣсъ, опять поле и не знаю на сколько верстъ отъ людей; направо поле, лѣсъ, дача какого-то Шульца, бывшая бабушкина усадьба. Какъ тамъ было оживленно! Сколько знакомыхъ и родныхъ лицъ! и нѣтъ теперь никого изъ нихъ въ живыхъ, а можетъ быть и есть кто, да не знаю гдѣ. Въ послѣдній годъ бабушкиной жизни тамъ была елка.... А вѣдь тотъ вечеръ, тридцать слишкомъ лѣтъ назадъ, былъ, какъ теперь помню, полонъ предзнаменованій: на жизненномъ пиру, какъ и тогда съ елки, мнѣ ничего не досталось; блеснула была какая-то звѣзда, да и та оказалась фольговою и скоро измялась. Какъ тогда другія дѣти позавидовали сначала мнѣ, такъ и потомъ были недальновидные завистники, а подъ конецъ жизнь дала имъ многое, а я осталась съ пустыми руками. А этотъ голубой контушикъ, въ который меня почему-то нарядили, развѣ онъ не предвѣщалъ, что я буду замужемъ за полякомъ? Да, на каждомъ шагу кладемъ мы себѣ знаменія, какъ сейчасъ я прочла въ книгѣ, „своя знаменія“ и не познаемъ ихъ“.

Долго женщина сидѣла въ раздумьѣ; потомъ взглянула на портретъ и сердце ея болѣзненно сжалось.

„Смиренный, безцѣнный, святой старикъ! мысленно говорила она. Ты чувствовалъ себя со мною одиноко; тебѣ было при мнѣ холодно и жутко. Видишь, какъ я теперь одинока; какъ мнѣ холодно и жутко. Если-бы сейчасъ ты былъ здѣсь; сидѣлъ-бы на этомъ старомъ креслѣ, которое для меня стало дорого и священо,—до земли поклонилась-бы тебѣ и, стоя на колѣнахъ, цѣловала-бы твои руки.“ Взглянувъ на икону Воскресенія, она обратилась опять къ портрету и, забывши совсѣмъ, что это не живой человѣкъ, громко сказала: „Теперь я понимаю, отецъ, для чего именно мнѣ ты завѣщалъ это изображеніе.“

Голосъ странно прозвучалъ по пустому дому и увеличилъ жуткость одиночества: уже нѣсколько дней женщина эта не слыхала ни своего, ни чужаго голоса. Какъ подъ защиту, она подошла къ иконѣ, опустилась на колѣна и начала молиться.

V.

Среднихъ размѣровъ меблированная комната въ Москвѣ. За письменнымъ столомъ сидитъ пожилая женщина въ синемъ фланелевомъ платьѣ и черезъ очки читаетъ только что принесенное почтальономъ письмо. Шумно и весело входятъ четыре молодыя дѣвушки и, снимая калоши и шубы, изъ передней кричатъ:

— Александра Степановна, мы отпросились встрѣтить новый годъ съ вами.

— Очень рада, отвѣчала пожилая женщина, здороваясь съ ними. Что это у васъ, дѣточки, за пакеты и бутылка?

— А это мы купили гостинцевъ, чтобы сладко встрѣтить девяносто седьмой годъ, говорила блондинка Юленька. Въ бутылкѣ ананасная шипучая вода; мы ее будемъ пить вмѣсто шампанскаго. Милая Александра Степановна, вы съ нами погадаете?

— Съ удовольствіемъ; только какъ-же мы будемъ гадать?

— Авотъ мы сначала приготовимъ все, сказала Варенька, раскладывая столъ.

Молодые дѣвушки принялись хозяйничать, какъ дома; разостлали скатерть, высыпали лакомства въ тарелки и разставили ихъ на столѣ.

— Наташенька, это вы зачѣмъ? съ нѣкоторымъ смущеніемъ спросила Александра Степановна.

— Я хотѣла поставить это лавровое деревцо на столѣ сзади лампы.

— Примѣта нехорошая, а впрочемъ горшокъ-то мой, съ грустной улыбкой замѣтила пожилая дама.

И ей ясно вспомнилось, какъ ея Жан не хотѣлъ ставить на столѣ горшокъ съ землею, а она поставила и черезъ три мѣсяца овдовѣла. Да, горе дѣлается чело^вѣка суевѣрнымъ.

Когда столъ былъ убранъ, начали составлять программу вечера: сначала будутъ лить воскъ и жечь бумагу; потомъ станутъ смотрѣть въ стаканъ съ водой, гдѣ на днѣ положить обручальное кольцо; затѣмъ нальютъ въ глубокую тарелку воды, пустятъ по ней плавать восковую свѣчку въ скорлупкѣ отъ грецкаго орѣха, а по краямъ тарелки положить билетики. Пока-же часы будутъ бить двѣнадцать, онѣ напишутъ по три желанія; наконецъ чокнутся ананасной водой и поздравятъ другъ друга.

Усердно уничтожая лакомства, дѣвушки принялись жечь бумагу и пристально вглядываться, какія фигуры выходятъ на стѣнѣ. Въ комнатѣ страшно начали, а кромѣ зайцевъ, собакъ и саней ничего не увидели. Должно быть, имъ удастся прокатиться за городъ.

— Теперь, Александра Степановна, позвольте ваше обручальное кольцо, просить Мари.

— Нѣтъ, дѣтки, въ мое кольцо не глядите. Я возьму для васъ обручальное кольцо у своей сосѣдки; она тридцать лѣтъ счастливо прожила съ мужемъ.

Кольцо принесено; начинаютъ смотрѣть въ стаканъ, Три дѣвушки видѣли только черное пятно.

— Ну право-же, кричитъ Варенька, я вижу фигуру какого-то полицейскаго; точь въ точь нашъ околодочный. Александра Степановна, объясните пожалуйста, отчего я вижу околодочнаго?

— Это очень трудно объяснить. Впрочемъ совпаденіе есть: мужъ этой дамы, у которой я взяла кольцо, былъ частный приставъ; стало быть полицейскій.

— Ай! такъ это онъ сидитъ въ стаканѣ, вскрикнула Варенька, отскакивая отъ стола.

— Теперь свѣчку по водѣ пустимъ; сначала на Юленьку.

Скорлупка заколыхалась на водѣ; потомъ поплыла и остановилась передъ билетикомъ, съ надписью „замужество“.

— Теперь очередь Мари.

Свѣчка остановилась передъ записочкой „денежное письмо“.

— Теперь на Вареньку.

Скорлупка подплываетъ къ билету „полезное знакомство“.

Очередь Наташеньки. Дѣвушка съ замираніемъ сердца слѣдитъ за свѣчкой. Есть одинъ билетикъ, ей крайне желательный.

— Даже не вѣрится такому счастью! вскрикиваетъ она, когда скорлупка остановилась передъ желаннымъ билетикомъ „успѣхъ“.

Дѣло въ томъ, что Наташенька въ первый разъ написала маленькій рассказъ, отнесла его въ редакцію и съ большимъ нетерпѣніемъ и волненіемъ ждетъ отвѣта.

— Александра Степановна, теперь загадайте на себя, говорятъ дѣвушки.

— Да мнѣ, дѣточки, уже ровно нечего ни загадывать, ни разгадывать въ своей жизни. А вы лучше приготовьте бумажки и карандаши: черезъ семь минутъ часы начнутъ бить двѣнадцать.

Когда желанія были написаны и ананасная вода съ поздравленіями выпита, дѣвушки привели комнату въ прежній порядокъ и, поблагодаривъ Александру Степановну за участіе въ ихъ затѣяхъ, весело пошли домой.

А она, оставшись одна, глубоко задумалась о томъ полувѣковомъ кругѣ времени, который прошла въ своей жизни, полной превратностей. Ея воображеніе воспроизвело передъ нею десятки разнообразныхъ встрѣчъ новаго года: и первую елку у бабушки, и новый годъ съ ея Жаномъ, такъ рано скончавшимся; по сердцу рѣзнуло воспоминаніе о новомъ годѣ, встрѣченномъ съ отцомъ, и не зажившую рану почувствовала она, когда припоминались встрѣчи трехъ новыхъ годовъ въ деревенскомъ одиночествѣ. „Но ничего подобнаго теперь уже не можетъ случиться, подумала она, доплелась наконецъ до уравниваемости“.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ШКОЛЬНЫЙ САМОСУДЪ.

(Изъ воспоминаній).

Учебныя заведенія, особенно закрытыя, развиваютъ въ своихъ воспитанникахъ и воспитанницахъ такое чувство товарищества, что нерѣдко между сестрами и братьями не бываетъ той тѣсной дружбы, какая существуетъ между совершенно чужими, но прошедшими вмѣстѣ весь школьный возрастъ.

По выходѣ изъ института мнѣ часто приходилось встрѣчаться съ бывшими своими подругами или просто одноклассницами. Встрѣчи эти всегда очень пріятны и мы искренно передаемъ другъ другу разныя приключенія изъ своей жизни, ничего не утаивая; вспоминаемъ прошлое, спѣшимъ подѣлиться настоящимъ и откровенно высказываемъ свои предположенія на будущее.

Но вотъ недавно я встрѣтила на улицѣ бывшую свою совоспитанницу и, вмѣсто того, чтобы по обыкновенію броситься другъ къ другу съ расprostертыми объятіями, она, завидѣвъ меня, быстро повернула въ другую сторону, а я не рѣшилась окликнуть ее, такъ какъ увѣрена была, что встрѣча со мною должна не-

премѣнно расшевелить въ ея душѣ очень тяжелое воспоминаніе.

Въ томъ институтѣ, про который я говорю, воспитываются дочери и генераловъ, и князей, и едва добившихся чина провинціальныхъ чиновниковъ; поэтому туда поступаютъ дѣвочки съ совершенно различными понятіями и манерами; но въ мое время эти различія быстро сглаживались и подводились подъ одну норму. Если *новенькая* въ самомъ маломъ классѣ пожалуется, бывало, классной дамѣ на своихъ товаровъ или стащить что-нибудь, то ее беспощадно забранивалъ (по институтски „загрызалъ“) весь классъ и подвергалъ такому презрѣнію, что навсегда отнималъ охоту поступить такъ въ другой разъ. Солгать передъ классной дамой и передъ учителемъ, или ловко передъ ними вывернуться изъ бѣды, не нанося непріятностей никому изъ своего класса—это считалось похвальнымъ удалствомъ, или молодечествомъ. Ложь-же передъ подругами никогда не проходила безъ наказанія; но наказывали не классныя дамы, а сами воспитанницы.

Въ слѣдующемъ классѣ уже не было ни доносовъ, ни жалобъ. Классныя дамы съ утра до вечера сидѣли въ классѣ; видѣли, какъ воспитанницы готовятъ уроки или отвѣчаютъ учителямъ, но что между ними что-нибудь случилось въ ихъ внутренней жизни—этого никогда не знали. Точно такъ-же одному классу неизвѣстно бывало, что происходитъ въ другомъ; даже родной сестрѣ, находящейся въ другомъ классѣ, не позволялось ничего рассказывать изъ общинной жизни класса.

Говорить по-русски было строжайше запрещено: за каждое сказанное по-русски слово на провинившуюся

вѣшали красный картонный языкъ, который она должна была немедленно передать другой, пойманной ею на русскомъ словѣ. Каждую такую провинность отмѣчали крестикомъ, а три крестика за недѣлю неумолимо лишали удовольствія видѣться съ родственниками въ воскресенье. Съ той минуты, какъ классная дама появлялась по утру въ дортуарѣ, чтобы вести воспитанницъ къ завтраку, беспощадно начиналъ дѣйствовать красный языкъ; но какъ только вечеромъ легли въ постели, а за классной дамой затворилась дверь, красный языкъ терялъ все свое значеніе, и горе той, которая передастъ его кому-нибудь въ такое свободное время. Послѣ этого весь классъ (человѣкъ 65) будетъ зорко слѣдить, чтобы она не обмолвилась по-русски даже во снѣ. Долгое время никто не будетъ говорить съ ней ни слова и даже, проходя мимо, будутъ сторониться отъ нея, какъ отъ зачумленной. Такой остракизмъ выкупался только какимъ-нибудь геройски благороднымъ подвигомъ (конечно въ дѣтскомъ смыслѣ слова).

Такъ какъ въ приготовительныхъ классахъ еще недостаточно владѣли иностранными языками, то всѣ общинныя распоряженія, рѣшенія, слѣдствіе и судъ производились въ банѣ, гдѣ красный языкъ тоже бездѣйствовалъ.

Во-второмъ приготовительномъ классѣ у одной дѣвочки изъ табуретки пропали разъ двѣ сдобныя лепешки. Когда она объ этомъ заявила всему классу, раздались со всѣхъ сторонъ крики: „Воровка, признавайся, а то хуже будетъ!—Признавайся скорѣ!“ Одна дурковатая и ничтожная дѣвочка призналась. Классъ приговорилъ, чтобы она въ продолженіи мѣсяца свою

порцію третьяго блюда за обѣдомъ отдавала той, у которой съѣла лепешки; кромѣ того непременно достала-бы откуда хочетъ двѣ такія-же лепешки. Презрѣніемъ не наказали, такъ какъ она и безъ того не пользовалась уваженіемъ; но все время, пока она была въ нашемъ классѣ, у нея не было другого имени и другой фамиліи, какъ „сдобныя лепешки“.

Въ третьемъ приготовительномъ классѣ были преимущественно дѣвочки тринадцати лѣтъ, нѣсколько воспитанницъ четырнадцатилѣтнихъ и двѣ или три пятнадцати лѣтъ. Всѣ были уже испытанной честности. Вдругъ въ одно утро, едва только мы начали просыпаться, очень порядочная и правдивая дѣвушка громко закричала: „Mejdames, у меня изъ шкатулки пропали три рубля!“ Въ одну минуту всѣ вскочили на ноги.

— Ради Бога, ищи получше! кричали ей нѣкоторые.

— Не потеряла ли? отозвались другія.

— Да какъ же я могла потерять, когда вчера ихъ получила, вечеромъ положила въ шкатулку и заперла ее ключемъ, а ключъ привѣшанъ къ шнурку отъ креста.

— Значить, съ тебя сняли крестъ со шнуркомъ?

— Да, и потомъ положили подъ подушку.

Всѣхъ охватилъ ужасъ; разомъ всѣ почувствовали, что въ классѣ есть одна живая покойница, которой лучше-бы было умереть.

— Скорѣй судить! скорѣй судить! закричали многія.

Нашъ судъ состоялъ въ слѣдующемъ: къ шнурку отъ креста привязывали молитвенникъ и закручивали шнурокъ, потомъ отпускали его и молитвенникъ

начиналъ вертѣться. Въ это время по правую сторону отъ держащей шнурокъ съ молитвенникомъ одна воспитанница читаетъ: „Отче нашъ“, а другая, стоя по лѣвую сторону, ровнымъ голосомъ произноситъ въ алфавитномъ порядкѣ фамиліи всѣхъ одноклассницъ.

Немедленно кинутъ былъ жребій, кому держать шнурокъ, кому читать молитву и кому произносить фамиліи. Послѣдняя обязанность на этомъ судѣ выпала на мою долю. Мгновенно всѣ образовали кругъ, хотя еще не одѣтыя и съ распущенными волосами; одни на босую ногу, другія едва прикрытыя блузой. Вынуженія жребій стояли въ серединѣ. Пристально глядя на вертящійся молитвенникъ, всѣ замерли отъ ожиданія. Шнурокъ раскручивается; молитвенникъ медленно поворачивается; одна набожно читаетъ „Отче нашъ;“ я стараюсь произнести одну фамилію при каждомъ поворотѣ книжки. Уже остается только четыре фамиліи. „Аделаида Янышевская“, говорю я. Молитвенникъ повернулся.

„Зинаида Янышевская“. Молитвенникъ остановился. Конечно, это была случайность, но тогда мы твердо вѣрили въ справедливость такого суда.

Шестьдесятъ четыре пары глазъ впились въ Зинаиду Янышевскую; одни въ выраженіемъ ужаса; другіе съ негодованіемъ, третьи съ презрѣніемъ и очень немногіе съ сожалѣніемъ.

Зинаида Янышевская, высокая пятнадцатилѣтняя дѣвушка, приняла дерзкую, вызывающую позу; хотѣла окинуть всѣхъ наглымъ взглядомъ, но, не обведя глазами и десятерыхъ, поблѣднѣла, затряслась всѣмъ тѣломъ и грохнулась на колѣни. Ее прострѣливали взглядами

Дрожащею рукою она вынула изъ кармана асигнацію и молча протянула съ нею руку.

Это была такая картина, которая вѣроятно врѣзалась въ памяти у всѣхъ присутствовавшихъ. Изъ круга на средину выступила ея тринадцатилѣтняя сестра и, захлебываясь отъ душившихъ ее рыданій, почти прокричала.

— Зинаида! Знай! теперь у тебя уже нѣтъ... сестры Адели.

И дѣвочка съ истерическими рыданіями бросилась на кровать. Взять ассигнацію подошла къ Зинаидѣ Янышевской та, у которой она ее украла.

Вскорѣ въ дортуаръ вошла классная дама. Всѣ миготъ одѣлись и стали на молитву. Во время двухъ до обѣденныхъ уроковъ въ классѣ господствовало торжественное настроеніе; только незамѣтно ни для учителей, ни для класной дамы безпрестанно молча передавались другъ другу записочки съ мнѣніями о приговорѣ. Шедши къ обѣду, всѣ уже знали этотъ приговоръ.

Послѣ обѣда всѣ классы пошли въ садъ. Классныя дамы, введя воспитанницъ въ садъ, немедленно удалялись обѣдать, а дѣвочки разбѣгались по всѣмъ дорожкамъ. Нашъ классъ вошелъ въ садъ и торжественно продолжалъ идти попарно до середины. Зинаида Янышевская, зеленовато-блѣдная, шла между нами, какъ Ченчи, ведомая на казнь. Дошедши до середины сада, классъ опять образовалъ тѣсный кругъ. По выпавшему жребію одна вытолкала ее на средину; другая поставила на колѣни, а третья приколола къ спинѣ бумажку, на которой крупными буквами было написано: „Voleuse“. И затѣмъ по командѣ „un, deux trois“ всѣ быстро отбѣжали отъ нея.

Всему классу невыносимо было тяжело, что изъ избы выносился соръ, но преступленіе было такъ велико, что требовало сильнаго наказанія.

Воспитанницы другихъ классовъ, проходя неумышленно мимо Зинаиды Янышевской, невольно читали записку на ея спинѣ; но потомъ старались уже не проходить тутъ. При выходѣ изъ сада приколовшая записку должна была отколоть ее.

Наша классная дама и не подозрѣвала, какая трагедія разыгралась въ ея классѣ.

Зинаида Янышевская послѣ этого суда надъ ней, начала у всѣхъ заискивать, стараться угодить, но потомъ, видя, что съ ней никто не говоритъ, даже сестра Адель, всѣ отъ нея сторонятся, и сама замолчала такъ, что голосъ ея слышали только тогда, когда она отвѣчала уроки. Ни съ какими просьбами, ни съ какими вопросами къ ней не обращались. Ея какъ-бы не было въ классѣ, и она совершенно ушла въ себя. Въ такомъ положеніи она находилась пять лѣтъ, т.е. до самаго ея выхода изъ института.

Со времени этого школьнаго самосуда прошло тридцать пять лѣтъ. И столь громадный промежутокъ времени, какъ видно, не изгладилъ его изъ памяти подсудимой, потому что встрѣтившаяся недавно со мною и бѣжавшая отъ меня, какъ отъ участницы въ этомъ судѣ, была Зинаида Янышевская.

Когда этотъ разсказъ изъ моихъ воспоминаній былъ напечатанъ въ журналѣ „Сѣверъ“, то нѣкоторые изъ прочитавшихъ его лицъ спрашивали меня: настоящая-ли фамилія выставлена мною? Поэтому теперь я нахожу

должнымъ замѣтить, что имя и фамилія несчастливой дѣвушки вымышленныя. Еще считаю нужнымъ добавить, что съ теченіемъ времени, когда ея совоспитанницы достигли шестнадцати и семнадцати-лѣтняго возраста, въ которомъ сердца становятся мягче, и онѣ смягчились въ отношеніи ея; но она уже замкнулась въ себѣ и стала недовѣрчива.

Гюнтеръ и Ангеличъ.

(Изъ воспоминаній.)

Въ 1871 году мнѣ пришлось прожить нѣкоторое время въ чешской Прагѣ. До самаго отъѣзда своего туда я ни разу не встрѣчалась ни съ однимъ чехомъ и не имѣла понятія о чешскомъ языкѣ, хотя въ моемъ присутствіи о чехахъ много рассказывали Михаилъ Петровичъ Погодинъ, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ и Дмитрій Александровичъ Агреньевъ (Славянскій). Послѣдній далъ мнѣ адресъ гостинницы, гдѣ большею частію останавливаются русскіе и записалъ имена лицъ, съ которыми совѣтовалъ познакомиться. Затѣмъ меня снабдили письмомъ къ нѣкому Гюнтеру, писавшему корреспонденцію изъ Праги въ русскія газеты, и просили въ этомъ письмѣ, чтобы онъ былъ моимъ руководителемъ тамъ.

Горячаго чувства славянофильства во мнѣ не было, но мнѣ любопытно было убѣдиться, въ какой степени проявляется славянское родство между русскими, поляками и чехами въ области языка и обычаевъ. Русскій и польскій языки я знала; оставалось познакомиться съ чешскимъ. Провести сравненіе и сличить раз-

ницу именно въ этихъ языкахъ любопытно мнѣ было потому, что, какъ говорятъ, чехъ, ляхъ и руссъ были три родныхъ брата славянина и говорили, стало быть, въ свое время на одномъ языкѣ.

Въ первый-же день своего приѣзда въ Прагу я поѣхала къ г. Гюнтеру съ письмомъ. Его не оказалось дома. Я оставила для передачи ему карточку, написавъ на ней свой адресъ и часъ, когда меня можно видѣть, а сама пошла пройтись пѣшкомъ по наиболѣе оживленной улицѣ. На прибитой къ угольному дому дощечкѣ я прочла, что улица эта называется „Грабенъ“, „Пшекопъ“

„Kolovratstrasse“. „Очевидно, размышляла я, въ старину тутъ стояла застава, потому что въ польскихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ улицы на концахъ запирались или загораживались „коловоротомъ“. то есть вертящеюся рогаткою, и по-русски есть слово „коловоротъ“. Сходство большое: коловратъ, коловоротъ и коловратъ. Нѣмцы прибавили къ этому слову „Strasse“. Затѣмъ въ этой мѣстности вѣроятно были неровности или ровъ и ее перекопали; отсюда происходитъ названіе „Пшекопъ“, то-есть перекопъ. Понѣмецки копать или рыть „Graben“, и вотъ вышло названіе улицы „Грабенъ“. Оно стоитъ вверху, потому что нѣмцы, пришедши въ Чехію, взяли своею смѣлостью во всемъ верхъ надъ чехами, какъ я слыхала объ этомъ еще въ Москвѣ.

Вступаю на улицу. Въ окнахъ нижняго этажа крупными буквами написано „снѣданіе“, „поливка“. „Снѣданіе“... вѣдь по-польски „сняданье“ значитъ „завтракъ“, соображаю я. „Поливка“ —какое-нибудь жидкое кушанье. Разумѣется, это все славянскія слова“.

На встрѣчу мнѣ идутъ два рабочихъ. „Я быль-бы радъ“, говоритъ одинъ изъ нихъ. „Ну, ужъ это со-

всѣмъ по-русски, думаю я. Только буква *ы* у него вышла болѣе похожею на *и*. Эти четыре слова, вѣдь, я могу услышать вплоть до Алеутскихъ острововъ. Ну, конечно, чехи—славяне, Да и лица у многихъ встрѣчающихся скорѣе похожи на русскія, нежели на нѣмцкія“.

Съ такими размышленіями я возвратилась въ гостиницу. Минуть черезъ десять послышался стукъ въ дверь моего номера и вошелъ молодой человѣкъ высокій, здоровый, румяный, одѣтый въ черную чамарку—

— Я—Гюнтеръ, сказалъ онъ, кланаясь.

— Милости прошу, войдите и сядьте, отвѣтила я.

— Ахъ, какъ вы это хорошо сказали! какъ на меня повѣяло святою Русью, говорилъ онъ, садясь въ кресло. Я былъ въ Россіи и у меня остались о проведенномъ тамъ времени прелестныя воспоминанія; но я возвратился на родину, чтобы быть ей тутъ полезнымъ.

Гюнтеръ спрашивалъ меня о Москвѣ, рассказывалъ о Прагѣ, о чехахъ и ихъ борьбѣ съ нѣмцами. Онъ говорилъ по-русски грамматически вполне правильно, но съ нѣкоторымъ акцентомъ и употребляя звукъ *и* вмѣсто *ы*.

На слѣдующій день онъ привелъ ко мнѣ своего младшаго брата Вячеслава, студента пражскаго университета и его товарища, тоже студента. Гюнтеръ старшій сказалъ, что по-чешски его зовутъ Ондшій, а по-русски это значитъ Андрей; отца его зовутъ Винценцъ, по-русски Викентій, и потому просилъ, чтобы я называла его не иначе, какъ Андреемъ Викентьевичемъ. Съ каждымъ днемъ число моихъ гостей увеличивалось мужскимъ и женскимъ персоналомъ. Это все были мо-

лодые люди, горячіе патріоты, изучавшіе русскій языкъ и кое-какъ на немъ объяснявшіеся.

Изъ ихъ разсказовъ я узнала исторію чешскаго королевства и познакомилась нѣсколько съ ихъ литературою. Каждое утро подъ руководствомъ кого-нибудь изъ нихъ я читала по-чешски и переводила прочитанное на русскій языкъ. Мы много занимались сличеніемъ словъ русскихъ и чешскихъ, иногда и другихъ славянскихъ нарѣчій, отыскивая корень слова и изслѣдуя, какъ оно измѣнялось въ разныхъ мѣстностяхъ. Иногда дѣлали открытія; такъ, мы открыли одинаковое въ русскомъ и чешскомъ языкахъ слово „дура“. Одна дама разсказывала въ моемъ присутствіи содержаніе прочитанной ею повѣсти и назвала героиню „дурою“. Я поняла ее разсказъ и замѣтила, что дѣйствительно героиня дура. Чехи удивились, что на русскомъ языкѣ это слово есть, стало быть оно славянское, а они производили его отъ имени Доротея, которое въ сокращенномъ и презрительномъ смыслѣ измѣняется въ „Дурку“.

Иногда оказывалось, что слово пишется на двухъ или нѣсколькихъ славянскихъ языкахъ одинаково, а значеніе имѣетъ совершенно различное, или прямо противоположное; такъ напримѣръ „наглый“ по-русски означаетъ „нахальный“, а по-польски „спѣшный“; „позоръ“ по-русски — „срамъ“, а по-словацки — „зрѣлище“; „застава“ — по-русски — „ворота въ городъ“, а на другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ означаетъ „защиту“.

Разъ служанка чешка принесла мнѣ графинъ воды и сказала, что это „черства вода“. Я удивилась, зачѣмъ она принесла не свѣжей воды, а та изумлялась, для чего мнѣ для питья понадобилась теплая вода. Мы

долго не понимали другъ друга; пока пришелъ Гюнтеръ и разъяснилъ, что „черства“ по-чешски значить „свѣжая“.

Чехи не понимали моей фамиліи. Я имъ объяснила, что фамилія моя тоже славянская; что польское слово „сковронэкъ“ по-русски означаетъ „жаворонокъ“. Такъ какъ по-чешски жаворонокъ — „скишванъ“, то меня быстро переименовали въ панни Скишванову. Нѣкоторые же называли меня русской сестрой.

Если вечеръ я проводила дома, то гости мои засиживались дольше. Мы пили чай, котораго я изъ Москвы привезла довольно много, а Гюнтеръ отыскалъ въ какомъ-то магазинѣ маленькій самоваръ и купилъ его за 16 гульденовъ. Послѣ бесѣды начиналось пѣніе. До моего пріѣзда Прагу посѣтили Славянскій и князь Голицынъ съ русскими хорами, которые они пополняли пѣвцами чехами и потому многіе изъ моихъ гостей знали русскія пѣсни. Пѣли чисто по-русски „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту“, „Выйду-ль я на рѣченьку“, „По улицѣ мостовой“ и другія. Затѣмъ начинались чешскія и словацкія пѣсни, которыя особенно хорошо исполнялись студентами. Со втораго куплета подвижной Гюнтеръ оказывался уже посреди комнаты; онъ голосомъ своимъ покрывалъ другіе голоса; руками дирижировалъ, а ногами выдѣлывалъ въ тактъ па изъ мазурки, или краковяка; впрочемъ онъ говорилъ, что это чешская народная пляска. Конечно, прежде и больше всего пѣли славянскій маршъ; при словахъ „Со ружьемъ инъ дэсницомъ нэсимо врагу громъ“, Гюнтеръ поднималъ вверхъ правую руку съ сжатымъ кулакомъ, какъ будто сейчасъ-же готовъ былъ броситься на врага и разгромить его. Куплеты этого марша чередовались

на словацкомъ и на русскомъ языкѣ. Съ большимъ тоже восторгомъ пѣли другой славянскій маршъ съ припѣвомъ: „Коракъ, коракъ за коракомъ, словенъ журно зе словакомъ; на бой ъдемъ за домъ милый! айдымо до боя!“ Айдымо. Одинъ пѣвецъ тутъ же съимпровизировалъ и переводъ этого марша на русскій: языкъ „Шагъ, шагъ, шагъ за шагомъ; словенъ дружно со словакомъ; на бой идемъ за милый домъ. Идемъ, идемъ на бой!“ Затѣмъ одинъ голосъ, теноръ, запѣвалъ: „Напрэй, напрэй айды, славяне, по Славіи славной. Нэкъ насъ вѣди наша виля къ зорѣ обѣчанной“. (Впередъ, впередъ идите, славяне, по Славіи славной и приведетъ насъ воля наша къ зарѣ обѣтованной).

Патріотическія славянскія рѣчи, патріотическія славянскія пѣсни сильно всѣхъ наэлектризовывали; заражали онѣ и меня. Я становилась славянофилкой; сочувствовала чехамъ въ ихъ борьбѣ за свою національность, а въ чешской средѣ сочувствіе мое было на сторонѣ младочешской партіи, къ которой большею частью принадлежали мои знакомые. Я встрѣчалась и бесѣдовала и съ старочехами; но они мнѣ не такъ были симпатичны своимъ католицизмомъ и несмѣлостью своей программы. Меня даже удостоилъ своимъ посѣщеніемъ почтенный вождь Чехіи Палацкій и долго со мною бесѣдовалъ, но я почувствовала къ нему только уваженіе какъ къ отцу отечества, а про себя думала, что онъ могъ-бы дѣйствовать и посмѣлѣе ради своихъ земляковъ.

Если мнѣ случалось обѣдать въ ресторанѣ и я видѣла, какъ члены австрійской *liberale Staatspartei*, занявъ столы посреди залы, громко и смѣло говорятъ

по-нѣмецки, а чехи, скромно помѣстившись вдоль стѣны, вполголоса говорятъ по-чешски, я внутренно возмущалась и уходила изъ ресторана въ дурномъ настроеніи духа.

— Мы должны поощрять чеховъ ремесленниковъ, съ жаромъ разсуждалъ Гюнтеръ. Мы должны стараться давать работу наибѣднѣйшимъ изъ нихъ и этимъ способствовать уменьшенію пролетаріата между чехами.

Черезъ нѣсколько дней онъ весело сообщилъ мнѣ, что отыскалъ очень бѣднаго чеха портного и заказалъ ему сюртукъ изъ сукна цвѣта русскаго министерства народнаго просвѣщенія.

Долго портной не приносилъ ему сюртука. Наконецъ Гюнтеръ является ко мнѣ въ обновкѣ. Увидавъ его, я изо всѣхъ силъ старалась не разсмѣяться, чтобы не обидѣть его. Впервыхъ цвѣтъ сюртука былъ васильковый; вовторыхъ, портной приложилъ все стараніе, чтобы изуродовать его стройную фигуру: талія сдѣлана была слишкомъ длинною; въ плечахъ узко, къ поясу широко, а воротникъ не прилегалъ и все поднимался кверху.

Самъ владѣлецъ васильковаго сюртука былъ не веселъ.

— А вѣдь, кажется, сюртукъ-то мой не хорошъ вышелъ, сестрица, говорилъ онъ.

— По правдѣ сказать, и мнѣ не нравится, отвѣтила я. Цвѣтъ слишкомъ яркъ; онъ годился-бы пожалуй для чамарки, какъ для костюма, а сюртуковъ такихъ голубыхъ я никогда не видывала. Затѣмъ, мнѣ кажется, что покрой не совсѣмъ складенъ.

— То-то я и чувствую, что въ плечахъ жметъ. О, гусь этакій! вѣдь сколько я толковалъ ему и общалъ доставить много заказчиковъ.

Такъ до конца я этого голубаго сюртука на Гюнте-рѣ больше не видала; но эта неудача его не охладила. Для большаго сближенія съ Россіей онъ затѣялъ открыть коммиссіонерскую контору, чтобы черезъ нее выписывали чехи товары изъ Россіи, а русскіе изъ Чехіи. Онъ нанялъ подходящую квартиру изъ двухъ комнатъ съ входомъ подъ воротами; поставилъ высокую конторку и заказалъ столяру чеху такую табуретку, какія онъ видалъ въ русскихъ конторахъ: высокую съ выгнутыми ножками, а также, замѣчательное, по его словамъ, русское изобрѣтеніе—счеты.

Когда его контора была готова, онъ пригласилъ меня и двухъ товарищей осмотрѣть ее. Мы нашли обстановку приличною и желали ему всякаго успѣха въ его предпріятіи.

— Посмотрите, сестрица, какъ будетъ удобно, сказалъ онъ весело и ловко подпрыгнувъ, сѣлъ на табуретку; но тутъ-же покачнулся и вмѣстѣ съ нею растянулся по полу. Что за притча? говорилъ онъ, поднимаясь.

— Мнѣ кажется, ножки не такъ сдѣланы, замѣтила я.—Онѣ книзу должны быть расширены, а у вашей табуретки въ серединѣ широки, а книзу сужены и вогнуты.

— Такъ, такъ; но, вѣдь, я ему такъ и объяснялъ, какъ вы говорите. О! безтолковый гусь!—Посмотрите, господа, какое удобство существуетъ въ русскихъ конторахъ; вотъ эти счеты. Пока вы будете записывать цифры на бумажкѣ, а потомъ ихъ складывать, панни Сквишанова въ одну минуту сложить большую сумму.

Онъ подалъ мнѣ счеты и началъ диктовать круп-

ныя суммы. Одинъ изъ гостей записывалъ на бумажкѣ, а я клала на счетахъ. Вдругъ къ конфузу своему и Гюнтера, я сбилась.

Это случилось оттого, что на его счетахъ копѣйки ничѣмъ не были отдѣлены отъ рублей, а между тѣмъ Гюнтеръ долго объяснялъ мастеру устройство счетъ. Пришлось отдать ихъ передѣлать, да и сработаны они были грубовато.

Вскорѣ послѣ этого, Гюнтеръ и я проходили мимо одного еврейскаго магазина и увидали въ окнѣ большой выборъ счетъ всевозможныхъ величинъ, сдѣланныхъ правильно и даже изящно. Гюнтеръ вошелъ въ магазинъ справиться о цѣнѣ и оказалось, что эти счеты стоятъ гораздо дешевле, нежели его, сдѣланные на заказъ.

Сидя разъ у меня, Гюнтеръ противъ своего обыкновенія долго молчалъ, погрузившись въ какія-то размышленія.

— О чемъ задумался, служивый? спросила я.

— О томъ-то я, сестрица, и задумался, что желалъ-бы быть служивымъ.

— Желали-бы поступить на цезарскую-королевскую службу.

— О нѣтъ! я давно мечтаю о томъ, что хорошо бы было имѣть здѣсь въ Прагѣ русскаго консула. Если-бы Россія назначила своимъ консуломъ чеха, то можно-бы было сдѣлать много полезнаго.

— А вы желали-бы быть русскимъ консуломъ?

— Сильно; но меня на эту должность не назначаютъ, несмотря на то, что я и русскимъ языкомъ владѣю, и русскіе нравы и обычаи знаю.

— Отчего-же васъ не могутъ назначить на эту должность? спросила я.

— Видите-ли, сестрица, отчего: хотя мать моя чешка и я чувствую себя истиннымъ чехомъ, но отецъ нѣмецъ и фамилія у меня чисто нѣмецкая.

— Совсѣмъ не такая рѣзко нѣмецкая, какъ Шмидтъ, Шульцъ, Миллеръ, или Мейеръ, замѣтила я.

— А вы забыли, что въ самомъ старинномъ германскомъ эпосѣ, въ пѣсняхъ Нибелунговъ одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ Гюнтеръ. Стало быть, самая нѣмецкая нѣмчура.

Мой московскій чай весь вышелъ. Гюнтеръ купилъ мнѣ коробку самага дорогого и лучшаго чаю, который однако мнѣ не понравился. Запахъ его отдавалъ духами, а вкусъ былъ не чайный. Я искала варенья; но такого густаго, какъ русское варенье, не нашла; пробовала пить этотъ чай съ лимономъ; вкусъ его не улучшался. Просила служанку купить мнѣ клюквы; но клюквы совсѣмъ не нашла. Тонни говорила мнѣ, что такая ягода, какую я описываю, растеть на ея родинѣ возлѣ Теплица.

— Тоненка —родомъ изъ Теплица? спросилъ ее Гюнтеръ.

— Изъ Теплица, а панъ докторъ откуда?

— Изъ Пшилоучи, отвѣтилъ онъ, почему-то неохотно.

Тонни покатила со смѣху.

— Панъ докторъ зъ Пшилоучи! панъ докторъ зъ Пшилоучи! повторяла она, продолжая хохотать.

— Ну такъ что-же такое, что изъ Пшилоучи, говорилъ онъ обиженнымъ тономъ и надулъ губы.

Тоненка громкимъ шопотомъ объясняла мнѣ, что

у чеховъ есть поговорка: „глоупій зъ Пшилоучи,“ что есть „пшилоучскій дурень.“

Чтобы утѣшить Гюнтера, я сказала, что Пшилоучи вполне славянское слово и у насъ есть подходящий по названію городъ Прилуки; кромѣ того я знаю въ Россіи село, носящее почти одинаковое названіе съ его родиной, а именно Прилучье.

— Если когда, Андрей Викентьичъ, вы захотите писать не подъ своей фамиліей, сказала я, то возьмите себѣ псевдонимъ „Прилуцкій,“ или „Прилучевъ,“ прозвище выйдетъ чисто славянское.

Гюнтеръ обрадовался этой мысли; повеселѣлъ, началъ смѣяться и, вертясь на каблукахъ, говорилъ: „Какъ это въ самомъ дѣлѣ будетъ великолѣпно „Андрей, Андрюша, Андрюшка Прилучевъ!“

При возвращеніи моемъ въ Россію Гюнтеръ провожалъ меня до Брюнна (городъ Брно въ Моравіи.) На одной изъ большихъ станцій (помнится, въ Прерау) онъ устроилъ цѣлую славянскую демонстрацію. Спрашиваетъ у буфетчика на чешскомъ языкѣ чаю и говядины. Буфетчикъ—нѣмецъ,—не понимаетъ. Гюнтеръ дѣлаетъ видъ, что совсѣмъ не знаетъ нѣмецкаго языка. Наконецъ буфетчикъ призвалъ для перевода маленькаго мальчика чеха. И чай, и мясо оказались гадкими. Гюнтеръ бѣсится, призываетъ буфетчика и уже забывъ, что притворялся не понимающимъ по-нѣмецки, начинаетъ конфузить его на этомъ языкѣ.

— Совѣтую вамъ съѣздить въ Россію, громко говорилъ онъ, и поучиться у тамошнихъ буфетчиковъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ слѣдуетъ кормить пассажировъ. Тамъ на каждой станціи пассажиръ будетъ сытъ.

Буфетчикъ безъ запальчивости, но язвительно замѣтилъ, что когда въ Россіи будетъ столько-же желѣзныхъ дорогъ, сколько ихъ въ Австріи, тогда и тамъ прекрасныхъ буфетовъ не будетъ.

— Въ Россіи много желѣзныхъ дорогъ! кричалъ Гюнтеръ.

— Да вѣдь мы видимъ, отвѣтилъ буфетчикъ, показывая на карту: изъ Петербурга до Варшавы и изъ Петербурга до Москвы.

Мы почему-то промолчали, а по приѣздѣ въ Москву я немедленно справилась въ календарѣ, и оказалось, что поверстно въ Россіи больше желѣзнодорожнаго пути, чѣмъ въ Австріи.

Не успѣла я оглядѣться дома и отдохнуть отъ путешествія, какъ Гюнтеръ началъ бомбардировать меня письмами. Онъ дѣлалъ мнѣ много порученій въ Россіи; просилъ отъ меня порученій въ Прагу, чтобы доставлять больше дѣятельности его коммиссіонерской конторѣ и оживлять сношенія между русскими и чехами. Корреспонденцій онъ писалъ множество въ разныя газеты и настаивалъ, чтобы я какъ можно чаще писала въ чешскіе журналы, отъ которыхъ получила приглашеніе сотрудничать: „Народны Листы“, „Женски Листы“, „Женска библіотека“.

Чтобы понукать меня къ большей дѣятельности, онъ предложилъ, чтобы я получала его гонораръ въ Россіи, а онъ будетъ получать мое вознагражденіе за корреспонденціи въ Чехіи, надѣясь, что вслѣдствіе такого обязательства я не буду отставать.

Въ началѣ 1872 года я получила восторженное письмо отъ Гюнтера. Онъ—редакторъ журнала „Славянскій

Мірѣ“, въ которомъ параллельно будутъ печататься статьи, повѣсти и стихотворенія на русскомъ и чешскомъ языкахъ. Новый редакторъ былъ полонъ наилучшихъ патріотическихъ славянскихъ надеждъ. „Мой ближайшій сотрудникъ, писалъ онъ, горячій патріотъ-славянинъ, сербъ Эммануиль Ангеличъ.

Вскорѣ я начала получать и самый журналъ, редакторъ котораго подписывался „Андрей Гюнтеръ-Прилучевъ“. Въ журналѣ печатались очень миленькія стихотворенія „Пѣсни Бриксенъ“ по-чешски и въ хорошемъ русскомъ переводѣ.

Присылка книжекъ и писемъ продолжалась по-прежнему дѣятельно, и вдругъ оборвалась.

Лѣтомъ въ пражской газетѣ „Politik“ я читаю процессъ. Обвиняются въ государственной измѣнѣ редакторъ журнала „Славянскій Міръ“, Гюнтеръ и его сотрудникъ Ангеличъ. Изъ обвинительнаго акта въ газетѣ я узнаю, что во время выборовъ въ сеймъ изъ Праги была послана телеграмма въ Москву приблизительно такого содержанія: „Русскіе и братья, мы находимся подъ такимъ гнетомъ австрійскихъ нѣмцевъ, что наши избиратели идутъ на выборы между двухъ шпалеръ солдатъ“. Телеграмма эта подписана была „Викентичъ“. Телеграмму задержали въ Краковѣ и передали государственному прокурору.

По разнымъ соображеніямъ подозрѣніе пало на редактора и сотрудника журнала „Славянскій Міръ“. Гюнтеръ на судѣ твердо и рѣшительно отрицалъ свое участіе въ этой телеграммѣ и давалъ смѣлые и находчивые отвѣты. Дошло дѣло до Эммануила Ангелича. На вопросъ: Изъ редакціи-ли „Славянскаго Міра“ была

послана эта телеграмма?“ Онъ отвѣтилъ: „Да“.—Кто писалъ ее? спросили его.

Подсудимый отказался выдать имя автора телеграммы. Поэтому судъ приговорилъ Гюнтера и Ангелича къ заключенію въ Hunger-Kerker, (голодная тюрьма); перваго, какъ все отрицавшаго—на короткій срокъ, а втораго, какъ знавшаго, откуда послана телеграмма, на срокъ продолжительный.

Было лѣто 1876 года. Разъ вечеромъ лакей мнѣ докладываесть, что меня желаетъ видѣть одинъ мой знакомый, котораго онъ не могъ хорошенько понять; но его фамилія Иностранцевъ и онъ изъ-за границы. Хотя у меня не было знакомыхъ съ такою фамиліею, но я догадалась, что лакей что нибудь перевралъ и велѣла принять. Входитъ Гюнтеръ.

— Андрей Викентьевичъ! сказала я, искренно обрадовавшись. Какими судьбами очутились вы въ Москвѣ?

— Здѣсь назначено было дѣло нашего Струсберга, заговорилъ онъ, садясь въ кресло. Такъ я пріѣхалъ корреспондентомъ. Дѣло отложено, потому что, эти, какъ ихъ.... Geschworene...

— Присяжные засѣдатели, подсказала я.

— Такъ.

И онъ, затрудняясь въ русскихъ выраженіяхъ, началъ мнѣ объяснять, отчего это дѣло отложено.

— Отъ какой-же вы газеты корреспондентъ? спросила я.

— Отъ „Neue freie Presse“.

— Вы, Андрей Викентьевичъ, сотрудникъ ярой анти—славянской газеты?

Гюнтеръ молчалъ.

— Ну что братъ вашъ Вячеславъ? Онъ, конечно, давно кончилъ курсъ въ университетѣ и избралъ уже какое-нибудь поприще? спрашивала я.

— Ничего... благодарю васъ.

Гюнтеръ провелъ рукою по лицу.

— Да... онъ кончилъ курсъ; получилъ хорошія кондіи въ горы, къ одному... Grundsbesitzer...

— Землевладѣльцу, помѣщику, подсказала я.

— Да, къ помѣщику... и тамъ... умеръ. Я его не видалъ.

Лицо Гюнтера передернуло.

— А что тотъ вашъ сотрудникъ сербъ?

Опять лицо его передернулось.

— Ничего не знаю. Давно тамъ не былъ.

Гюнтеръ казался разсѣяннымъ, но въ то-же время пристально устремился глазами въ одну точку и молчалъ. Я вглядывалась въ него и увидала, что это не прежній Гюнтеръ. Отъ румянца пропалъ всякій слѣдъ, а лобъ былъ какъ мраморный, безжизненный и производилъ впечатлѣніе циферблата остановившихся часовъ.

— Долго пробудете въ Москвѣ? спросила я.

— Да, я хочу сюда переселиться и издавать здѣсь съизнова „Славянскій Міръ“.

— Продолжать изданіе?

— Нѣтъ, переиздать прежнее. Помните „Пѣсни Бриксенъ“.

И онъ вполголоса началъ напѣвать эти пѣсни.

— Что-жъ это я? вдругъ спохватился онъ. — Мнѣ некогда. Прощайте.

— Посидите; чай будемъ пить, сказала я.

— Нѣтъ, нѣтъ не могу: некогда.

— Гдѣ вы остановились? спросила я.

— Въ гостинницѣ „Парижъ“.

И онъ торопливо ушелъ.

На слѣдующій день въ 12 часовъ я поѣхала въ гостинницу Парижъ. Мнѣ сказали, что г. Гюнтеръ утромъ рано уѣхалъ совсѣмъ на желѣзную дорогу. По возвращеніи домой я нашла письмо, присланное по городской почтѣ. Гюнтеръ писалъ, что въ Москвѣ ему нечего дѣлать, а въ Австріи дѣла много.

Лѣтомъ 1877 года я сама попала въ своего рода Hunger-kerker, конечно приватнаго характера. Разъ, сидя одна и испытывая невыразимыя нравственныя мученія, я подумала: „Есть-ли теперь еще гдѣ-нибудь другой человѣкъ, страдающій подобно мнѣ“?

И вдругъ, въ какомъ-то полусознательномъ состояніи я проговорила:

„Эммануилъ Ангеличъ“. Я произнесла это давно забытое мною имя, какъ-бы въ отвѣтъ на свои мысли.

Изъ моего Hunger-kerker а меня освободило предложеніе сотрудничать въ „Русскомъ Курьерѣ“. Въ 1881 году въ первой газетѣ, которую я взяла въ руки въ этой редакціи, мнѣ попало на глаза письмо изъ Австріи, въ которомъ говорилось о притѣсненіи славянъ. Корреспондентъ писалъ: „Въ нашей Hunger-kerker давно уже сидитъ одинъ славянинъ. Когда здоровье его разстраивается, его переводятъ въ лазаретъ. Какъ только онъ немного поправится,—его опять водворяютъ въ голодной тюрьмѣ. И такъ уже много лѣтъ. Кажется, что и засадившіе его и онъ самъ забыли, за какую провинность онъ заключенъ. Имя этого страдальца—Эммануилъ Ангеличъ“.

За четверть вѣка.

Въ то время, когда только что вступавшіе въ жизнь молодые люди нетерпѣливо ожидали полученія новыхъ книжекъ „Русскаго слова“, а потомъ „Дѣла“, поспѣшно ихъ разрѣзали, вчитывались и вдумывались въ ихъ содержаніе, при редакціи этого журнала рѣшили устроить „переводную артель“, то есть особое изданіе переводовъ съ разныхъ языковъ членами этой артели.

Когда затѣвалась эта артель, я принадлежала къ усерднымъ читательницамъ „Русскаго слова“ и „Дѣла“. Тогда я только что овдовѣла и намѣревалась привести въ исполненіе свое еще съ юности желаніе участвовать въ какомъ-либо періодическомъ изданіи; только задумывалась и размышляла, куда предложить свои услуги.

Среди этого раздумья и опасенія за незрѣлость своихъ мыслей я вдругъ неожиданно, негаданно получила изъ Петербурга письмо, въ которомъ мнѣ предлагали принять на себя обязанность руководительницы переводной артели. Меня рекомендовалъ одинъ изъ уча-

стниковъ въ „Дѣлѣ“, которому извѣстно было мое знаніе иностранныхъ языковъ.

Радость моя была безгранична; я не могла вдостоль наглядѣться на конвертъ съ редакціонною печатью. Говорить нечего, что въ тотъ-же день я послала свое согласіе и начала собираться въ дорогу, а когда все было готово, пошла прощаться со знакомыми. Въ одномъ домѣ я встрѣтилась съ господиномъ, который сотрудничалъ въ одномъ большомъ московскомъ изданіи. Онъ подробно спрашивалъ меня объ учреждавшейся артели; повидимому сочувствовалъ и этому дѣлу, и мнѣ. На радостяхъ я рассказала ему все, что сама знала.

Отъѣздъ мой замедлился ожиданіемъ пріѣзда отца въ Москву; но въ самый день его пріѣзда я получаю отъ рекомендовавшаго меня въ артель знакомаго очень непріятное письмо. „Что вы надѣлали своею откровенностью, писалъ онъ. И Благосвѣтловъ, и мы всё получили большую непріятность. Устройство артели теперь невысказано. Нетрудно было догадаться, кто намъ повредилъ, а потомъ получилось и подтвержденіе догадки.“

Я горько раскаявалась въ своей опрометчивости; но дѣло было уже непоправимо. Между тѣмъ желаніе мое, почти потребность работать въ журналистикѣ сдѣлалось еще сильнѣе. Одна знакомая рекомендовала меня на чтеніе корректуры въ „Петербургской Газетѣ“. Не успѣла я собраться въ дорогу, какъ ко мнѣ пришелъ швейцаръ изъ Синодальной типографіи съ запиской, въ которой меня приглашали немедленно ѣхать въ редакцію „Современныхъ Извѣстій“.

6 февраля 1868 года я въ первый разъ работала въ редакціи; прокорректировала и выпустила номеръ газеты, а также попыталась перевести телеграммы, которыя тогда, какъ и долго потомъ, присылались изъ за границы на нѣмецкомъ, французскомъ, а иногда даже на англійскомъ языкѣ.

Контора, типографія и редакція „Современныхъ Извѣстій“ помѣщались тогда у Москворѣцкаго моста въ домѣ купеческаго общества. Для газеты квартира эта была неудобна; прежде въ ней жила портниха. Контора занимала первую маленькую комнату; въ слѣдующей, въ два окна, помѣщалась вся наборная; въ темной средней комнатѣ стояла печатная машина, а самая редакція ютилась въ очень маленькой комнатѣ, въ одно окно, возлѣ кухни; въ нее пробирались около машины. Всю середину редакціонной комнаты занималъ столъ, вокругъ котораго размѣщено было пять стульевъ. Тоненькая перегородка, отдѣлявшая кухню отъ редакціи, образовывала небольшое углубленіе, вмѣщавшее въ себѣ только диванъ для пріема посѣтителей.

Съ семи часовъ вечера на концѣ стола садился редакторъ; по лѣвую руку отъ него—доставлявшій московскія вѣсти Н. П. Бочаровъ; возлѣ него завѣдовавшій внутреннимъ отдѣломъ П. А. Гиляровъ, а противъ нихъ корректоръ и я.

Это былъ весь личный составъ редакціи. Иностранныя извѣстія присылались въ типографію часовъ въ 10 или 11 вечера, набросанныя карандашемъ на клочкахъ бумаги кончавшимъ курсъ студентомъ Серебренниковымъ, который писалъ ихъ въ кондитерской Трам-

бле, гдѣ получались французскія газеты. Наша-же редакція иностранныхъ газетъ не выписывала.

Этотъ малочисленный составъ редакціи очень внимательно и старательно относился къ своему дѣлу. Редакторъ выбиралъ для руководящихъ статей самыя животрепещущіе общественные вопросы и по политикѣ, и по городскому управленію, и нравственные, и экономическіе; въ обсужденіе ихъ влагалъ все свое обширное знаніе, всю опытность и твердые, опредѣлившіеся взгляды; излагалъ старательно, исправляя малѣйшую шероховатость въ слогѣ и избѣгая иностранныхъ словъ; первую корректуру просматривалъ всегда самъ; потомъ читалъ статью громко передъ сотрудниками и замѣчанія ихъ принималъ во вниманіе.

Сотрудникъ по внутреннему отдѣлу внимательно прочитывалъ русскія газеты, старался выбирать изъ нихъ самыя любопытныя для читателей свѣдѣнія и тоже вслухъ передъ всѣми сидѣвшими рассказывалъ вкратцѣ содержаніе своихъ вырѣзокъ. Газета не отличалась остроуміемъ, но и не была засорена остроумною болтовнею. Хотя объемъ газеты былъ вдвое меньше формата теперешнихъ ежедневныхъ изданій, но матеріалу требовалось много, такъ какъ объявленій было мало, а содержаніе газеты почти все печаталось петитомъ; нѣкоторыя извѣстія, какъ напри- мѣръ, календарныя набирались даже нонпарелью.

Хотя всѣ мы бывали углублены въ свою работу, но по временамъ у насъ завязывались разговоры или по поводу любопытнаго извѣстія, вырѣзаннаго изъ другихъ газетъ, или по поводу какого-либо выраженія или слова, такъ какъ заботились о хорошемъ слогѣ. Ча-

сто также бывали филологическія бесѣды. Напримѣръ, редакторъ задаетъ намъ вопросъ:

— Откуда происходитъ слово „либезить“?

— Отъ Liebe sie, отвѣчаютъ ему.

— Хорошо, а слово „на шерамышку“?

— Отъ cher Lami.

— Вѣрно. А какъ назовете вы ледъ съ рѣки Оки?

— Окскій.

— Не вѣрно. Мѣстные жители называютъ его „очной“.

Только что редакція отвлечется подобными бесѣдами, какъ въ дверяхъ появляется метранпажъ и докладываетъ, что наборщики стоятъ безъ дѣла и ждутъ оригиналовъ.

Въ этой-то маленькой редакціи придумано было слово „загонъ“, теперь употребляемое во всѣхъ московскихъ газетныхъ типографіяхъ для обозначенія матеріала, запасеннаго на слѣдующіе номера газеты.

Ночью часто приходили въ редакцію факторъ синодальной типографіи Быковъ для наблюденія за печатаніемъ и помощникъ начальника этой типографіи В. Е. Румянцевъ, который помогать мнѣ переводить телеграммы. Теперешнія, или лучше сказать новыя газеты, получающія телеграммы „Сѣвернаго Агентства“, не знаютъ, какія трудности встрѣчались прежде при спѣшномъ переводѣ иностранныхъ телеграммъ, получавшихся ночью, сокращенными и перевернутыми въ продолжительномъ пути. Разъ напримѣръ пришла такая лаконическая телеграмма: „Kabelnos“. Корректоръ нашелъ, что тутъ бессмысленно соединены два слова „кабель“ и „лось“. Съ помощью словаря начали доби-

раться до смысла. Французское слово „cáble“ означает канатъ; los — по нѣмецки „раз“, „врозь“, слѣдовательно разорвался канатъ. Какой-же это такой канатъ, про порчу котораго стоитъ сообщать въ телеграммахъ? Рѣшили всѣми умами, что это телеграфный канатъ, а такъ какъ не проволокою, а канатомъ долженъ соединяться только морской подводный телеграфъ, то слѣдовательно слово „Kabellos“ можно перевести такъ: „Телеграфное сообщеніе между Европою и Америкою на время прекращено, вслѣдствіе порчи подводнаго морскаго телеграфа.“ На утро поспѣшили свѣриться съ другими газетами. „Московскія Вѣдомости“ перевели въ такомъ-же смыслѣ; въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ эта телеграмма совсѣмъ не была переведена.

Тогда и въ Москвѣ до появленія „Современныхъ Извѣстій“ издавались „дорогія“ „Московскія Вѣдомости“ маленькія и сѣренькія „Русскія Вѣдомости“; подъ редакцію И. С. Аксакова выходилъ „Москвичъ“, интересный только для купечества, отстаивавшаго тарифъ, и наконецъ, мало распространенное изданіе М. П. Погодина.

„Московскія Вѣдомости“ были недоступны многимъ. „Русскія Вѣдомости“ не имѣли руководящихъ статей и иногда велись такъ небрежно, что въ одномъ и томъ-же номерѣ иностранныя извѣстія печатались дубликатомъ, такъ какъ одинъ переводчикъ бралъ изъ нѣмецкихъ, а другой изъ французскихъ газетъ одно и то-же извѣстіе и, не переговоривъ между собою, оба сдавали свои переводы въ наборъ.

Когда появились недорогія „Современныя Извѣстія“ съ хорошими передовыми статьями и тщательнымъ вы-

боромъ извѣстій, то естественно, что „Русскія Вѣдомости“ лишились нѣкотораго числа подписчиковъ и розничныхъ покупателей.

Для розничной продажи помѣщеніе „Современныхъ Извѣстій“ выбрано было очень удачно: утромъ и вечеромъ мимо ихъ дверей проходили длинныя вереницы гостиннодворцевъ: одни изъ нихъ покупали газету, идя на торговлю; другіе возвращаясь домой.

Продавалась газета и въ розницу: разнощикамъ тогда дозволялось выкрикивать интересныя извѣстія. Читатели не были избалованы множествомъ любопытныхъ „разныхъ извѣстій“ и покупали газету ради какого-нибудь одного, выкрикнутаго разнощикомъ. Такъ напримѣръ, изъ какой-то петербургской газеты вырѣзанъ былъ рассказъ, что въ Америкѣ сдѣлали манекенъ, который посредствомъ устроенной въ немъ маленькой паровой машины можетъ двигаться. Разнощики кричали „паровой человѣкъ!“ и въ этотъ день бойко торговали. Теперь, четверть вѣка спустя, избалованный читатель не удивляется даже такому рассказу, что вѣрно сдѣланный изъ гутта-перчи манекенъ Патти подражаетъ всѣмъ движеніямъ пѣвицы и поетъ ея настоящимъ голосомъ, заключенномъ въ фонографъ.

Понятно что нѣкоторый успѣхъ „Современныхъ Извѣстій“ не могъ быть пріятенъ „Русскимъ Вѣдомостямъ“ и служившіе въ новой газетѣ, основательно или нѣтъ, предполагали будто случавшееся нѣсколько разъ разсыпаніе всей сверстанной формы этой газеты происходило вслѣдствіе недоброжелательства со стороны служившихъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ.“ Дѣйствительно, раза четыре было, что вполнѣ готовый къ печати наборъ разсыпался весь, когда собирались вертѣть ма-

шину. Крайне утомленнымъ суточною работою наборщикамъ и лицу, выпускавшему номеръ, нужно было въ какихъ нибудь два часа сдѣлать то что работалось цѣлый день и притомъ же большимъ числомъ людей.

Такъ какъ въ этихъ неудачахъ подозрѣвали вертѣльщиковъ, то редакторомъ приглашены были вертѣльщики изъ синодальной типографіи. Это были два высокихъ дюжихъ старика, съ тупымъ выраженіемъ лица. Они были сыновья сельскихъ дьячковъ, оказавшіеся неспособными къ наукамъ. Двадцать пять лѣтъ вертѣли они машины въ синодальной типографіи и теперь дослуживали послѣдніе мѣсяцы до получения пенсіи. Наборщики „Современныхъ Извѣстій“ называли ихъ шутя „ваше благородіе“, такъ какъ, говорили, будто они за свою выслугу на коронной службѣ получили чинъ ни то коллежскаго регистратора, ни то губернскаго секретаря. Хотя въ типографіи „Современныхъ Извѣстій“ они работали въ свободное время, то есть отъ 4 до 7 часовъ утра, все таки имъ платили здѣсь въ полтора раза больше, нежели прежнимъ вертѣльщикамъ.

Прошло, должно быть, мѣсяца два, какъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось сообщеніе такого рода: „По Никольской ходять слухи, что „Современныя Извѣстія“ безвозмездно пользуются шрифтомъ, станками, машинами и даже рабочими изъ синодальной типографіи“. Такая полная несправедливость произвела крайне прискорбное впечатлѣніе на участниковъ въ новой газетѣ. Всѣмъ имъ извѣстно было, что вертѣльщиками пользуются въ ихъ свободное время; даютъ имъ хорошее вознагражденіе, а машина и

станки приобрѣтены новые не изъ синодальной типографіи и еще не вполне оплачены.

Приѣхали въ редакцію знакомые редактора, прочитавшіе это извѣстіе; всѣ просили его печатно опровергнуть такіе ложные слухи. Гиляровъ-Платоновъ нашелъ послѣ этого неудобнымъ быть одновременно частнымъ владѣльцемъ типографіи, редакторомъ-издателемъ и начальникомъ синодальной типографіи и подалъ въ отставку.

Весною, писавшій иностранныя извѣстія Серебренниковъ окончилъ курсъ въ университетѣ и заявилъ редактору, что по просьбѣ нѣкоторыхъ лицъ онъ ѣдетъ въ Одессу основать тамъ газету. Основанная г. Серебренниковымъ газета — „Новоросійскій Телеграфъ“.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ проѣздомъ черезъ Москву въ Вѣну онъ заѣзжалъ въ редакцію „Современныхъ Извѣстій“ и говорилъ, что ѣдетъ основать въ Вѣнѣ газету. („Помнится, Neue freie Presse“).

Двадцать пять лѣтъ назадъ предложеніе труда не превышало спроса, какъ это есть теперь, и нѣкоторое время газета оставалась безъ сотрудника по иностранному отдѣлу; но такъ какъ нужно-же было давать читателямъ политическія свѣдѣнія, то сотрудникъ по внутреннему отдѣлу, П. А. Гиляровъ, началъ склеивать иностранныя извѣстія изъ разныхъ петербургскихъ газетъ. Всѣ мы радовались, какъ это онъ удачно подбираетъ и составляетъ, какъ вдругъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось такое точное разоблаченіе, какое могло быть сдѣлано только послѣ просмотра этого склееннаго оригинала: указывалось, какія строчки взяты изъ такой, какія изъ другой га-

зеты; слѣдовательно, кто нибудь изъ наборщиковъ насъ выдалъ.

Весною-же въ самомъ помѣщеніи произведены были перемѣны: миниатюрная редакціонная комната превращена была въ корректорскую. Подъ редакцію-же отдѣланы были три комнаты на антресоляхъ въ бывшей квартирѣ конторщика. Оставалась еще одна комната, въ которой мнѣ пришлось поселиться послѣ такого неприятнаго со мною случая. Разъ весь наборъ и выправка номера были сдѣланы ранѣе обыкновеннаго. Я подписала номеръ къ печати и пошла къ себѣ домой на Никитскую. Только что начинало разсвѣтать. Я шла по Красной площади, миновавъ уже памятникъ Минину. Вдругъ передо мною словно изъ земли выросъ высокаго роста мужчина; онъ загородилъ мнѣ дорогу. Я хотѣла увернуться и поскорѣе пройти мимо него, но онъ не пропускалъ. „Безстыдница! откуда ты идешь?“ закричалъ онъ.

— Оставьте меня, пожалуйста; я спѣшу домой отдохнуть послѣ работы, сказала я.

Эти слова совсѣмъ взорвали его; онъ началъ оскорблять меня въ самыхъ непозволительныхъ и циничныхъ выражаніяхъ, и чѣмъ больше самъ говорилъ, тѣмъ больше приходилъ въ азартъ, размахивая вокругъ меня руками. Я испугалась, что онъ прибьетъ меня, и изо всѣхъ силъ побѣжала назадъ къ памятнику. Тутъ я рассказала часовому, откуда я иду, и что меня обижаютъ вонъ тотъ человѣкъ. Часовой не отвѣтилъ мнѣ ни слова, точно не слыхалъ что я ему говорила. Я простояла возлѣ него пока мой обидчикъ прошелъ дальше. Теперь такого оскорбителя женщинъ назвали-бы „русскій Джекъ“. Случай подобна-

го-же оскорбленія былъ еще въ 1876 году. Ночью изъ редакціи въ типографію съ корректурными гранками въ рукахъ шла по Воздвиженкѣ шестнадцатилѣтняя дѣвушка.

Со двора церкви Воздвиженія вышелъ молодой человѣкъ и набросился на нее съ крайне оскорбительными и подозрительными словами. Она продолжала идти молча. Тогда онъ зашелъ впередъ и со всего размаху далъ ей пощечину.

Лѣтомъ личный составъ редакціи пополнился сотрудникомъ, доставлявшимъ отчеты изъ окружнаго суда; начали со стороны присылать статьи и корреспонденціи; найденъ былъ наконецъ и сотрудникъ для иностранныхъ извѣстій, хотя не такой талантливый, какъ г. Серебренниковъ, но недостатки его сглаживались внимательнымъ просмотромъ редактора. Газета улучшалась, распространялась. Сотрудники овладѣли каждый своимъ отдѣломъ. Случались, конечно, нѣкоторые промахи, вслѣдствіе общей неопытности и спѣшности работы, но въ цѣломъ газета почти установилась.

Въ одинъ день всѣ члены редакціи сидѣли за большимъ столомъ и молча занимались каждый своимъ дѣломъ. Редактору подали письмо; онъ прочелъ его и, подумавши, написалъ отвѣтъ; потомъ обѣ эти записки поочередно давалъ читать сотрудникамъ. Одна записка была отъ М. П. Погодина; онъ просилъ въ ней редактора „Современныхъ Извѣстій“ соединить ихъ оба изданія въ одно. Погодинъ писалъ: „Въ нашемъ общемъ изданіи будетъ и соль, и перецъ, и сахаръ. Въ цѣломъ выйдетъ хорошо. Мнѣ необходимо уѣхать, а въ свое отсутствіе я не знаю, кому поручить газе-

ту. Не издавать же—я не могу, такъ какъ уже много лѣтъ человѣкъ семьсотъ аккуратно высылають мнѣ подписныя деньги, не справляясь даже о томъ, на-мѣренъ я издавать газету или нѣтъ. Иногда я соби-рался прекратить изданіе, но эти непремѣнные под-писчики просто обязываютъ меня продолжать его“.

На эту записку нашъ редакторъ отвѣтилъ, что ве-черомъ прїѣдетъ переговорить съ нимъ. Сотрудники убѣдительно просили его не соглашаться на предло-женіе Погодина. Помнится, что Погодинъ уѣхалъ въ старый Іерусалимъ, прекративъ на время изданіе. По этому случаю въ одномъ сатирическомъ листкѣ (ка-жется въ „Развлеченіи“) появилась картинка, на ко-торой было изображено, какъ въ рѣки Іордани купа-ется Погодинъ, а на берегу стоятъ подписчики и го-ворять: „Такъ вотъ ты гдѣ, Михаилъ Петровичъ, а мы тебя, батюшка, искали, искали“.

Осенью Н. П. Гиляровъ-Платоновъ получилъ от-ставку отъ должности начальника Синодальной типо-графіи и переселился на Смоленское подворье, въ томъ-же домѣ, гдѣ были контора и типографія „Со-временныхъ Извѣстій“. Сотрудники заняли тамъ-же меблированныя комнаты. Въ это время сотрудникъ по иностранному отдѣлу сдѣлалъ серьезный промахъ и редакторъ настоялъ, чтобы иностранныя извѣстія писала я, такъ какъ все равно я уже навывкла пере-водить телеграммы. Между тѣмъ я недостаточно свѣ-дуща была въ дѣлахъ международной политики и по-тому начала заниматься подъ руководствомъ редакто-ра и переводила выбранныя имъ извѣстія.

Разъ, когда я сидѣла за работой въ кабинетѣ реда-ктора, вошелъ туда И. С. Аксаковъ. Еще въ инсти-

тутъ, читая „Семейную хронику“ его отца, я заинтересовалась фамиліею Аксаковыхъ; затѣмъ читала стихотворенія Ивана Сергѣевича, статьи его брата Константина Сергѣевича, а въ послѣднее время часто слыхала отъ редактора рассказы объ Аксаковыхъ. Понятно, что мнѣ любопытно было видѣть лично Ивана Сергѣевича. Я подняла на него глаза; но онъ оказалъ меня такимъ насмѣшливымъ, презрительнымъ, негодующимъ взглядомъ, что въ первую минуту мнѣ захотѣлось убѣжать; но тутъ-же явилось сознаніе, что своимъ добросовѣстнымъ и честнымъ трудомъ я не заслуживаю ни насмѣшекъ, ни презрѣнія, и я продолжала писать, припоминая, какъ редакторъ рассказывалъ, что тотъ кружокъ, къ которому принадлежалъ Иванъ Сергѣевичъ, съ негодованіемъ относится къ женскому вопросу.

Пишущая въ газетѣ женщина, конечно, напомнила ему этотъ вопросъ и пробудила въ его душѣ негодованіе.

По уходѣ его редакторъ сказалъ мнѣ, чтобы я не удивлялась, что Иванъ Сергѣевичъ на меня такъ взглянулъ, потому что онъ не только не вѣритъ въ способность женщинъ къ серьезному труду, но прежде даже не допускалъ, чтобы женщины могли быть хорошими писательницами. И когда Кахановская прислала въ „Русскую Бесѣду“ свою рукопись „Послѣ обѣда въ гостяхъ“, то Иванъ Сергѣевичъ спорилъ со всѣми, что авторъ мужчина, прикрывшійся женскимъ псевдонимомъ. Повѣсть эта привела его въ восхищеніе и онъ написалъ автору такое письмо: „Скажи, кто ты? Откройся! Зачѣмъ прикрываешься ты женскимъ именемъ? Женщина не можетъ такъ писать.“

На это восторженное письмо Кахановская отвѣтила: „Христось надъ вами, Иванъ Сергѣевичъ; право-же я женщина и вотъ вамъ мой полный адресъ“.

Редакторъ и его немногочисленные сотрудники продолжали тщательно обрабатывать каждый свой отдѣлъ. Газета стала разнообразнѣе и оживленнѣе. Внимательные читатели присылали свои замѣчанія, иногда благодарности. Особенно понравилось редактору письмо подписчика, который, благодаря его за содержаніе газеты, выразился такъ: „Ваша молодая газета, какъ молодая дѣвушка, съ каждымъ днемъ все хорошеетъ“.

Въ самый тотъ день, какъ редакторъ съ удовольствіемъ читалъ сотрудникамъ вслухъ это письмо, онъ получилъ отъ И. С. Аксакова письмо такого содержанія: „Предлагаю вамъ, уважаемый Никита Петровичъ, вступить въ союзъ со мною. Сольемте наши изданія въ одно. Вы получите богатый инвентарь и хорошихъ опытныхъ сотрудниковъ, а своихъ теперешнихъ сотрудниковъ отбросьте“.

Это письмо произвело не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе на редактора. „Какъ-же Иванъ Сергѣевичъ не понимаетъ, что неблаговидно отбросить людей, которые вмѣстѣ со мною выносятъ на своихъ плечахъ всю газету, говорилъ онъ. А его сотрудниковъ я знаю: каждый считаетъ себя редакторомъ своего отдѣла и цѣнятъ себя такъ дорого, какъ я платить имъ не въ состояніи“.

Вскорѣ послѣ этого Иванъ Сергѣевичъ прислалъ нашему редактору крайне рѣзкое письмо за то, что въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ было напечатано объявленіе о книжкѣ Ливанова „Раскольники и ост-

рожники“. Въ этой публикаціи были упомянуты имена нѣкоторыхъ старообрядцевъ, участвовавшихъ своими капиталами въ „Москвичъ“. Нашъ редакторъ отвѣтилъ Ивану Сергѣевичу, что публикаціи не принадлежатъ къ тексту и редакция за нихъ не отвѣтственна. Послѣ этого Иванъ Сергѣевичъ прекратилъ всѣ сношенія съ редакторомъ „Современныхъ Извѣстій“ года на два.

Редакціонная сторона газеты установилась; кромѣ прежнихъ сотрудниковъ приносили статьи постороннія лица; много присылалось корреспонденцій; но конторская сторона очень хромала: подписчики жаловались на неаккуратную доставку газеты; въ дѣлѣ закупокъ бумаги, краски и шрифта былъ большой беспорядокъ за отсутствіемъ хорошаго надзора. Уже много лицъ перебывало на должности администратора, но ни одно изъ нихъ не поступалось своими личными интересами ради интересовъ изданія.

Разъ вечеромъ я вошла въ кабинетъ редактора. Сидѣвшій передъ нимъ кто-то быстро вскочилъ, наскоро простился и убѣжалъ. Редакторъ былъ грустный. „Это у меня сидѣлъ сейчасъ редакторъ астраханской газеты „Востокъ“, сказалъ онъ. Тамъ въ провинціи его притѣсняли; онъ вынужденъ былъ уѣхать, а тутъ въ Москвѣ у него захворала жена; нечѣмъ было лѣчить; положилъ ее въ больницу; она умерла, а теперь хоронить не на что. Я далъ ему 40 рублей и пригласилъ на мѣсто управляющаго. Вотъ какова бываетъ участь редакторовъ“.

Черезъ день господинъ этотъ явился; онъ былъ ниже средняго роста, кривобокій, рябой и заика. Онъ отрекомендовалъ себя въ редакціи: „Аркадій Владиміровичъ

Иванисовъ-Резеда“. Вскорѣ на стѣнахъ типографіи, конторы, машинной, даже на лѣстницахъ и въ коридорахъ появились печатные плакаты со строгими правилами для служащихъ. Въ конторѣ для пріема подписки сидѣла красивая молоденькая дѣвушка, двѣ другія провѣряли подписныя книги; еще двѣ на антресоляхъ подбирали алфавитъ подписчиковъ. Вездѣ закипѣла дѣятельность. Самъ Иванисовъ-Резеда цѣлые дни разъѣзжалъ по покупкамъ и полученію денегъ. Въ то-же время онъ успѣвалъ исполнять всѣ желанія, мимоходомъ высказанныя редакторомъ, его семейными и старшими сотрудниками. Я, напримѣръ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не находила свободнаго времени сѣздить купить себѣ шкафъ для платьевъ, а понадобившійся мнѣ на короткое время мольбертъ даже не знала откуда пріобрѣсти. Эти желанія я мимоходомъ высказала при Иванисовѣ и въ тотъ-же день у меня явились и шкафъ, и мольбертъ.

Когда онъ зашелъ ко мнѣ узнать, довольна-ли я шкафомъ, у меня сидѣлъ пріѣхавшій изъ Саратова братъ. По уходѣ Иванисова братъ мнѣ сказалъ: „Этого господина я видѣлъ въ какомъ-то изъ поволжскихъ городовъ и при этомъ припоминается какой-то обманъ въ родѣ того, что онъ по афишкамъ собралъ публику на концертъ, получилъ съ нея деньги, а когда вышелъ пѣть, то оказалось, что у него совсѣмъ нѣтъ голоса. А можетъ быть, это былъ человѣкъ только похожій на него“.

Мнѣ-же показалось страннымъ, что Иванисовъ, выдающій себя за окончившаго курсъ въ Казанскомъ университетѣ, говоритъ „секлетарь“ и „колидоръ“.

Первые дни редакторъ восхищался, какъ подтяну-

ты были административныя возжи; но вскорѣ замѣтилъ, что съ увеличеніемъ дохода увеличился и расходъ.

Управляющій нашъ одѣлся щегольски: хорошая черная пара, или бархатный пиджакъ, золотые часы съ толстою золотою цѣпочкою, цѣнная шуба и дорогая шапка. Вездѣ онъ появлялся на короткое время и въ длинные разговоры не вступалъ. Недѣли черезъ три Иванисовъ пригласилъ къ себѣ на чай редактора съ семействомъ и старшихъ сотрудниковъ. Онъ занималъ одну комнату на антресоляхъ надъ типографіею. Приглашенные пришли къ нему. Чай подавался роскошно, въ дорогой новой посудѣ; при гостяхъ онъ вынулъ изъ бархатнаго футляра новенькія позолоченныя чайныя ложки.

Письменный столъ его весь былъ уставленъ бездѣлушками; красивыя раковины, изящныя письменныя принадлежности, филиграновой работы серебряная копилка, прекрасный альбомъ, въ крышкѣ котораго вставленъ былъ музыкальный ящикекъ, но въ альбомѣ была только одна карточка женщины въ театральномъ костюмѣ. Указывая на нее, Иванисовъ презрительно сказалъ: „Много денегъ прожилъ я съ этой актрисой“. (Впослѣдствіи мы узнали, что это была фотографическая карточка Патти.)

Хотя Иванисовъ говорилъ гостямъ, что всѣ эти вещи и свою одежду онъ выкупилъ изъ заклада, но всѣ мы ушли отъ него съ увѣренностью, что все нами видѣнное только что куплено имъ на деньги „Современныхъ Извѣстій“. Отчеты по конторѣ Иванисовъ приносилъ редактору въ 3 или 4 часа ночи, ссылаясь на то, что днемъ некогда. Редакторъ, крайне утомлен-

ный дневною работою, подписывалъ эти отчеты, не читая; но разъ онъ вздумалъ внимательно проглядѣть приходъ и расходъ, и оказалось, что на первой строкѣ расхода было записано 50 р. въ личный счетъ редактора и въ предпоследней—та-же сумма на личные расходы редактора, а между тѣмъ онъ бралъ въ этотъ день не 100, а только 50 руб. Когда онъ замѣтилъ это Иванисову, тотъ съумѣлъ какъ-то объяснить такъ, что у редактора осталось только слабое подозрѣніе.

Управляющій началъ настоятельно совѣтовать редактору открыть въ Петербургѣ отдѣленіе конторы „Современныхъ Извѣстій“. Хотя всѣмъ уже становилось ясно, что Иванисовъ человѣкъ подозрительный, но тѣмъ не менѣе онъ умѣлъ убѣждать редактора, словно загнипнотизировывая его. Наконецъ редакторъ поддался на его совѣтъ и Резеда помчался въ Петербургъ.

Вскорѣ редакторъ получилъ отъ него письмо, что дѣла идутъ великолѣпно: мѣсто для конторы нанято; вывѣска заказана и т. д. Но вслѣдъ за этимъ одинъ доброжелательный знакомый редактора написалъ ему: „По Петербургу съ женщинами легкаго поведенія разѣзжаетъ на рыскахъ какой-то подозрительный человѣкъ, который называетъ себя вашимъ довѣреннымъ лицомъ, управляющимъ всѣмъ дѣломъ вашего изданія. Онъ вымогаетъ вездѣ, гдѣ можно, деньги и соритъ ими. Думаю, что это самозванецъ, хотя онъ и показываетъ вездѣ бланки конторы „Современныхъ Извѣстій“.

Редакторъ показалъ это письмо сотрудникамъ. Рѣшили общимъ голосомъ осмотрѣть ящикъ его письменнаго стола. Ящикъ оказался незапертымъ и кон-

торщица принесла его въ редакцію. Каждый изъ присутствовавшихъ взялъ себѣ изъ ящика по одной бумагѣ для просмотра.

— Господа, у меня въ рукахъ подорожная, сказалъ редакторъ; она выдана для пропуска „артиста императорскихъ театровъ Аркадія Владиміровича Иванисова-Резеды“. Что это такое? вѣдь это поддѣльная подорожная.

— У меня, заявилъ одинъ сотрудникъ, афишка: „Чтецъ, пѣвецъ и разскащикъ В. А. Иванисовъ-Резеда Первый“.

Въ рукахъ другого сотрудника оказался паспортъ на имя дворянина Аркадія Владимірова Иванисова, 19 лѣтъ; между тѣмъ Иванисову на видъ было лѣтъ подъ тридцать.

Наконецъ найденъ счетъ изъ лавки на имя Артемія Васильевича.

— Кто-же онъ на самомъ дѣлѣ? спросилъ редакторъ. Аркадій Владиміровичъ или Артемій Васильевичъ?

— Онъ просто безымянный, или многоимянный артистъ, хористъ и аферистъ, словомъ, мошенникъ, замѣтилъ одинъ изъ сотрудниковъ.

На лицѣ конторщицы выразился испугъ. Это была очень бѣдная и очень красивая молодая дѣвушка. Краснѣя, она призналась редактору, что Иванисовъ сдѣлалъ ей предложеніе и хотя мать ея еще не дала ему окончательнаго отвѣта, но согласилась взять пока къ себѣ на воспитаніе двухъ его крошечныхъ дочерей, изъ которыхъ одна только начала ходить, а другая еще ползаетъ. Она призналась также, что получила отъ него тереграмму, въ которой онъ дѣлаетъ распоряженіе по конторѣ, но она не рѣшалась до сихъ

поръ показать эту телеграмму редактору, такъ какъ Иванисовъ, не имѣя на то никакого права, пишетъ ей: „дорогая, распорядись“.

Послѣ этого открытія редакторъ написалъ Иванисову, что не желаетъ имѣть въ Петербургѣ отдѣленія конторы, а ему отказываетъ отъ мѣста управляющаго.

По возвращеніи своемъ изъ Петербурга Иванисовъ поселился недалеко отъ редакціи въ домѣ Кокорева у Москворѣцкаго моста.

Къ редактору начали со всѣхъ сторонъ присылать счета: отъ портнаго, сдѣлавшаго Иванисову шубу, пальто и т. д.; изъ магазина бѣлья, съ Кузнецкаго моста за письменныя принадлежности, раковины, альбомъ съ музыкою, карточку Патти; изъ магазина серебряныхъ издѣлій за чайныя ложки и копилку. Присылались счета и изъ Петербурга.

Затѣмъ оказалось, что, живя уже въ Кокоревкѣ, Иванисовъ получалъ по захваченнымъ бланкамъ деньги изъ книжныхъ магазиновъ, въ которыхъ принималась подписка на „Современныя Извѣстія“; на бланкахъ стояла поддѣльная подпись редактора. Наконецъ въ одномъ изъ крупныхъ книжныхъ магазиновъ вышла такая исторія: является туда Иванисовъ съ конторскимъ бланкомъ, съ фальшивою подписью редактора и требуетъ денегъ впередъ. Ему отвѣтили, что впередъ денегъ не могутъ дать.

Тогда онъ проситъ отпустить ему всѣ сочиненія С. М. Соловьева на 27 рублей. Должно быть, управляющій магазиномъ заподозрилъ мошенничество и, отпустивъ книги, послалъ вмѣстѣ съ Иванисовымъ приказчика. Когда ихъ извозчикъ подъѣхалъ къ крыль-

цу Смоленскаго подворья, Иванисовъ быстро спрыгнулъ и черезъ корридоры меблированныхъ комнатъ вышелъ на внутренній дворъ, затѣмъ въ ворота и былъ таковъ. Приказчикъ доставилъ въ редакцію книги и тутъ узналъ о мошеннической продѣлкѣ.

Это все происходило въ концѣ великаго поста. На Пасху редакторъ и сотрудники получили отъ Иванисова вычурныя визитныя карточки, а когда на праздникахъ въ типографіи было молебствіе и поднимали икону Спасителя, Иванисовъ стоялъ съ чистой совѣстью впереди наборщиковъ и по окончаніи молебна, какъ ни въ чемъ не бывало, съ улыбкою раскланялся съ редакторомъ и сотрудниками.

Черезъ нѣсколько дней изъ Кокоревской гостинницы редакторомъ получено было письмо, въ которомъ ему писали: „Вашъ управляющій, жившій съ нами рядомъ, арестованъ, а въ номерѣ его остались двѣ крошечныя дѣвочки, одна ползаетъ, а другая ходитъ возлѣ нея и плачетъ. Сердце надрывается глядя на нихъ“.

Чтобы рассказать до конца объ Иванисовѣ, я забуду впередъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Иванисовъ посаженъ былъ въ острогъ, но не на долго. Онъ обморочилъ одного господина разсказомъ, будто онъ страдаетъ невинно, будто редакторъ „Современныхъ Извѣстій“ жалѣетъ его, какъ своего лучшаго сотрудника, такъ какъ онъ оставилъ въ редакціи на 12 тысячъ рублей передовыхъ статей. Господинъ этотъ взялъ его на поруки; но Иванисовъ переманилъ къ себѣ жену своего благодѣтеля, вѣроятно, у него-же похитилъ деньги и открылъ танцъ-классы, роскошно обмоблировавъ квартиру. Объ этихъ дѣйствіяхъ его въ редакцію прислано было письмо, кажется, отъ самого по-

терпѣвшаго лица. Послѣ этого Иванисовъ снова водворяется въ острогъ; но опять не на долго: вторично его кто-то выручаетъ.

Осенью шестьдесятъ девятого года конторщица попросила меня разъ на одинъ часъ замѣстить ее. Передъ крыльцомъ конторы остановилась новая коляска на желтыхъ колесахъ и вскорѣ ко мнѣ вошелъ щегольски одѣтый Иванисовъ; онъ раскланялся и спросилъ:

— Ну, какъ дѣла идутъ?

— Хорошо, отвѣтила я.

— Что это какъ вы блѣдны и худы?

— Нездоровится.

— Вы-бы съѣздили полѣчиться за границу.

— Денегъ нѣтъ.

— Жаль, а у меня ихъ много: я женился на купеческой вдовушкѣ (забыла какую фамилію онъ назвалъ) и теперь играю на биржѣ. Ну прощайте; спѣшу на биржу.

Я рассказала въ редакціи объ этомъ явленіи передо мною Иванисова. Всѣ усомнились, чтобы онъ былъ женатъ и удивлялись, что находятся наивные люди, которые берутъ его на поруки.

Прошло мѣсяца два или три. Въ редакцію пріѣзжаетъ разъ судебный слѣдователь. Призываютъ меня въ кабинетъ редактора. Слѣдователь начинаетъ меня допрашивать:

— Знаете-ли вы купеческое семейство (забыла фамилію)?

— Что въ Москвѣ есть купцы съ такою фамиліей, я слыхала, отвѣтила я.

— Неизвѣстно-ли вамъ что нибудь изъ ихъ семейной жизни, какая нибудь ихъ семейная тайна?

— Рѣшительно не знаю ни изъ кого сѣмья состоитъ, ни ихъ частной жизни, ни какой ихъ тайны.

— Имѣли-ли вы намѣреніе ѣхать за границу лѣчиться.

— До сихъ поръ объ этомъ не думала отвѣчала я, не понимая, что все это значить.

Затѣмъ пріѣхалъ присяжный повѣренный, который постоянно защищалъ въ судѣ дѣла газеты, и разска-залъ слѣдующее: къ одной женѣ или вдовѣ купца пріѣзжаетъ небольшого роста господинъ и, заикаясь, говоритъ ей: „Я присланъ къ вамъ изъ „Современ-ныхъ Извѣстій“. Тамъ извѣстна ваша семейная тай-на (дѣлаетъ намекъ на тайну). Если вы не желаете, чтобы она была оглашена, то заплатите три тысячи рублей. Сотрудница С. желаетъ ѣхать за границу лѣ-читься и ей необходима эта сумма“.

Дама эта не отказала на отрѣзъ, а просила прі-ѣхать завтра въ 1 часъ дня. Послѣ этого она немед-ленно отправилась къ своему адвокату и разсказала ему о приключеніи съ ней. Ея адвокатъ, очень извѣст-ный въ Москвѣ, сказалъ ей, чтобы она денегъ этому господину не давала, такъ какъ онъ сомнѣвается и подозрѣваетъ тутъ мошенничество. Затѣмъ онъ по-ѣхалъ къ адвокату „Современныхъ Извѣстій“ и раз-сказалъ ему про слышанный случай. Нашъ адвокатъ отвѣтилъ, что онъ хорошо знаетъ редактора и сот-рудниковъ и убѣжденъ, что они никогда не сдѣлаютъ ничего подобнаго, а что онъ подозрѣваетъ въ этой продѣлкѣ бывшаго управляющаго конторой изданія, оказавшагося мошенникомъ. Онъ знаетъ его наруж-ность и проситъ позволенія присутствовать на слѣдую-щій день при свиданіи его довѣрительницы съ госпо-диномъ, вымогавшимъ отъ нея денегъ.

На слѣдующій день въ условленное время въ гостиной этой госпожи сидѣли вмѣстѣ съ нею ея адвокатъ и нашъ. Является господинъ. Нашъ адвокатъ увидалъ дѣйствительно Иванисова.

Мошенникъ развязно раскланялся; подсѣлъ къ хозяйкѣ дома и вполголоса сказалъ ей, что онъ пріѣхалъ за полученіемъ извѣстныхъ ей денегъ.

— Позвольте узнать вашу фамилію? сказалъ нашъ адвокатъ.

— Основскій, отвѣтилъ онъ.

— Какъ? Вы—Нилъ Андреевичъ? Я лично хорошо знаю Основскаго, по иниціативѣ котораго и основаны „Современныя Извѣстія“.

— Нѣтъ, вы ослышались, возразилъ Иванисовъ, пользуясь своимъ заиканьемъ. Я—Ословскій.

— А я убѣжденъ, что вы—Иванисовъ и вы знаете, кто я, оборвалъ его адвокатъ.

— Хотя я присланъ по такому щекотливому дѣлу, сказалъ Иванисовъ, но я всетаки откровенно признаюсь, что я дѣйствительно Иванисовъ.

При этомъ онъ быстро вскочилъ и хотѣлъ убѣжать; но полиція была уже предупреждена и его арестовали.

Какими-то путями онъ опять оказался на свободѣ. Лѣтомъ 1870 года въ газетахъ появилось сообщеніе, что за два дня назадъ ночью на Рогожское кладбище къ одному богатому старообрядцу пріѣхалъ въ коляскѣ какой-то господинъ, назвалъ себя чиновникомъ особыхъ порученій барономъ Корфомъ; кричалъ на него, обвиняя въ незаконныхъ поступкахъ и потребовалъ, чтобы тотъ отдалъ ему всѣ имѣющіяся у него въ домѣ деньги. Оробѣвшій старообрядецъ поспѣ-

шилъ исполнить требованіе. Мнимый баронъ сказалъ, что арестуетъ его въ его домѣ и, забравъ въ портфель деньги, уѣхалъ (помнится двѣсти тысячъ). Вскорѣ или на утро оказалось, что старообрядецъ этотъ не находится ни подъ какимъ арестомъ и догадались, что пріѣзжавшій въ коляскѣ господинъ былъ мошенникъ.

Прочитавъ это сообщеніе, редакторъ „Современныхъ Извѣстій“ въ руководящей статьѣ написалъ: „Этотъ мнимый чиновникъ особыхъ порученій по всему вѣроятію былъ никто иной, какъ Аркадій Владиміровъ Иванисовъ.“—Хотя многіе удивились, какъ смѣло было высказано это предположеніе, тѣмъ не менѣе въ тотъ же день, по указанію статьи, Иванисова арестовали въ Царицынѣ, гдѣ онъ кутилъ въ буфетѣ, успѣвъ промотать только 200 рублей.

Слѣдовательно Иванисова опять сажаютъ въ острогъ; но по непонятнымъ причинамъ ему нѣсколько разъ послѣ этого удавалось бывать на свободѣ. И каждый разъ онъ успѣвалъ выкинуть что нибудь такое за что снова попадалъ въ тюремный замокъ. Только что оканчивалось слѣдствіе по одному дѣлу, какъ на смѣну ему являлось другое; опять начиналось слѣдствіе, и разбирательство въ окружномъ судѣ всѣхъ его дѣлъ въ совокупности откладывалось и не могло состояться въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Говорили, что когда окончилось слѣдствіе по послѣднему дѣлу и Иванисовъ не успѣлъ еще натворить чего нибудь новаго, то, чтобы оттянуть разбирательство, онъ бросился съ кулаками на слѣдователя и съ видомъ оскорбленнаго достоинства закричалъ: „Вы обращаетесь со мною какъ съ какимъ нибудь карманникомъ. Ошибаетесь, я мошенникъ крупной руки“.

Иванисовъ свыкъся съ осторожною жизнью и даже въ 1872 году представилъ на выставку модель образцового острога. Въ 1876 году мы узнали, что онъ умеръ въ острогѣ умалишеннымъ и въ чахоткѣ: послѣдніе года онъ содержался въ одиночномъ заключеніи.

Возвращаясь воспоминаніями къ осени 1869 года. Въ августъ или въ сентябрѣ, не припомню, редакторъ разсказалъ сотрудникамъ, что къ нему наканунѣ приходили три молодыхъ человѣка, крайне его заинтересовавшіе, какихъ онъ до сихъ поръ не видалъ, и назвалъ „ихъ новымъ типомъ журналистовъ“.

До этого времени статьи и извѣстія въ редакцію доставляли или люди солидные съ положеніемъ въ обществѣ, писавшіе основательно и обдуманно объ какомъ либо интересовавшемъ ихъ общественномъ вопросѣ, или люди молодые съ богословскимъ образованіемъ, разсуждавшіе въ своихъ статьяхъ о вопросахъ общественной нравственности; статьи ихъ бывали всегда изложены по всѣмъ правиламъ дидактическихъ сочиненій; наконецъ ремесленники, мелочные торговцы и др. приносили мелкія извѣстія о какомъ нибудь интересномъ происшествіи или случаѣ, близко ихъ задевавшемъ.

Редакторъ разсказывалъ, что эти молодые люди явились къ нему съ предложеніемъ доставлять въ газету „замѣтки“, назначая себѣ высшую построчную плату. И предложеніе замѣтокъ, и назначеніе гонорара за нихъ было сдѣлано съ сознаніемъ собственнаго достоинства, съ апломбомъ.

Одѣты они были по послѣдней модѣ; у одного на носу—золотое пенснэ, у другого на лѣвой рукѣ золо-

той браслетъ. Двое изъ нихъ только что окончили университетъ со степенью дѣйствительнаго студента; третій (съ пенснэ) былъ на послѣднемъ курсѣ юридическаго факультета. Говорили они всѣ не спѣша и такъ тихо, что часто приходилось ихъ переспрашивать.

Редакторъ отвѣтилъ имъ, что онъ не понимаетъ, что именно они подразумѣваютъ подъ „замѣтками?“ Если гдѣ нибудь произойдетъ какой либо необыкновенный или любопытный случай, то всегда объ немъ сообщать въ газету изъ той именно среды, гдѣ это случилось. Очень часто подобные случаи происходятъ въ такой средѣ, въ какую они по своему воспитанію попасть не могутъ. Наконецъ, какую пользу матеріальную или духовную могутъ имъ приносить писаніе „замѣтокъ“ и полученіе за нихъ копѣекъ? Словомъ, какъ онъ выразился, онъ „шпиговалъ“ ихъ, язвилъ, а они оставались неуязвимы; только вѣжливо улыбались, и улыбка ихъ была снисходительная къ нему.

Несмотря на нелюбезный пріемъ, имъ оказанный, эти новые журналисты начали доставлять маленькія замѣтки. Почеркъ у нихъ былъ почти одинаковый, трясущійся, какъ будто рука сильно дрожала. Замѣтки доставлялись на ровно отрѣзанныхъ продолговатыхъ лоскуткахъ бумаги, линованной квадратиками, такъ что на каждый квадратикъ приходилась одна буква, а такъ какъ при первомъ посѣщеніи редактора они сказали, что имъ извѣстно сколько буквъ въ одной строчкѣ „Современныхъ извѣстій“, то они заранее могли знать, сколько копѣекъ дать имъ каждая замѣтка. Содержаніе этихъ замѣтокъ было такое ничтожное, что онѣ могли и быть, и не быть напечатанными; умѣлое изложеніе ихъ придавало значеніе

ничтожному содержанію. Слово со словомъ, предложеніе съ предложеніемъ были такъ связаны, что трудно было сдѣлать какое-либо сокращеніе въ нихъ. Если же изложеніе замѣтно, явно раздувало содержаніе, то редакторъ уничтожалъ всю замѣтку.

Въ октябрѣ редакторъ арендовалъ въ Ваганьковскомъ переулкѣ домъ князя Голицына, тотъ самый, который теперь принадлежитъ издателю „Московского Листка“ Н. И. Пастухову. Тутъ нашлось достаточное помѣщеніе не только для просторной квартиры редактора, но и для расширенной типографіи, а также порядочная комната для пріема посѣтителей. Какъ извѣстно, въ каждую редакцію является много лицъ для разныхъ объясненій. Въ прежнемъ помѣщеніи одни принимались въ конторѣ, другіе въ залѣ у редактора имъ самимъ. Эти пріемы и объясненія отнимали у него много времени и онъ нашелъ, что для этого нужно пригласить особаго человѣка, который отъ 12 до 3 часовъ по полудни принималъ-бы публику и просматривалъ бы присылавшіяся въ редакцію груды писемъ.

Подумавши, онъ остановился своимъ выборомъ на молодомъ человѣкѣ съ золотымъ пенснэ, какъ обладавшемъ особенною способностью быть всегда ровнымъ, обходительнымъ и любезнымъ; его смущало только то, что именно эти часы молодой человѣкъ долженъ проводить въ университетѣ.

Когда редакторъ сказалъ ему о своемъ желаніи и о неудобствѣ его исполнить, молодой человѣкъ выразилъ полную готовность занять такое мѣсто, а относительно обязанности своей въ эти часы быть въ университетѣ замѣтилъ, что все равно онъ просматриваетъ лекціи дома.

Редакторъ поставилъ ему въ условіе, чтобы онъ не сотрудничалъ ни въ какихъ другихъ изданіяхъ, а старался-бы лучше выправлять тотъ громадный матеріалъ, который доставляли газетѣ присылавшіяся въ редакцію письма. Молодой человѣкъ, улыбаясь, замѣтилъ редактору, что подобное условіе довольно тяжело и согласиться на такую жертву онъ можетъ только въ томъ случаѣ, если ему назначать жалованье не менѣе 300 рублей въ мѣсяцъ. И къ своему собственному удивленію редакторъ согласился на это.

Въ продолженіе недѣли новый сотрудникъ очень обходительно принималъ посѣтителей и вѣжливо объяснялся съ ними; въ свободныя минуты выправлялъ полученныя корреспонденціи и извѣстія. Слѣдующую недѣлю онъ былъ нѣсколько нетерпѣливѣе, полученные письма пересталъ заносить въ книгу; выправленныхъ извѣстій подавалъ редактору меньше, объясняя такъ: „Присылаютъ такую чушь, изъ которой нечего выбрать.“ Еще дальше онъ совсѣмъ пересталъ давать въ типографію выправленные извѣстія, а по вечерамъ присылалъ свои замѣтки. Назначенное ему время отъ 12 до 3 часовъ по полудни ходилъ по приѣмной, играя пенснэ, и передъ проходившими черезъ эту комнату лицами даже не скрывалъ своего томленія.

„Ахъ, какъ мнѣ ѣсть хочется, говорилъ онъ; я привыкъ въ это время завтракать“ или такъ: „цѣлыхъ три часа болтаться тутъ; выслушивать всякій вздоръ и читать цѣлую груду ерунды—это просто мученье“.

Разъ онъ попался въ томъ, что свою замѣтку заимствовалъ изъ присланнаго письма. Письменно сообщилъ ее знакомый редактора и когда она появилась въ печати, авторъ ея пріѣхалъ замѣтить, зачѣмъ ее пе-

редѣлали. Сотрудникъ съ пенснэ отвѣтилъ редактору, что это онъ написалъ самъ такъ, какъ слышалъ въ обществѣ. Но какое-то слово изобличило его.

Затѣмъ редакторъ, читая московскій фельетонъ въ „Голосѣ“, обратилъ вниманіе на то, что въ этомъ фельетонѣ вклеенъ анекдотъ, который онъ рассказывалъ на дняхъ новому сотруднику. Фельетонъ подписанъ былъ псевдонимомъ „Неонъ“.

Редакторъ, смѣясь, рассказалъ своимъ прежнимъ сотрудникамъ, что этотъ псевдонимъ окончательно убѣдилъ его въ томъ, что московскій фельетонъ въ „Голосѣ“ пишетъ именно „онъ“.

Редакторъ не сдѣлалъ замѣчанія своему сотруднику и продолжалъ, скорбя, читать фельетоны „Неона“. Прошелъ мѣсяцъ. Редактору понадобилось съѣздить на нѣсколько дней въ Петербургъ. Онъ призвалъ всѣхъ сотрудниковъ и просилъ ихъ продолжать внимательно относиться къ дѣлу, а все веденіе газеты поручилъ молодому человѣку съ пенснэ. Но въ ту ночь, какъ редакторъ уѣхалъ въ Петербургъ, временно замѣстившій его въ редакцію не явился, а на утро кто-то далъ намъ знать, что онъ высланъ изъ Москвы.

По возвращеніи своемъ редакторъ рассказалъ намъ слѣдующее: на второй день по пріѣздѣ его въ Петербургъ онъ сдѣлалъ визитъ редактору „Голоса“. А. А. Краевскій очень былъ радъ его видѣть, чтобы разузнать что за личность тотъ молодой человѣкъ, который присылаетъ ему фельетоны изъ Москвы?

Мѣсяца полтора назадъ онъ прислалъ первый свой фельетонъ и сопроводилъ его письмомъ, въ которомъ говорилъ, что имѣетъ въ своихъ рукахъ громадный матеріалъ, а именно цѣлыя груды писемъ, присылае-

мыхъ въ „Современныя Извѣстія“. Онъ состоитъ секретаремъ редактора, прочитываетъ эти письма и можетъ по нимъ составлять фельетонъ, тѣмъ болѣе, что такая небольшая газета, какъ „Современныя Извѣстія“, не можетъ вмѣщать всего присылаемаго ей матеріала. А редакторъ „Современныхъ Извѣстій“ ничего не имѣетъ противъ его сотрудничества въ „Голосъ“.

Въ послѣднемъ фельетонѣ онъ разсказалъ анекдотъ, который оказался сочиненнымъ на лицѣ почтенныхъ и занимающихъ высокое положеніе въ обществѣ. У Краевского спросили имя автора и онъ назвалъ его.

Мать высланнаго имѣла большія знакомства и связи. Она вездѣ ѣздила и разсказывала, будто-бы редакторъ наговорилъ въ Петербургѣ на ея сына и онъ теперь невинно страдаетъ. Клевета эта быстро распространилась, долго и упорно держалась не смотря на опроверженія со стороны лицъ, знавшихъ правду и увѣрявшихъ, что сынъ ея увезенъ былъ изъ Москвы въ ту ночь, когда редакторъ сидѣлъ въ вагонѣ, ѣхавши только въ Петербургъ, и затѣмъ какой смыслъ былъ-бы въ томъ, что онъ все веденіе газеты поручилъ лицу, которому намѣренъ былъ повредить. Такъ какъ публичнаго опроверженія этой клеветы на редактора не было, то возможно, что кое-кто и кое-гдѣ такъ и остался при ложномъ мнѣніи.

Благодаря своимъ связямъ мать высланнаго сотрудника добилаь того, что вскорѣ онъ былъ не только возвращенъ, а и опредѣленъ на довольно видную должность по министерству юстиціи, не смотря на то, что не кончилъ еще курса въ университетѣ, но онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ и былъ уволенъ. Черезъ годъ или два для поправленія своего

здоровья онъ отправился въ Италію. Тамъ принялъ католичество и вскорѣ умеръ.

Когда молодой человѣкъ съ пенсіею выбылъ изъ „Современныхъ Извѣстій“, на мѣсто его, но уже безъ жалованья, явился въ качествѣ постоянного сотрудника его товарищъ № 2-й, до сихъ поръ только доставлявшій „замѣтки“. Онъ началъ писать театральныя рецензіи, отчеты о засѣданіи разныхъ обществъ, а подѣ конецъ фельетоны. Въ минуты отдыха онъ былъ неоцѣненнымъ собесѣдникомъ для редактора: умѣлъ молчать, когда тому не хотѣлось слушать; умѣлъ говорить, когда редакторъ расположенъ былъ слушать; умѣлъ вызывать его на бесѣды, нарисовать чье угодно лицо, набросать стихотвореніе, написать слогомъ какого хотите извѣстнаго русскаго писателя и наконецъ поиграть на фисгармоніи, если разговоръ шелъ о музыкѣ.

Онъ такъ же, какъ и первый его товарищъ, говорилъ тихо, сдержанно; ни о комъ рѣзко не выражался и умѣлъ сразу понять, въ какомъ настроеніи находится редакторъ. Развлекая его, онъ незамѣтно наводилъ его на любопытство заняться спиритическими сеансами. Терпѣливо въ теченіе двухъ или трехъ часовъ держалъ съ редакторомъ руки на тарелкѣ и духи писали имъ, напримѣръ, продолженіе „Мертвыхъ душъ“ Гоголя, а затѣмъ въ московскомъ фельетонѣ „Голоса“ являлось подробное описаніе этого сеанса. Духи писали ровно столько, сколько нужно было для одного фельетона.

Если сотрудникъ № 2 забиралъ въ конторѣ газеты впередъ денегъ, то послѣ этого долгое время своихъ „замѣтокъ“ онъ не доставлялъ въ редакцію, а писалъ

ихъ тогда и присылалъ его товарищъ № 3 съ золотымъ браслетомъ на лѣвой рукѣ.

Такая изворотливость была замѣчена въ редакціи и произвела непріятное впечатлѣніе. Затѣмъ впечатлѣніе это ухудшилось еще вслѣдствіе такого случая. Одинъ изъ старшихъ сотрудниковъ былъ разъ свидѣтелемъ очень интереснаго происшествія и, не имѣя времени записать его для газеты, рассказалъ подробно молодому человѣку № 2 и просилъ его написать и отдать въ наборъ. Тотъ обѣщалъ это сдѣлать немедленно, но обѣщанія своего не исполнилъ, а вмѣсто „Современныхъ Извѣстій“ сообщилъ о слышанномъ случаѣ телеграммою въ петербургскія газеты.

Старшій сотрудникъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ въ такое негодованіе, что не удержался и при всѣхъ сказалъ: „А намъ придется когда нибудь присутствовать при вашемъ нравственномъ паденіи.“ На эти рѣзкія слова молодой человѣкъ только снисходительно улыбнулся.

Всѣ эти трое молодыхъ людей были всегда сдержанны, умѣренны, осторожны.

Хотя писать они начали, какъ сами говорили, еще въ послѣднемъ классѣ гимназіи, но не доводили себя до переутомленія, а здоровье ихъ все таки было очень разслабленное, и они одинъ за другимъ преждевременно сошли въ могилу.

Впрочемъ являлось подозрѣніе, что умѣренны они были только въ обществѣ. На что-же нибудь они проживали большія деньги: всѣ трое имѣли средства отъ родителей и много зарабатывали. Это подозрѣніе подтверждалось тѣмъ, что когда редакторъ въ день основанія газеты приглашалъ сотрудниковъ ужинать

къ Тѣстову или въ Эрмитажъ, то оказывалось, что половые въ этихъ ресторанахъ не только знаютъ этихъ молодыхъ людей по имени и отчеству, но даже хорошо изучили ихъ вкусы и, подавая душеньный филей, замѣчали: „вы вѣдь любите трюфели, а вы—сою.“

Не смотря на благовоспитанность этихъ молодыхъ людей, редакторъ не приглашалъ ихъ къ себѣ по воскресеньямъ, когда вечеромъ у него бывали такіе его знакомые, какъ М. П. Погодинъ, А. И. Кошелевъ, Ѳ. В. Чижевъ, Ю Ѳ. Самаринъ К. С. Аксаковъ, С. А. Юрьевъ, Павловы. и др.

Много занимательнаго матеріала имѣли-бытъ молодые люди для своихъ замѣтокъ и фельетоновъ, если-бы они присутствовали при бесѣдахъ этихъ почтенныхъ мужей.

Тогда, какъ и до конца своихъ дней, эти пожилые люди не выходили изъ среды дѣйствующаго въ жизни персонала, не перешли въ ряды отдыхающихъ ветерановъ. Хотя они годились-бы въ отцы тѣмъ троимъ молодымъ людямъ и были болѣе благовоспитанны, нежели они, но куда живѣе, горячѣе, такъ сказать, моложе была ихъ рѣчь, потому что всѣ общественные вопросы они близко и искренно принимали къ сердцу; словомъ, жили жизнью государства, а воспоминаніями своими о событіяхъ хватали далеко и широко.

Въ то время еще немногіе были изъ ихъ рядовъ и потому воспоминанія о друзьяхъ почти ограничивались Хомяковымъ и Константиномъ Аксаковымъ. Объ этихъ людяхъ говорили съ нѣкоторымъ, такъ сказать, благоговѣніемъ. Константина Аксакова называли цѣломудреннымъ и дѣвственнымъ; Хомякова—глубоко вѣровавшимъ и искренно любившимъ народъ.

Какъ примѣръ его любви къ народу рассказывали, что одинъ изъ его друзей (забыла кто), прїѣхавъ къ нему въ деревню, увидалъ что въ его кабинетъ на хорошихъ обояхъ выдѣляется большая грязная полоса и замѣтилъ ему, зачѣмъ онъ не перемѣняетъ обоевъ? Хомяковъ отвѣтилъ: „Это я берегу на память: Эта грязная полоса проведена ихъ (крестьянскими) спинами, когда они приходили ко мнѣ и, разговаривая со мною прислонялись къ стѣнѣ.“ Когда я слушала этотъ разсказъ, у меня вырвалось замѣчаніе: „Отчего-же Хомяковъ, любя такъ крестьянъ, не позволялъ имъ присѣсть? Вѣдь они, вѣроятно, уставали стоять въ продолженіи, можетъ быть, нѣсколькихъ часовъ? Оттого-то отъ усталости прислонялись къ стѣнѣ“. Разскащикъ съ удивленіемъ на меня посмотрѣлъ и, помнится, отвѣтилъ, что этого тогда нельзя было дѣлать.

Года три назадъ я передавала этотъ разсказъ о Хомяковѣ одному молодому литератору въ Петербургѣ. Онъ былъ тронутъ имъ, но замѣтилъ мнѣ, что въ тѣ времена и очень развитые дворяне не могли еще допустить подобнаго панибратства съ крестьянами, да оно имъ и въ голову не приходило.

Очень можетъ быть, что молодой литераторъ правъ въ своемъ предположеніи. Помню еще случай, что удивились другому моему замѣчанію. Какъ извѣстно, именно въ этой средѣ созрѣла мысль объ освобожденіи крестьянъ. И вотъ Хомяковъ съ однимъ изъ своихъ друзей такъ горячо разговаривалъ объ этомъ вопросѣ, что цѣлую ночь они не могли разстаться: въ передней при отъѣздѣ говорили, говорили, наконецъ одинъ другаго поѣхали провожать съ Нѣмецкой улицы на Собачью площадку, и тутъ въ прихожей, не

снимая шубъ, продолжали съ жаромъ говорить и опять съ Собачьей площадки поѣхали вмѣстѣ на Нѣмецкую улицу, да такъ и проѣздили цѣлую длинную зимнюю ночь. Слушая это, я не удержалась и замѣтила. “Имъ-то было хорошо разговаривать о меньшей братіи, а каково было меньшему брату, ихъ кучеру мерзнуть цѣлую ночь, да и лошадь жалко.”

Хомяковъ очень любилъ русскій народъ въ его цѣломъ составѣ и высказался разъ такъ: „Возьмите отдѣльныя личности; вотъ Петръ, вотъ Иванъ, вотъ Семень; одинъ лѣнтяй, другой негодяй, третій плутъ. Но какъ живетъ и дѣйствуетъ цѣлое село, этими единицами составляемое? Честно и хорошо. Какова цѣлая волость? Положительно хорошая. Каковъ цѣлый народъ, изъ этихъ единицъ и волостей состоящій? Чудный народъ! Именно: „О, Россѣ! о, родъ великодушный! о, твердокаменная грудь!“

Портретъ Хомякова, очень живо написанный масляными красками, я видѣла въ круглой залѣ у Погодина, когда пріѣзжала къ его женѣ переговорить объ ея желаніи оставить на время ея отсутствія изъ Москвы двухъ внуковъ гимназистовъ при помѣщеніи редакціи „Современныхъ извѣстій.“ Когда я разговаривала съ Софьей Ивановной, къ намъ въ комнату вошелъ Михаилъ Петровичъ и спросилъ меня „Что же вы пишете въ газетѣ?“ я отвѣтила, что просматриваю иностранныя газеты, перевожу телеграммы и пишу „Политическое Обзорѣніе.“

— Стало быть это вы объяснили, что рѣку Шельду французы называютъ Escaut?

— Я.

— Это вы очень хорошо сдѣлали, а то на нашихъ

картахъ она называется не иначе какъ Шельда; нѣкоторые-же переводчики изъ французскихъ газетъ переводятъ Эско; ищешь на нашихъ картахъ эту рѣку и не находишь. Вообще въ газетахъ всегда надо давать разъясненія; газеты должны поучать читателей. Такъ вотъ какъ, вы орудуете политическимъ отдѣломъ въ газетѣ. Скоро вѣдь мужчинамъ нечего будетъ дѣлать: женщины все захватятъ въ свои руки; вонъ въ Америкѣ уже появились женщины офицеры.

— Вы каждый день просматриваете „Политическое обозрѣнiе“ въ „Современныхъ Извѣстiяхъ“? спросила я.

— Прочитываю внимательно.

— Вамъ не нравится, какъ оно бываетъ составлено и написано?

— Напротивъ, я доволенъ.

— Стало быть, я на своемъ мѣстѣ, отвѣтила я.

Погодинъ говорилъ грубымъ тономъ и вообще онъ былъ грубоватъ, хотя какъ ребенокъ радовался, когда ему кто нибудь рассказывалъ, что познакомился съ хорошимъ молодымъ человѣкомъ. Погодинъ вообще любилъ поощрять молодыхъ людей, особенно талантливыхъ, а небогатымъ давалъ у себя въ домѣ прiютъ. Рассказывали, что одно время его гостепрiимствомъ пользовался Гоголь. Погодинъ понукалъ его писать и чуть изъ-подъ пера его выйдутъ нѣсколько страницъ, какъ Погодинъ немедленно шлетъ ихъ въ типографiю. Гоголь сердился, что Михаилъ Петровичъ не даетъ ему возможности отдѣлывать своихъ произведенiй и въ досадѣ сравнилъ Погодина съ тѣмъ животнымъ, которое, питаясь человѣческими отбросами, пожираетъ ихъ, не давъ имъ упасть на землю.

Я говорила уже, что эти лица своими воспомина-

ніями хватали далеко. А. И. Кошелевъ разсказывалъ, напрімѣръ, о своемъ посѣщеніи Гёте. Конечно Кошелевъ былъ тогда еще юношей и какъ всѣ тогдашніе юноши, былъ восторженный, то есть восторженно воспринималъ все благородное и поэтическое. Начитавшись геніальныхъ произведеній великаго германскаго поэта, онъ рѣшился во время своего путешествія за-границей явиться къ нему лично, такъ сказать, на поклоненіе. Онъ съ трепетомъ предвкушалъ то высокое нравственное наслажденіе, которое надѣялся испытать въ бесѣдѣ геніальнаго поэта. Гёте радушно принималъ молодого человѣка. Кошелевъ прямо высказалъ ему, что творенія его произвели на него глубокое впечатлѣніе и онъ не могъ удержаться, чтобы не явиться лично взглянуть на ихъ великаго автора. „О, ја, ја,“ сказалъ съ доброю, отеческою улыбкою Гёте и пригласилъ его сѣсть. Молодой человѣкъ началъ говорить о Вертерѣ, о томъ, что онъ самъ теперь находится въ *Wanderjahre*“. Гёте, улыбаясь, кивалъ утвердительно головою и затѣмъ началъ задавать русскому путешественнику вопросы о политикѣ, о придворной жизни и главнымъ образомъ о русскихъ министрахъ, передъ фамиліями которыхъ непременно упоминалъ: *Herr Geheimrath X, Herr Wirkilicher Staatsrath Z*“. Ни о литературѣ, ни о поэзіи не было и помину. И молодой человѣкъ вышелъ отъ Гёте съ грустнымъ впечатлѣніемъ.

Когда А. И. Кошелевъ это разсказалъ, Ѳ. В. Чижовъ замѣтилъ, что во время своихъ путешествій за-границей онъ посѣщалъ многихъ германскихъ ученыхъ, сочиненіями которыхъ восторгался въ Россіи, но послѣ бесѣды съ ними выносилъ всегда впечатлѣ-

ніе, что каждый ученый нѣмецъ глупѣе написанной имъ книги. Ѳ. В. Чижевъ много и хорошо разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ по чужимъ краямъ. Онъ былъ чрезвычайно наблюдателенъ и умѣлъ поразительно вѣрно отгадывать характеръ по почерку. Вскорѣ послѣ моего поступленія въ „Современныя Извѣстія“ редакторъ послалъ ему страничку моего почерка для опредѣленія характера, и Ѳедоръ Васильевичъ, не видавъ меня ни разу, не только вполне вѣрно опредѣлилъ мой характеръ, но даже не ошибся въ томъ, какихъ композиторовъ и поэтовъ я особенно люблю. Мнѣ разсказывали, что разъ получено было письмо отъ одного господина, котораго еще не видали лично; показали его письмо Ѳедору Васильевичу и онъ сказалъ: „Когда этотъ господинъ входитъ, то, кланяясь, вотъ такъ подпрыгиваетъ“. И когда вечеромъ онъ вошелъ, то, раскланиваясь, дѣйствительно подпрыгнулъ такъ, какъ показалъ Чижевъ.

Чаще всѣхъ, даже не по воскресеньямъ только, а и въ будни бывалъ въ редакціи „Современныхъ Извѣстій“ С. А. Юрьевъ. Знавшимъ его лично извѣстна, конечно, его проverbsальная разсѣянность. Сколько разъ бывало такъ, что онъ, пріѣхавши въ редакцію съ кѣмъ нибудь вмѣстѣ въ одномъ экипажѣ и проговоривши съ нимъ всю дорогу, въ прихожей, какъ снимутъ шубы, подходитъ къ этому-же господину и любезно съ нимъ раскланивается, какъ будто только сейчасъ они встрѣтилиеь. Часто, войдя въ редакцію, онъ начиналъ говорить совсѣмъ не о томъ, о чемъ тамъ шелъ разговоръ, а, очевидно, продолжалъ вслухъ думать о томъ, чѣмъ занята была его голова дорогою, какъ онъ ѣхалъ къ намъ. Сергѣй Андреевичъ былъ

главнымъ образомъ математикъ и часто мысли его были заняты рѣшеніемъ математическихъ задачъ. Вошедши, онъ прямо начиналъ говорить объ этихъ задачахъ. Разъ въ редакціи онъ засталъ меня одну и началъ мнѣ объяснять какую то математическую задачу. У меня нѣтъ никакихъ математическихъ способностей; даже не могу запомнить важныхъ историческихъ чиселъ; но Сергѣй Андреевичъ такъ умѣлъ объяснить, особенно то, чѣмъ самъ былъ заинтересованъ, что я поняла его объясненія и до самаго вечера не только удержала ихъ въ памяти, но сѣумѣла даже не бессмысленно передать редактору.

Еще разъ засталъ меня одну Сергѣй Андреевичъ, пріѣхавши со своими математическими думами, но какъ онъ мнѣ не объяснялъ, я ничего не понимала и сидѣла какъ на горячихъ угляхъ. Дѣло въ томъ, что когда Юрьевъ входилъ ко мнѣ, отъ меня выходилъ посланный отъ моего отца, приславшаго мнѣ сказать, что онъ не надѣется дожить до вечера. Редакторъ былъ въ отсутствіи и я нетерпѣливо ждала его. Отлучиться рѣшительно не было возможности, потому что изъ типографіи безпрестанно приходили то съ вопросами что набирать, то за оригиналами и дѣло заготовленія газеты къ слѣдующему дню не могло быть остановлено никакими личными, частными случаями. Не понимая что толкуетъ мнѣ Сергѣй Андреевичъ я стала говорить ему, что у меня при смерти отецъ, а онъ человѣкъ хорошій. Я начала рассказывать про разные добрые поступки моего старика. Юрьевъ вѣжливо и повидимому внимательно меня слушалъ и временами замѣчалъ:

— Ахъ, какой прекрасный человѣкъ!

А потомъ вдругъ спрашиваетъ:

— Это вы о комъ-же говорите?

— О своемъ отцѣ.

— Онъ живъ?

— То-то я вамъ и говорю, что не надѣется дожить до сегодняшняго вечера. Мнѣ сейчасъ уѣхать нельзя, а онъ живетъ далеко, верстъ 9 отъ Москвы.

Юрьевъ просидѣлъ до пріѣзда редактора. Быть можетъ, и лучше вышло, что въ такія тяжкія минуты я не была одна, хотя мнѣ было и не до разговоровъ. Только въ 8 часовъ вечера я могла отлучиться и застала старика уже остывшимъ на столѣ. Не выносимо тяжело это воспоминать. Перейду лучше къ другому. Въ эту-же большую квартиру, кажется, черезъ годъ послѣ размолвки пріѣхалъ въ одно воскресенье и И. С. Аксаковъ. Онъ тогда-же пересталъ издавать свою газету, какъ предлагалъ редактору „Современныхъ Извѣстій“ соединить ихъ изданія. Разъ онъ такъ заинтересовался руководящею статьею подъ заглавіемъ „Востокъ и западъ“, что пріѣхалъ въ редакцію узнать, кто ея авторъ. Когда редакторъ назвалъ меня, на его лицѣ выразилось недоумѣніе, а потомъ онъ улыбнулся одобрительно. Еще больше примирился онъ съ моимъ присутствіемъ въ редакціи, когда узналъ, что политическія обозрѣнія пишу я. Наконецъ когда въ 1874 году я написала первый романъ подъ заглавіемъ „Встрѣча“ (переименованный мною потомъ „За каменными стѣнами“), редакторъ „Современныхъ Извѣстій“, не считая себя компетентнымъ въ беллетристику, послалъ Ивану Сергѣевичу прочесть его и высказать свое мнѣніе. Романъ этотъ такъ понравился Аксакову, что онъ предсказывалъ мнѣ такое мѣсто въ лите-

ратурѣ, какое я могу занять развѣ только, по выраже-
нію спиритовъ, уже въ слѣдующемъ своемъ воплоще-
ніи на землѣ.

Редакторъ просилъ меня напечатать этотъ романъ
въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“, но мнѣ въ наивности
моей хотѣлось напечатать его въ толстомъ журналѣ и
я послала его въ „Отечественныя Записки“. Прошло
нѣсколько мѣсяцевъ томительнаго ожиданія, и я, бо-
ясь, чтобы подлинникъ мой не затерялся, поручила
одной знакомой взять его изъ „Отечественныхъ Запи-
сокъ“. Не зная объ этомъ и видя мое нетерпѣніе, ре-
дакторъ написалъ въ „Отечественныя Записки“ пись-
мо, въ которомъ спрашивалъ о судьбѣ моей рукописи.
Очень скоро онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Ро-
манъ „Встрѣча“ намъ очень понравился; но мы не мо-
гли уяснить себѣ его тенденцію. Если бы мы знали,
что онъ присланъ отъ васъ, то непременно напечата-
ли-бы; но у насъ его вытребовала одна дама по пору-
ченію автора“.

Это письмо получено было какъ разъ въ воскре-
сенье, когда у редактора собрались его старые друзья.
Онъ прочелъ имъ вслухъ этотъ отвѣтъ. Иванъ Сер-
гѣевичъ выходилъ изъ себя. Впрочемъ онъ не злился,
а съ глубокою скорбью говорилъ: „Когда-же наконецъ
освободится наша литература отъ тенденцій? И до-
живемъ-ли мы до этого счастливаго времени? Но по-
вѣрьте мнѣ, что настанетъ та пора, когда этимъ-же
самымъ людямъ до того сдѣлаются тошны слово „тен-
денція“ и его значеніе, что даже станутъ избѣгать
тѣхъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ ярко
будетъ проведена идея. Тенденція невозможна безъ на-
тяжки, а можно-ли въ художественномъ произведеніи

допускать натяжку? И будетъ-ли оно тогда истинно художественнымъ произведеніемъ?“

Помимо этого случая мнѣ часто приходилось присутствовать при критическихъ разборахъ этими лицами беллетристическихъ произведеній русской литературы, главныхъ идей и языка въ этихъ произведеніяхъ. Они искренно скорбѣли о томъ, что молодые русскіе писатели небрежно относятся къ слогу и засоряютъ языкъ иностранными словами.

Я уже говорила, что Иванъ Сергѣевичъ вполне примирился съ моимъ сотрудничествомъ въ газетѣ и когда во время сербскаго возстанія не могъ въ точности прослѣдить по картѣ, какъ расположены были сербскія арміи, то пріѣхалъ въ редакцію „Современныхъ Извѣстій“, гдѣ имѣлась замѣчательно хорошая карта Сербіи и просилъ меня показать ему на картѣ расположеніе и движеніе арміи. Когда я ему показывала, онъ съ грустью замѣтилъ: „Какъ непріятно не имѣть своего печатнаго органа. Когда я ничего не издаю, то чувствую себя стертымъ пятіалтыннымъ“. Послѣ этого вскорѣ онъ началъ издавать „Русь“.

Въ 1879 году я была приглашена сотрудничать въ „Русскомъ Курьерѣ“. Направленіе въ этой газетѣ было тогда народолюбивое; но мнѣ вскорѣ бросилась въ глаза та разниа, что старые славянофилы любили народъ какъ отцы, молодые же сотрудники новой газеты относились къ нему какъ братья.

Въ обѣихъ этихъ газетахъ я провела почти по равному количеству лѣтъ, а вмѣстѣ ровно двадцать лѣтъ, занимая тѣ-же должности, и невольно у меня въ головѣ постоянно являлось сравненіе между обоими изданіями.

Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ въ центрѣ личнаго состава редакціи стоялъ редакторъ. Сотрудники были имъ-же подготовлены; писали согласно съ его взглядами, такъ сказать, по его внушенію. Развала въ разныя стороны не было. Первый годъ нѣкоторые сотрудники у него обѣдали и этимъ часомъ отдыха онъ пользовался, чтобы посвящать ихъ въ свои воззрѣнія. Иногда лѣтомъ всѣ московскіе сотрудники жили у него на дачѣ, и точно также за обѣдомъ или во время прогулки, вечеромъ онъ рассказывалъ имъ содержаніе руководящей статьи, которую намѣревался писать.

Въ „Русскомъ Курьерѣ“ напротивъ того сотрудники были сами по себѣ, редакторъ-издатель—самъ по себѣ. Иногда дѣло доходило до открытаго антагонизма и въ случаѣ неуступчивости издателя весь личный составъ редакціи отказывался и уходилъ.

Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ всегда можно было предвидѣть, какъ выскажется редакторъ о какомъ-либо общественномъ вопросѣ или событіи, и поэтому всѣ сотрудники чувствовали подъ ногами твердую почву.

Въ „Русскомъ Курьерѣ“ ежегодно мѣнялись завѣдывавшіе редакціею; направленіе колебалось и твердая почва чувствовалась только тогда, когда газетою завѣдывали Ф. Д. Нефедовъ и В. А. Гольцевъ.

Руководящія статьи въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ писалъ почти только редакторъ. О виѣшней политикѣ, о высшемъ образованіи женщинъ и расширеніи поприща ихъ общественной дѣятельности писала я, когда что либо задѣвало меня за живое; при этомъ конечно я не помышляла ни о какомъ гонорарѣ и не брала его. Иногда появлялись статьи и когонибудь

изъ тѣхъ старыхъ друзей редактора, о которыхъ я говорила выше. Они тоже писали безвозмездно.

Въ „Русскомъ Курьерѣ“ передовыя статьи доставлялись со всѣхъ концовъ и не иначе какъ за гоно-рарь. Среди статей плохихъ попадались замѣчатель-но хорошія, написанныя мастерами своего дѣла.

Въ отдѣлѣ „иностранныхъ извѣстій“ въ „Современ-ныхъ Извѣстіяхъ“ передавались преимущественно, а иногда исключительно, уже совершившіеся въ поли-тической жизни факты; при этомъ требовалось, что-бы языкъ переводовъ былъ безъ примѣси иностран-ныхъ словъ.

Въ „Русскомъ Курьерѣ“ въ отдѣлѣ „внѣшнихъ из-вѣстій“ отводилось большое мѣсто слухамъ, мнѣніямъ и рѣчамъ; языкъ переводовъ былъ преисполненъ ино-странныхъ словъ и оборотовъ.

Письма изъ городовъ въ „Современныхъ Извѣсті-яхъ“ печатались случайныя, только такія, въ которыхъ вкратцѣ передавали какой-либо случай или проис-шествіе и часто отъ простолюдиновъ; при чемъ языкъ ихъ сохранялся безъ измѣненія; разставляли только правильно знаки препинанія, да букву ѣ водворяли тамъ, гдѣ было ея мѣсто. Такимъ образомъ письмо выходило содержательное, написанное чистымъ рус-скимъ языкомъ. По этому поводу И. С. Аксаковъ уди-влялся, отчего въ его газетѣ, имѣвшей ввиду народъ, совсѣмъ не было корреспондентовъ изъ народа, а въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ писали многіе крестьяне. Не припомню кто, кажется, Погодинъ объяснилъ это тѣмъ, что тогдашнимъ грамотнымъ крестьянамъ удо-бопонятенъ былъ языкъ руководящихъ статей Гиля-рова-Платонова, напоминавшій иногда проповѣди. Тог-

дашніе грамотные крестьяне учились вѣдь по церковнымъ книгамъ, а не по популярнымъ руководствамъ, какъ теперь.

Въ „Русскомъ Курьерѣ“ рѣдко попадались случайныя корреспонденціи; преимущественно-же въ провинціальныхъ городахъ были, такъ сказать, присяжные корреспонденты, присылавшіе свои письма черезъ извѣстные промежутки времени и имѣвшіе такимъ образомъ приблизительно опредѣленную цифру мѣсячнаго заработка. Для этого имъ нужно было во что-бы то ни стало къ назначенному ими-же самими себѣ сроку настроить опредѣленное количество строкъ. И вотъ нѣкоторые изъ этихъ корреспондентовъ прибѣгаютъ къ передѣлкамъ чужихъ писемъ и позаимствованіямъ изъ нихъ. Такъ напримѣръ, изъ одного южнаго города корреспондентъ написалъ: „У насъ рѣшительно нѣтъ житья отъ воровъ: прокрадываются во дворы, въ сѣни; перелѣзаютъ черезъ заборы.“ Черезъ мѣсяцъ присылается изъ одного сѣвернаго города такая передѣлка: „У насъ рѣшительно нѣтъ житья отъ волковъ: прокрадываются во дворы, въ сѣни; перелѣзаютъ черезъ заборы.“ Корреспондентъ изъ Кимръ въ первыхъ числахъ іюля писалъ: „Какъ извѣстно, жители нашего большаго села почти всѣ поголовно занимаются сапожнымъ ремесломъ съ давнихъ временъ. Но за послѣдніе мѣсяцы дѣла ихъ шли такъ плохо, что грозили раззореніемъ многимъ изъ нихъ. Ихъ выручилъ только рынокъ въ Петровъ день; онъ былъ такъ оживленъ, что почти не осталось залежалаго товара.“ Въ первыхъ-же числахъ августа изъ слободы Покровской Саратовской губерніи корреспондентъ сообщалъ: „Жители нашей обширной слободы преимущественно

занимаются сапожнымъ промысломъ. За послѣдніе мѣсяцы дѣла ихъ были такъ плохи, что многіе изъ нихъ раззорились-бы; но ихъ выручилъ базаръ въ Ильинъ день. Торговали такъ оживленно, что на рукахъ почти не осталось товара.“

„Современныя Извѣстія“ и „Русскій Курьеръ“ были во многомъ существенно различны; но у нихъ была одна общая черта: оба изданія были искренни, наивны и вслѣдствіе этого неосторожны. А потому чаще другихъ подвергались пріостановкамъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Когда такая бѣда постигала „Современныя Извѣстія“, то сотрудники, бывшіе на жалованьи, разные служащіе и даже наборщики продолжали получать свое жалованье. Если у редактора не было денегъ, то онъ дѣлалъ ради этого заемъ. Были случаи, что, жалѣя его, лица, имѣвшія возможность зарабатывать чѣмъ нибудь себѣ содержаніе, отказывались получать жалованье во время пріостановки газеты.

Совсѣмъ иначе было въ „Русскомъ Курьерѣ“: съ того дня, какъ газета была пріостановлена, въ конторѣ прекращалась всякая выдача денегъ. Такъ что разъ я не могла добиться какихъ-то моихъ рублей, остававшихся за конторою, (а дѣло было передъ самымъ Рождествомъ) и получила ихъ только тогда, когда газета снова начала выходить въ мартѣ.

Точно также велика была разница въ выговорахъ, получавшихся отъ редакторовъ лицами, сдѣлавшими промахъ. Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ редакторъ призывалъ такого провинившагося и тихо объяснялъ ему, какой вредъ нанесенъ этимъ промахомъ газетѣ. При этомъ онъ самъ имѣлъ такой жалостный видъ пострадавшаго, что провинившемуся становилось и

жалко его, и стыдно за свою оплошность, тѣмъ болѣе, что не было и помину о томъ, что человѣкъ работаетъ недобросовѣстно, а беретъ за свою работу деньги.

Въ „Русскомъ Курьерѣ“, помню, относительно выговоровъ былъ такой случай: въ продолженіи нѣсколькихъ дней въ газетѣ совсѣмъ не печатали отдѣла „Театры и зрѣлища“. Кто-то изъ подписчиковъ пожаловался письменно редактору, что по его газетѣ нельзя узнать что будутъ давать въ театрахъ.

Во многихъ редакціяхъ афишки подаются секретарю и онъ составляетъ по нимъ рубрику „Театры и зрѣлища“. Въ „Русскомъ Курьерѣ“ съ самаго начала заведено было такъ, что афишки подавались въ типографію и тамъ прямо по нимъ набирали отдѣлъ „зрѣлищъ“. Нѣсколько лѣтъ я занимала должность секретаря редакціи и никогда мнѣ не подавали афишекъ, такъ что я свыклась съ тѣмъ, что въ типографіи этотъ отдѣлъ составляютъ аккуратно. Прочитавъ жалобу, редакторъ призвалъ къ себѣ въ кабинетъ заведывавшаго редакціею, меня и начальника типографіи и сдѣлалъ намъ выговоръ, что мы не досмотрѣли этого упущенія. Мы молча стояли передъ нимъ, искренно имѣя видъ провинившихся. Я мысленно упрекала себя въ недобросовѣстности и мнѣ было стыдно и досадно на себя. Я уже готова была извиниться, какъ издатель сказалъ: „Деньги-то вы отъ меня получаете, а дѣломъ манкируете“. И вдругъ пропалъ мой стыдъ и досада на себя, а стало только досадно на редактора, что онъ упрекаетъ жалованьемъ. Въ минуту промелькнула мысль, что сравнительно за свой трудъ я получаю мало вознагражденія. И все дѣйствіе выговора пропало.

Когда у кого нибудь изъ служащихъ или сотру-

никовъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ приключалось какое либо семейное горе, требовавшее его отлучки изъ редакціи, то лучше было скрыть отъ редактора, который училъ предпочитать всегда общественное частному.

Совершенно противоположно относились въ „Русскомъ Курьерѣ“ къ семейнымъ обстоятельствамъ сотрудниковъ и служащихъ. Болѣзнь домашнихъ, хотябы малаго ребенка, считалась важнымъ поводомъ для какой угодно продолжительной отлучки. Редакторъ относился почтительно къ частной жизни служащихъ и деликатно принималъ во вниманіе какіе-либо ихъ семейные случаи,

Памятуя традиціи „Современныхъ Извѣстій“, я разсидѣла въ редакціи „Рус. Кур.“, повидимому, спокойно, но въ сущности нетерпѣливо ждала, когда наступятъ сумерки, чтобы незамѣтно пройти по двору въ свою квартиру, гдѣ совершенно одинъ лежалъ въ горячкѣ мой мужъ. Но только что я вышла изъ редакціи, какъ встрѣтилась съ женою редактора и сказала ей, что иду на минуту навѣстить больного. Она удивилась, что я позволяю себѣ сидѣть въ редакціи, когда у меня такое серьезное семейное горе, и совѣтовала, чтобы я попросила кого нибудь замѣнить меня на время. Я припомнила при этомъ, какъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ я просила повидаться съ больнымъ отцомъ и не была отпущена; какъ потомъ я силилась скрывать свое горе о потери отца и все таки получила замѣчаніе, что не умѣю владѣть собою и подавлять личныхъ страданій.

Литературный трудъ вообще, а журнальная и газетная работа въ особенности способны доводить посвя-

тившихъ себя имъ людей до переутомленія. Другія занятія, какъ напимѣръ, въ большихъ конторахъ и канцеляріяхъ берутъ у служащихъ не весь день и даютъ возможность отдыхать по праздникамъ, а въ редакціяхъ старшимъ сотрудникамъ приходится заниматься до тѣхъ поръ, пока готовъ весь номеръ газеты и притомъ они работаютъ и по праздникамъ.

Сколько прекрасныхъ дней 1-го мая, Троицыныхъ дней и другихъ лѣтнихъ праздниковъ приходилось мнѣ просиживать въ стѣнахъ редакціи „Русскаго Курьера“ и иногда одиноко, такъ какъ сотрудники приплюютъ или принесутъ свои статьи и спѣшатъ за городъ.

За двадцатилѣтній періодъ служенія въ газетахъ я знаю много случаевъ переутомленія. Напимѣръ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ сотрудникъ по внутреннему отдѣлу, много лѣтъ безсмѣнно занимавшійся однимъ дѣломъ, переутомился и на время отказался отъ работы, хотя не имѣлъ никакихъ иныхъ средствъ существованія; одному конторщику изъ интеллигентовъ во время усиленной подписки передъ новымъ годомъ начало казаться, что подписчики рядами маршируютъ передъ нимъ, а черезъ годъ онъ лишился разсудка. Корректорша, желая поправить свои матеріальныя обстоятельства, взялась безсмѣнно изо дня въ день читать газетную корректуру и къ концу года разъ выбѣжала блѣдная изъ своей комнаты: она дошла до галлюцинацій.

Со мною нѣсколько разъ было такъ, что я съ ненавистью смотрѣла на бумагу, перо и газеты. И разъ докторъ заявилъ, что не ручается за мои умственныя способности, если я не уѣду хоть на короткое время,

но подальше, гдѣ не буду видѣть ни газетъ, ни перьевъ. Разъ я дошла до того, что на нѣсколько минутъ забыла и никакъ не могла припомнить, какъ меня зовутъ; это было до отчаянія жуткое состояніе.

Въ сущности-же я писала не болѣе двухъ сотъ печатныхъ строкъ въ день, а чтеніе иностранныхъ газетъ даже доставляло мнѣ удовольствіе; но очень томительно дѣйствовало то, что, желая сообщить въ газетѣ всѣ факты, я не успѣвала всего прочитывать, потому что не умѣла, что называется, пробѣгать. И если случалось куда отлучиться, то мысль „а я еще не успѣла прочесть южную Америку или Австралію“ отравляла всякое удовольствіе. Иногда эти непрочитанныя статьи накопились до большого количества и, попадаясь мнѣ на глаза, мучили меня. Вообще я не помню случая, чтобы во время своего сотрудничества въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ я когда либо спокойно гуляла или сидѣла въ театрѣ. Днемъ рѣшительно не могла выходить на улицу, такъ что если приходилось за все десятилѣтіе оказаться когда днемъ на улицѣ по какойнибудь необычайной причинѣ, то я чувствовала себя какъ-то не по себѣ. Ложась спать по прочтеніи корректуры телеграммъ, т. е. въ 3 или 4 часа ночи, я не могла вставать ранѣе 10 часовъ утра, а въ 11 уже подавали пакетъ съ иностранными газетами. Читала ихъ медленно и внимательно; соображала порядокъ „политическаго обозрѣнія“, писала его, обдѣлывая слогъ. Писанье этого обозрѣнія и раздача другихъ иностранныхъ извѣстій переводчицамъ продолжались до 7 часовъ вечера, затѣмъ начиналось чтеніе корректуръ по моему отдѣлу, а въ 11 часовъ уже начиналось полученіе иностранныхъ телеграммъ.

Въ промежутки между работою отлучиться было неудобно, да и опасалась разсѣяться. Работа замедлялась еще посѣтителями и посѣтельницами, которые не понимали, что своими визитами и бесѣдами отнимають время.

Съ редакторомъ часто случалось такъ, что онъ съ утра замыслить руководящую статью; но добрые знакомые или дѣловые люди цѣлый день не дадутъ ему возможности присѣсть за писанье. Между тѣмъ содержаніе статьи не выходитъ у него изъ головы, томить его, а сама статья пишется уже глубокою ночью, часто съ головною болью.

Въ моей памяти остался такой случай. Былъ теплый майскій день. Вечеромъ часовъ въ 8 редакторъ пригласилъ двухъ сотрудниковъ и меня прокатиться за городъ. И говорить нечего, какъ отрадно и легко на душѣ чувствовали мы, выѣхавъ за заставу; ѣхали все дальше и дальше и очутились въ селѣ Косинѣ.

Когда мы подъѣхали къ церкви, село уже спало. Мы вышли изъ экипажа и остановились на берегу озера, любуясь картиною природы. Вечеръ былъ тихій; въ воздухѣ пахло только что распустившимися деревьями. Обширное озеро и лѣса за нимъ были въ легкомъ туманѣ, какъ-бы покрытые прозрачною дымкою. Надъ водою висѣлъ серпъ луны. Отъ восторга мы всѣ молчали. Неожиданно съ противоположнаго берега озера послышалось стройное хоровое пѣніе гимна „Коль славенъ.“ Не доставало только этого для полноты прелести майскаго вечера.

Мы стояли, какъ очарованные, забывъ и время, и газету. Вдругъ надъ самыми нашими головами раздался звукъ колокола; ночной сторожъ ударилъ 11

разъ. Куда дѣвалось наше поэтическое настроеніе! Съ тревогой мы побѣжали къ коляскѣ и начали то-ропить кучера. У редактора не была написана пере-довая статья; на моемъ столѣ уже ждали меня кор-ректуры иностраннаго отдѣла. Удрученные мыслями о невозможности наслаждаться чуднымъ весеннимъ вечеромъ, мы уже не могли разговаривать спокойно, и молча возвратились въ редакцію.

Сколько подобныхъ случаевъ бывало за это томи-тельное трудовое десятилѣтіе!

Въ „Русскомъ Курьерѣ“, стараясь тоже добросовѣст-но исполнять принятую на себя обязанность, я одна-ко совершенно спокойно отлучалась или сидѣла въ театрѣ. Дѣло сдѣлано; точка поставлена,—я принад-лежу себѣ. Благодаря этой возможности принадлежать иногда себѣ, я работала въ этой газетѣ гораздо бод-ре.

„Русскій Курьеръ“ вообще былъ такъ поставленъ, что никто не могъ вкладывать въ него свою душу; случалось, что кто-либо изъ сотрудниковъ или даже завѣдующій редакціею напишетъ, бывало, статью или фельетонъ, въ которыхъ выскажетъ свои завѣтныя мы-сли, сдастъ свой трудъ въ наборъ и выправить, а на утро окажется, что издатель велѣлъ разобрать все.

Переутомленіе мое въ „Русскомъ Курьерѣ“ было ско-реѣ физическое. Такъ, я помню, что, не имѣя запас-ныхъ денегъ, я все-таки не огорчилась пріостановкою газеты на нѣсколько мѣсяцевъ, потому что чувство-вала крайнюю потребность отдохнуть, такъ какъ въ продолженіи двухъ лѣтъ не спала ни одной ночи, вы-пуская газету въ печать.

Въ обоихъ этихъ изданіяхъ тяжелую и непріятную

сторону моего труда составлялъ переводъ иностранныхъ телеграммъ, которыя получались отъ 11 до 3 часовъ ночи. Въ „Современныхъ Извѣстiяхъ“ лѣтомъ я жила на дачѣ у редактора и телеграммы привозилъ туда ночью верховой. Задремать или уснуть на время до его прѣзда нельзя было потому, что, заспавшись, не скоро можно очнуться и понять содержанiе перевранныхъ телеграммъ, а главное—тревожное ожиданiе мѣшало забыться. Когда въ 1873 году по настоянiю доктора я поѣхала мѣсяца на два на Кавказъ, то и тамъ первое время просыпалась и тревожно вскакивала, когда ночью по улицѣ раздавался топотъ конскихъ копытъ, а въ Пятигорскѣ и Желѣзноводскѣ этотъ топотъ раздавался часто, такъ какъ козаки ѣздить постоянно верхомъ.

Въ „Русскомъ Курьерѣ“ въ ожиданiи телеграммъ я спокойно засыпала. Меня будили и подавали въ постель бумагу и карандашъ; я переводила и опять засыпала. Опять будили и опять засыпала. И такъ по два или по три раза въ ночь. Отъ постоянного буженiя и прерываемаго сна я наконецъ дошла до какого-то ясновидѣнiя и лѣтомъ въ 1881 году, когда меня почему-то разъ не будили, такъ я во снѣ увидала, что меня разбудили и подали переводить такую телеграмму: „Le célèbre écrivain russe Jean Tourguenef est mort à Bougival“. Между тѣмъ тогда И. С. Тургеневъ былъ живъ и въ дѣйствительности телеграмму объ его смерти получили въ августѣ 1883 года и, помнится, по русски.

Какъ-то въ „Petit Journal“ Фраесискъ Сарсэ въ статьѣ „Le surmenage“ (переутомленiе) рассказывалъ, какъ жаловался ему одинъ извѣстный парижскiй

артистъ на крайнее утомленіе, которое не даетъ ему опомниться, подумать о себѣ. „Завели теперь утренніе и вечерніе спектакли, говорилъ онъ. Въ промежутки спектаклей идутъ репетиціи, приготовленіе ролей, затѣмъ переговоры съ портнымъ и парикмахеромъ, а ночью бросаешься въ кровать, какъ безжизненная масса, не будучи въ состояніи ни о чемъ думать“. Передавши это, Франискъ Сарсэ говоритъ: „А съ нами, журналистами, развѣ не то-же самое? Живя, развѣ мы имѣемъ время пользоваться жизнью?“

Прочитавши это, я вспомнила и свой крайній недосугъ во время занятій въ редакціяхъ, особенно въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“. Одна работа слѣдовала за другой и весь день былъ наполненъ. Одинаковые дни смѣнялись днями и проходили годы. Живя, невозможно было пользоваться жизнью. Промежутки между работами—томленіе въ ожиданіи, когда принесутъ газеты или гранки, а это томленіе было какое-то сплошное созерцательное настроеніе. Одинъ разъ однообразный рабочій день нечаянно измѣнился: былъ запрещенъ нумеръ газеты за руководящую статью. Для слѣдующаго дня оставленъ былъ весь прежній наборъ, исключая передовой статьи. Такимъ образомъ у меня оказался свободный день. Я обрадовалась воспользоваться неожиданною свободою и назначила себѣ обширную программу на этотъ день. Первый пунктъ программы былъ пройти пѣшкомъ до Тверской. Я вышла изъ дома въ 3 часа. Дойдя до Охотнорядской площади, я увидала балаганъ со звѣринцемъ. На минуту зашла туда, но заинтересовалась маленькими обезьянами; начала забавляться съ ними, а тѣмъ временемъ на дворѣ стемнѣло. Я отвыкла быть вечеромъ на улицахъ,

да и вѣсть захотѣла. Взяла поскорѣй извозчика и вернулась домой. Такъ своимъ свободнымъ днемъ я воспользовалась только для знакомства съ обезьянками. А людей, добрыхъ знакомыхъ и даже родныхъ, растеряла въ продолженіе газетной службы: одни умерли; другіе уѣхали. Прощаться и провожать ихъ было некогда.

Бывая теперь въ разныхъ редакціяхъ, я вижу, какъ секретари и завѣдующіе, оторвавшись на минутку отъ лежащихъ на ихъ столахъ грудъ бумагъ и газетъ, спѣшатъ какимъ-то телеграфнымъ языкомъ объяснить приходящей публикѣ, будетъ напечатана рукопись или нѣтъ и, разговаривая, сами все съ томленіемъ поглядываютъ на свой столъ: всю эту груду нужно просмотрѣть: что выправить, что сократить, а въ типографіи ждутъ.

Тѣ, изъ приходящихъ въ редакціи, которые сами не жилали жизнью журналистовъ, обремененныхъ веденіемъ газеты, не понимаютъ, конечно, этого томленія. И есть даже любители заходить въ редакціи. Въ трехъ редакціяхъ мнѣ приходилось принимать публику и теперь въ моихъ воспоминаніяхъ проходятъ длинныя вереницы этихъ разнообразныхъ посѣтителей. Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ я выходила къ публикѣ съ перомъ въ рукахъ, принимала стоя и просила, чтобы мнѣ поскорѣе сказали причину посѣщенія, суть дѣла.

Въ редакціи „Друга Женщинъ“ для приѣма посѣтителей назначено было два часа. Являлись преимущественно женщины и много изъ нихъ очень удрученныя разными обстоятельствами. Тутъ я поняла, что приѣмъ посѣтителей въ редакціяхъ составляетъ своего рода общественное служеніе, даже служеніе полезное.

Поэтому я терпѣливо и внимательно выслушивала ихъ и была очень довольна, почти счастлива, если могла дать полезный совѣтъ. Когда въ „Русскомъ Курьерѣ“ мнѣ поручили принимать отъ часу до трехъ публику, то я взялась за эту обязанность уже какъ за служеніе обществу. И какой большой и разнообразный контингентъ посѣтителей бывалъ у меня. Кромѣ лицъ, доставлявшихъ свои статьи и приходившихъ узнать объ ихъ судьбѣ, въ редакцію являлись жены, уѣхавшія отъ мужей въ Москву и тутъ оказавшіяся въ безвыходномъ положеніи. Были случаи, что я потомъ получала отъ нихъ письма съ подробнымъ увѣдомленіемъ меня, какъ онѣ возвратились домой и были встрѣчены. Захолустные бѣдняки, которые въ своей глуши отъ чего либо пострадали и рѣшили, что вся бѣда у нихъ кончится, если они повидаются съ отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ. И вотъ они скопили гроши и добрались до Москвы. Далѣе на дорогу денегъ нѣтъ. Куда идти? Людей московскихъ не знаютъ. Вспоминаютъ московскія газеты и идутъ въ редакціи. Провинціальныя подписчики „Русскаго Курьера“, пріѣхавши въ Москву, немедленно обращались въ редакцію съ просьбою указать имъ хорошаго врача или адвоката.—Много душевнобольныхъ является въ редакціи; они обыкновенно добиваются видѣть самого редактора, увѣряя, что крайне необходимо сказать ему лично очень важную вещь. Одного такого, приходившаго ко мнѣ цѣлый мѣсяцъ, я уговорила написать то, что онъ имѣетъ сказать редактору, запечатать, а я передамъ. Когда вскрыли пакетъ, то тамъ оказалось написано: „Кресту Твоему поклоняемся Владыко. Пѣвчій изъ Никитинскаго хора“.—Одинъ душевнобольной моло-

дой врачъ часто заходилъ ко мнѣ побесѣдовать и подробно рассказывать, чѣмъ онъ теперь занимается и какъ себя чувствуетъ.—А сколько по осени приходитъ въ редакціи молодыхъ людей обоого пола, которые весною кончили курсъ ученія; лѣто провели на родинѣ, а къ осени пріѣхали въ столицу искать своего счастья и очутились въ безвыходномъ положеніи. Бывали еще вотъ какіе случаи. Въ глухомъ провинціальномъ городкѣ тихо и мирно проживаетъ человѣкъ, очень любящій литературу, особенно поэзію. При неспѣшной и мирной жизни онъ почитываетъ, потомъ самъ вдохновляется, пишетъ, какъ Богъ на душу послалъ, цѣлую тетрадку стихотвореній, посылаетъ ихъ въ какую-либо московскую газету и съ замираніемъ сердца вскрываетъ каждый день полученный номеръ; но мѣсяцы идутъ, а стихотворенія его въ печати не появляются. Онъ пишетъ въ редакцію и на отвѣтъ прилагаетъ марку. По его мнѣнію, приложенная марка обязываетъ отвѣтить; но тѣмъ не менѣе отвѣта нѣтъ. Тетрадка съ его стихотвореніями—часть его души; она дорога ему, какъ святыня. Онъ думаетъ, думаетъ объ ней и рѣшается поѣхать въ столицу; тамъ онъ увидитъ тѣхъ людей, въ рукахъ которыхъ его судьба. Онъ поговоритъ съ ними, по душѣ побесѣдуетъ; расскажетъ, какъ зарождались въ немъ мысли, какъ вдохновеніе охватывало его и какъ наконецъ онъ рѣшился излить на бумагѣ свои мысли, свои чувства, свою душу. Но гдѣ тѣ средства, на которыя онъ доберется до Москвы? Прибѣгнуть къ займу? Попытался, но безъ залога не даютъ, тѣмъ болѣе, что знакомые смотрятъ на него, какъ на человѣка непрактическаго, какъ на фантазера. Развѣ рискнуть послѣднимъ, то

есть продать тотъ маленькій клочекъ земли, который онъ имѣетъ подъ городомъ? Рискъ—дѣло благородное и притомъ, быть можетъ, онъ добьется, чтобы стихотворенія его были напечатаны, а разъ напечатаны, онъ получить свое мѣсто въ литературѣ. Что такое этотъ клочекъ земли въ сравненіи съ цѣлью его жизни? Добрые сосѣди воспользовались его нетерпѣливымъ желаніемъ продать и купили землю за безцѣнокъ. Наконецъ онъ въ столицѣ. Пообчистившись, онъ идетъ въ ту редакцію, гдѣ хранится его завѣтная тетрадь. Тутъ онъ трепетно спрашиваетъ объ участи своихъ произведеній.

— Что-то не помню; поищу, отвѣчаетъ ему лаконически редакціонный *souffre-douleurs*.

Черезъ нѣсколько дней онъ опять навѣдывается.

— Еще не нашли, говорятъ ему.

Дни идутъ за днями; недѣли за недѣлями. Онъ видитъ, что уже надоѣлъ въ редакціи, а деньги всѣ вышли. Оставаться дальше въ Москвѣ нельзя. Въ послѣдній разъ идетъ онъ въ редакцію.

— Нѣтъ, стихотвореній подъ такимъ заглавіемъ мы не получали. Да и притомъ мелкій оригиналъ подвергается уничтоженію, если онъ неудобенъ для напечатанія, отвѣчаютъ ему и болѣе не хотятъ его выслушивать.

Уничтоженъ и онъ.

Исхудалый, въ запыленномъ лѣтнемъ пальто, съ отчаяніемъ въ глазахъ вошелъ разъ лѣтомъ въ редакцію „Русскаго Курьера“ какой-то смиренный человѣкъ и разсказалъ мнѣ свою печальную исторію. Эту исторію я передала выше.

Сотрудники „Русскаго Курьера“ отнесли къ нему

сочувственно и сдѣлали складчину, чтобы онъ могъ добраться до родного города.

— Благодарю васъ, что вы даете мнѣ возможность вернуться, сказалъ онъ, только ужъ земли-то у меня тамъ нѣтъ.

Его жалѣли, но никто не смѣялся надъ нимъ. Напротивъ, я помню, одинъ сотрудникъ сказалъ: „А пріятно узнать, что въ концѣ девятнадцатаго вѣка еще живутъ по закоулкамъ люди, у которыхъ на первомъ планѣ не однѣ только практическія цѣли“.

А недавно мнѣ рассказывали, будто-бы одинъ изъ такихъ непрактическихъ наивныхъ провинціаловъ прислалъ свою рукопись одному, такъ сказать, руководящему литератору, осмѣливаясь спросить его мнѣніе о своемъ трудѣ; но будто-бы этотъ литераторъ подтрунилъ надъ нимъ въ своихъ авторитетныхъ произведеніяхъ.

Впрочемъ теперь, какъ видно, принято трунить. Мнѣ сколько разъ приходилось читать въ такъ называемомъ „почтовомъ ящикѣ“ такіе отвѣты редакціи: „Прежде научитесь правильно писать, а потомъ предлагайте свое сотрудничество“, или такъ: „Вы въ своемъ стихотвореніи рассказываете, какъ вы пылаете къ ней. Держите при себѣ свое чувство и не повѣствуйте о немъ всему свѣту“. Попадаются отвѣты рѣзко презрительные или залихватскіе. И вѣроятно, многіе изъ нихъ посылаются по адресу такихъ наивныхъ людей, которые, отправивъ свое стихотвореніе въ журналъ, надѣялись услышать серьезное о немъ мнѣніе или совѣтъ. И конечно презрительный или насмѣшливый отвѣтъ отниметъ у наивнаго автора охоту подписываться на

то изданіе, въ которомъ посмѣялись надъ его довѣрчивостью и искренностью.

Трунить такъ вошло въ моду, или лучше сказать, обычай, что во многихъ газетахъ завели цѣлые отдѣлы столбца въ два, наполненные остроумною болтовнею, впрочемъ не всегда остроумною. Трунять иногда надъ лицами даже почтенными. Такъ, недавно мнѣ рассказывали, что въ одной московской газетѣ присяжный болтунъ назваль J. J. Ясинскаго „Іеронимушкою“ и выставилъ его въ какомъ-то смѣшномъ видѣ. Не подозрѣвая, что подъ этимъ Іеронимушкою подразумѣваютъ почтеннаго писателя, проводящаго въ своихъ произведеніяхъ благородныя мысли, низкопробные читатели помирали со смѣху. Точно также смѣются они, когда, не умѣя выговорить пущенное теперь въ употребленіе слово „финдесіеклисты“, читаютъ „финтиклисты“ и понимаютъ подъ этими финтиклистами что-то уморительно смѣшное, а совсѣмъ не людей конца вѣка. Нечего говорить, въ какое затрудненіе ставить своихъ читателей мелкая пресса другимъ новымъ словомъ, которое тоже успѣло опошлѣть, вслѣдствіе частаго его трепанья; это слово—„интервьюировать“.

Новѣйшія газетки, введя на своихъ столбцахъ отдѣлы болтовни, попали въ жилку большому числу людей, которыхъ одинъ писатель назваль полуинтеллигентами. И эти полуинтеллигенты оказались однако охотниками читать: они поддерживаютъ мелкую печать до такой степени, что нѣкоторые листки расходятся въ двадцати и болѣе тысячъ экземпляровъ.

А четверть вѣка назадъ и печатныхъ органовъ было меньше и подписчиковъ у нихъ было сравнительно мало. Тогдашній русскій читатель былъ скуповатъ

на подписку. Я помню, когда вслѣдствіе увеличенія платы за разсылку газетъ, редакторъ „Современныхъ Извѣстій“ вынужденъ былъ прибавить четвертакъ къ подписной платѣ, то въ контору пришли два священника и заявили: „Такъ какъ газета ваша вздорожала, то считайте насъ отъ нея отреченными“.

Быть можетъ, для исторіи ежедневной журналистики не лишнимъ будетъ, если я расскажу объ основаніи тѣхъ изданій, въ которыхъ въ продолженіи многихъ лѣтъ я была постоянною сотрудницею. „Современныя Извѣстія“ начали издаваться въ декабрѣ 1867 года, а я поступила туда 6 февраля 1868 года и при основаніи ихъ не присутствовала; но мнѣ объ немъ рассказывалъ самъ редакторъ-издатель. Онъ занималъ тогда должность начальника синодальной типографіи и не думалъ объ издательствѣ.

Въ литературѣ же онъ участвовалъ давно, а именно писалъ иногда руководящія статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Днѣ“ и въ „Русской Бесѣдѣ“; въ послѣдней онъ подписывался „Веселый Долгій“. Широкой публикѣ онъ былъ извѣстенъ только какъ цензоръ; а въ тѣсномъ журнальномъ кругу знали его публицистическую способность. И вотъ одинъ изъ проведенныхъ долгіе годы при журналистикѣ, Нилъ Андреевичъ Основскій, не имѣя самъ образовательнаго ценза для издательства (тогда вѣдь не разрѣшали изданіе людямъ, не кончившимъ курса наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи), цѣлое лѣто 67-го года ѣздилъ къ Гилярову-Платонову на дачу и убѣждалъ его приступить къ изданію такой газеты, въ какой, по его словамъ, нуждалась тогда читающая публика. Онъ увѣрилъ Никиту Петровича, что имѣетъ достаточно де-

негъ для начала изданія, и наконецъ добился отъ него согласія. Но все-таки Гиляровъ-Платоновъ не имѣлъ охоты издавать газету и желалъ, чтобы ему не дали разрѣшенія. Онъ говорилъ мнѣ, что поѣхалъ въ Главное управленіе по дѣламъ печати нарочно въ понедельникъ, какъ въ день тяжелый, но разрѣшеніе на издательство дано ему было въ тотъ-же день.

Однако вскорѣ обнаружилось, что денегъ у Нила Андреевича Основскаго было мало; хватило только на задатки за шрифтъ, машину и бумагу, и все это было взято въ кредитъ. Такое открытіе очень разстроило Н. П. Гилярова-Платонова и онъ заболѣлъ нервною горячкою въ самое важное для подписки время, именно въ январѣ. Газета выходила кое-какъ, почти безъ корректуры. Выздоровѣвъ, онъ разстался съ Н. А. Основскимъ и занялся усердно изданіемъ, посвящая ему, впрочемъ, только вечера, свободные отъ занятій по должности. А потомъ, осенью 1868 года, какъ я писала уже, совсѣмъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя только газетѣ.

Помнится, въ 1876 году въ первый разъ я встрѣтила въ редакціи „Современныхъ Извѣстій“ Николая Петровича Ланина. Онъ былъ тогда гласнымъ Думы и принималъ къ сердцу дѣла городского самоуправления. Очевидно, ему нужно было провести въ печать нѣкоторые свои взгляды на эти дѣла, а также, помнится, онъ очень интересовался вопросомъ о взаимномъ страхованіи отъ огня. Кажется, поэтому именно поводу онъ и пріѣзжалъ въ „Современныя Извѣстія“. А такъ какъ личные взгляды удобнѣе всего проводить въ своемъ собственномъ печатномъ органѣ, то г. Ланинъ и пріобрѣлъ „Русскій Курьеръ“ отъ Дмитріева. Н. П.

Ланинъ посвящалъ тоже много времени газетѣ и занимался усердно; но все-таки литературнымъ человѣкомъ такъ и не былъ. Да и не могъ быть, потому что коммерція и литература — это масло и вода, которыя никогда не могутъ соединиться. Помню, когда разъ какой-то „коммерческій человѣкъ“ явился къ Гилярову съ предложеніемъ купить у него газету и началъ высчитывать количество подписчиковъ, приходовъ и расходовъ, редакторъ „Современныхъ Извѣстій“ сказалъ ему: „Есть еще одинъ пунктъ, который нельзя высчитать цифрами. — Это *свои воззрѣнія*“.

Вообще въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ не было слѣдовъ коммерческаго духа, а въ „Русскомъ Курьерѣ“, исключая редакціи и типографіи, во всемъ веденіи дѣла преобладалъ коммерческій духъ, такъ какъ газета введена была въ торговый дворъ. Когда я переѣхала въ домъ Ланина, на другой-же день контора прислала мнѣ фабричную расчетную книжку и потребовала отъ меня адреснаго билета на случай болѣзни и помѣщенія меня въ больницу, а мужа моего вызывали къ воротамъ для разговоровъ съ приходившими къ нему знакомыми. Спустя уже долгое время понято было, что со служащими въ газетѣ нельзя обращаться, какъ съ людьми заводскими.

Третье изданіе, въ которомъ я не только принимала дѣятельное участіе, но которое сама и основала, былъ „Другъ женщинъ“. Лѣтъ пятнадцать я лелѣяла мысль объ этомъ изданіи, но крайній недосугъ при работѣ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ не давалъ мнѣ возможности привести эту мысль въ исполненіе. На второй-же годъ своего пребыванія въ „Русскомъ Курьерѣ“ я выхлопотала себѣ право изданія и печатала мой

журналъ на тѣ денежныя средства, которыя зарабатывала въ „Русскомъ Курьерѣ“. Мнѣ хотѣлось, чтобы въ журналѣ моемъ принимали участіе и высказывали свои нужды и мнѣнія женщины, какъ самыя образованныя, такъ и ремесленницы; чтобы журналъ не имѣлъ узко-партийнаго характера; но тогда, какъ потомъ оказалось, такая программа была еще не ко времени. Впрочемъ я передъ этимъ не остановилась бы и на замѣчанія критики чувствовала себя состоятельной отвѣчать; но продолжать изданіе стало невозможнымъ потому, что „Русскій Курьеръ“ пріостановился на четыре мѣсяца, а слѣдовательно прекратились и средства на изданіе. Тогда я передала безвозмездно журналъ свой А. И. Волковой. „Другомъ женщинъ“ я занималась съ такимъ увлеченіемъ, что совсѣмъ забывала свою частную жизнь. Съ 6 часовъ вечера и до 5 или даже до 6 часовъ утра я работала въ „Русскомъ Курьерѣ“, а съ 12 часовъ пополудни уже шла въ редакцію своего журнала, помѣщеніе подъ которую мнѣ бесплатно давала въ своей квартирѣ въ Ащеуловомъ переулкѣ одна моя подруга по институту. Въ редакціи „Друга женщинъ“ сидѣла до 5 часовъ, а къ 6 часамъ спѣшила поспѣть въ Замоскворѣчье въ „Русскій Курьеръ“. Въ минуты досуга писала статьи и рассказы для своего журнала, корректировала ихъ и отвѣчала на иногороднія письма. Трудиться приходилось много; но трудъ этотъ былъ пріятенъ: сознавала приносимую пользу и чувствовала нравственный подъемъ духа. Работы въ „Другѣ женщинъ“ и писаніе беллетристическихъ вещей наполняли мои краткіе досуги въ „Русскомъ Курьерѣ“.

Перебирая недавно свой портфель, въ который въ

продолженіи почти четверти вѣка я бросала письма и разные почему либо памятные для меня клочки бумаги, я припомнила, чѣмъ наполнялись минуты моихъ досуговъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“. Въ портфель нашлось много вырѣзокъ изъ иностранныхъ газетъ, которыя оказались моими-же корреспонденціями въ чешскія изданія во „Львовское слово“ и въ „Correspondance slave“. Живя тогда только газетною жизнью и ежедневно прочитывая со вниманіемъ нѣсколько иностранныхъ газетъ, я невольно интересовывалась даже мелочами газетными и принимала ихъ близко къ сердцу. Въ портфель нашелся черновикъ моего письма въ „Пештскій Ллойдъ“; въ этомъ письмѣ я говорю, что хоть новую неподвижную звѣзду въ туманномъ пятнѣ Андромеды видѣли извѣстные астрономы Гартвигъ, Клейнъ и Мейнардусъ, но было-бы большою несправедливостью назвать ее именемъ кого либо изъ нихъ. Новая звѣзда *должна* быть названа именемъ талантливаго венгерскаго писателя Маврикія Іокай, такъ какъ еще въ 1851 году въ своемъ романѣ „Невидимая звѣзда“ онъ говорилъ, что въ созвѣздіи Андромеды есть неподвижная звѣзда, обыкновенно невидимая ни для кого; но ее видятъ наканунѣ сраженія только тѣ воины, которымъ назначено быть на другой день убитыми. Маврикій Іокай указалъ то мѣсто, на которомъ теперь появилась новая звѣзда. Въ заключеніе я съ жаромъ говорю: „Also die Ausgeburt der lebhaften Phantasie, die dichterische Fiction hat sich in einer seltsamen Weise verwirklicht“, и убѣждаю газету настаивать, чтобы крестнымъ отцомъ новой звѣзды былъ Маврикій Іокай.

Черезъ большой промежутокъ времени выяснилась,

именно какъ звѣзда въ туманномъ пятнѣ, вся наивность этого письма, а съ какимъ жаромъ и какъ искренно оно было написано! Впослѣдствіи, помнится, оказалось, что никакой звѣзды и не было открыто.

Но всѣ эти наивныя и ненаивныя, глупыя и неглупыя письма были лишь отдыхомъ среди многочасового ежедневнаго усиленнаго труда надъ печатнымъ словомъ. И пока приходилось быть дѣйствующимъ лицомъ, какимъ негладкимъ казался этотъ трудовой путь, преисполненный колебаній, терзаній и опрометчивостей, словно пробиралась я по ухабамъ и калужинамъ. А теперь, когда онъ закончился, и я гляжу на него со стороны и объективно, этотъ двадцатипятилѣтній періодъ времени представляется мнѣ ровнымъ и стройнымъ цѣлымъ. Крошечный трудъ—стараться ежедневно давать читателю отъ 100 до 300 строкъ полезнаго чтенія, при своей ежедневной микроскопичности, составляетъ за четверть вѣка, хотя малое, посильное, но все таки служеніе обществу. А это уже утѣшеніе. Много терній было на этомъ пути; но, прошедши его, я не раскаиваюсь, что выбрала именно его, хотя онъ и не обезпечиваетъ старости. Даже можно сказать, дня не проходило безъ мелкихъ терній; но особенно чувствительны они были въ началѣ. Въ Москвѣ мнѣ первой изъ женщинъ своего времени пришлось работать въ газетѣ, и въ типографіи по ночамъ оставаться только съ рабочими. Приходилось слышать такія слова и выраженія, къ которымъ, не смотря ни на какія усилія и доводы со своей стороны передъ собою-же, не можешь привыкнуть и не можешь не чувствовать каждый разъ внутренняго оскорбленія. Случалось служить потѣхой для рабочихъ; такъ, разъ ночью зимою меня запер-

ли въ холодныхъ сѣняхъ, куда я вышла безъ шубы въ одномъ платкѣ. Такъ простоять мнѣ пришлось болѣе получаса, и я слышала, какъ тамъ за дверью смѣются надъ моимъ положеніемъ; но ни на слова ихъ, ни на поступки я не жаловалась и даже показывала видъ, что ничего не замѣчаю и не слышу. Хотѣлось доказать, что и женщины могутъ мужественно трудиться. Бывали и подвохи: такъ, конторщикъ попросилъ меня разъ замѣнить его въ конторѣ на короткое время, я постояла за него часъ и приняла нѣсколько подписчиковъ. Подавая отчетъ редактору, онъ сказалъ, что не досчитывается трехъ рублей, и извинился, что на одинъ часъ отлучался. Когда редакторъ спросилъ: кто его замѣнялъ? онъ глазами показалъ на меня и подалъ ему квитанцію, написанную почеркомъ, очень похожимъ на мой. Редакторъ все таки усомнился и потребовалъ другія мои квитанціи; тутъ то и обнаружилась поддѣлка, а вдобавокъ въ поддѣльной квитанціи оказалась орфографическая ошибка. Я только черезъ мѣсяць узнала отъ редактора объ этомъ подвохѣ, когда конторщику отказали. Впрочемъ не перечтешь этихъ мелкихъ терній; бывали и покрупнѣе и до конца.

Продолжительное служеніе почти на всякомъ поприщѣ втягиваетъ въ себя служащаго ему, а служеніе печатному слову тѣмъ болѣе и сильнѣе. И теперь, когда я не занимаю уже постоянной должности ни въ какомъ изданіи, въ досужіе часы я мечтаю объ идеальной газетѣ, названіе которой почему-то дала „Свитокъ“ и форматъ ея соотвѣтствуетъ свитку. Одна полоса занята справочнымъ отдѣломъ и публикаціями, а другая наполнена текстомъ, содержательнымъ, вѣскимъ, лапидарно-сжатымъ.

Продолжительныя ежедневныя газетныя занятія выработывали въ тѣ времена кабинетныхъ людей, которые при столкновеніи съ людьми практическими попадались въ просакъ. Такихъ просаковъ бывало такъ много, что разсказами объ нихъ можно было-бы наполнить нѣсколько страницъ, но особенно въ памяти остался у меня слѣдующій. Въ 1868 году московскій гостинный дворъ, или по просту „городъ“ съ его пресловутой „ножовой линіей“ былъ въ крайнемъ запущеніи: внизу наровнѣ съ тротуаромъ обвалилась штукатурка и обнажились кирпичи, а въ этихъ кирпичачъ даже образовались пробоины; полъ въ проходахъ между рядами былъ такъ избитъ и неровенъ, что можно было сломать ноги, а когда по праздникамъ ряды были закрыты, то фасадъ ихъ бывалъ крайне безобразно разукрашенъ рванными рогожами, кулями и досками, прикрывавшими разбитыя двери.

Возмутительно было смотрѣть на равнодушное отношеніе купцовъ къ своему торговому гнѣзду, которое давало имъ хорошіе барыши. Въ это время А. А. Пороховщикову пришла мысль о перестройкѣ этихъ рядовъ и онъ составилъ проектъ и планъ. Быть можетъ, и проектъ, и планъ были хороши, а перестройка была безотложно необходима; но редакторъ „Современныхъ Извѣстій“ выступилъ противъ проекта Пороховщикова. Причина такого поступка была слѣдующая: какъ только торговцамъ гостиннаго двора стало извѣстно о проектѣ Пороховщикова, они немедленно составили свой проектъ и прислали его съ однимъ писчебумажнымъ торговцемъ къ Гилярову-Платонову. Этотъ депутатъ показаль ему проектъ лавковладѣльцевъ, и сладко-вкрадчиво объяснялъ, что если перестроить

ряды дадутъ Пороховщикову, то множество сиротъ, вдовъ и старцевъ останутся безъ всякихъ средствъ къ существованію и окажутся нищими. Онъ указывалъ, какъ въ представленномъ имъ планѣ, при грандіозной перестройкѣ, сохранены будутъ размѣры лавокъ.

— Вотъ изволите видѣть этотъ маленькій квадратикъ, говорилъ онъ сладкимъ голосомъ, — эта крошечная лавочка принадлежитъ одной старушкѣ, которая сдаетъ ее въ аренду и этимъ только поддерживаетъ свое существованіе. А вотъ этотъ узенькій четвероугольникъ принадлежитъ сироткамъ, которые содержатся и воспитываются только на аренду за лавочку, оставленную имъ родителями.

Гиляровъ - Платоновъ довѣрчиво разсматривалъ планъ и съ наивною улыбкою удовольствія сказалъ мнѣ:

— Посмотрите, какъ ухитрились соблюсти вѣрно всѣ размѣры, Вотъ большая лавка, а возлѣ нея крошотная; такъ и останется при перестройкѣ, хотя фасадъ, видите, какой великолѣпный.

Лавковладѣлецъ пріятно улыбался и благодарно смотрѣлъ на редактора. Передъ уходомъ онъ сказалъ:

— Ужъ не оставьте насъ своимъ вниманіемъ: будьте нашимъ покупателемъ; товаръ у меня хорошій. Вамъ вѣдь много требуется и перушекъ, и карандашиковъ, и бумажки.

Редакторъ замѣтилъ купцу, что хотя онъ напишетъ статью въ пользу ихъ проекта, но все-таки надѣется, что они поторопятся, такъ какъ перестройка рядовъ крайне необходима. Лавковладѣлецъ отвѣтилъ, что торговцы сами понимаютъ, какъ нужна перестройка и немедленно къ ней приступятъ, когда ихъ планъ бу-

детъ утвержденъ. По уходѣ его, редакторъ долго любовался оставленнымъ у него планомъ и написалъ энергичную статью въ его защиту.

Вскорѣ послѣ этого редакторъ послалъ въ его лавку за письменными принадлежностями. Лакей принесъ дѣйствительно хорошій товаръ и сказалъ, что денегъ не взяли, а обѣщали потомъ прислать счетъ.

Прошло около года. Изъ лавки этого купца, наконецъ, прислали счетъ. Редакторъ посмотрѣлъ его и развелъ руками: счетъ былъ сильно преувеличенъ и по цѣнѣ, и даже по количеству отпущеннаго товара. Доказать-же, что на счетъ было много приписано, нельзя было потому, что лакей не зналъ, чего ему положили въ свертокъ.

Черезъ день я поѣхала нарочно въ лавку этого купца и, покупая перья и карандаши, мимоходомъ сказала:

— Кажется, эти ряды скоро будутъ перестраиваться?

— Это вы насчетъ Пороховщикова? Онъ провалился со своимъ планомъ, отвѣтилъ, очевидно забывшій меня торговецъ.

— Нѣтъ; я слышала, будто сами лавковладѣльцы будутъ перестраивать.

— Еще не скоро, да и не для чего. Поторгуемъ и мы, и дѣти наши поторгуютъ, сказалъ онъ самоувереннымъ тономъ.

Послѣ этого лѣтъ пятнадцать или шестнадцать проходила я мимо старыхъ рядовъ и, глядя на болтавшіяся рогожки, каждый разъ вспоминала, какъ гостинодворцы провели редактора.

Хотя „Современныя Извѣстія“ и „Русскій Курьеръ“, сравнительно съ другими осторожными органами пе

чати, существовали недолго, но пользы принесли достаточно. Я-же лично благодарна имъ за то, что они дали мнѣ возможность прожить двадцать лѣтъ честнымъ трудомъ.

Въ воспоминаніяхъ объ этихъ газетахъ мнѣ невольно пришлось не мало говорить о себѣ. Поэтому я воспользуюсь случаемъ сдѣлать одну поправку. Въ толстомъ „Московскомъ календарѣ“, изданномъ, помнится, въ 1886 году, въ рубрикѣ „писательницъ“ я увидела свою фамилію; но, очевидно, свѣдѣнія обо мнѣ сообщены были лицомъ, меня совсѣмъ не знавшимъ, а именно тамъ значится: „М. Богаевская (Скавронская)“. Я-же подписываюсь Сковронская и это не псевдонимъ мой, а фамилія моего перваго мужа. Писать я начала, бывши вдовою Сковронскаго; по второму же браку я не Богаевская, а Богуславская. Лицо, дававшее въ календарѣ обо мнѣ свѣдѣнія, перепутало меня съ писательницею Марією Богаевскою и, упомянувъ нѣсколько моихъ беллетристическихъ произведеній, приписало мнѣ ея стихотворенія. Я дѣлаю эту поправку ввиду того, что календарная ошибка пошла дальше и мнѣ недавно показывали книжку, въ которой перечислены псевдонимы русскихъ писателей, и тамъ опять я названа Богаевскою, пишущею подъ псевдонимомъ Сковронской.

5152
1900

58
1/4

Цѣна 1 руб.

ГПБ Русский фонд

20.47.6.13